

БЕЧІ

БЕЧІ

30

1988

30

Вече

Независимый русский альманах

30

Восьмой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ
© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1988
München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

САМИЗДАТ

Программа Издания	5
Явление Божией Матери	11
Е. Пашнин. Русские, берегите евреев	17
Вл. Зелинский. „Покаяние“ на улице Варлама	23

ПРОБЛЕМЫ ВЕРЫ И КУЛЬТУРЫ

Т. Горичева. Об истощании в русской культуре	37
--	----

ТРИБУНА „ВЕЧЕ“

Толстой. Очередное произведение о русском скотстве	59
Е. Анцупов. Скорбная политика встреч	73
В. Ковалёв. Ненависть к России и невидимая рука социализма	97
Юрий Штейн. О судебном процессе в Иерусалиме	117

ЦЕРКОВЬ И КОММУНИЗМ

Вл. Степанов (Русак). Главы из книги Воспоминания сестры Русака Владимира Степановича Марии о брате	125
	144

ПЕРЕСТРОЙКА И РЕЛИГИЯ

Михаил Назаров. Может ли атеизм поумнеть?	149
---	-----

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

И. Дугас. Летописное „Сказание“ о путешествии апостола Андрея по русской земле	163
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Кирилл Питорин. Еще один русофобский опус	179
ПО ТЕЛЕФОНУ ИЗ МОСКВЫ	
Интервью Д. Д. Васильева	205
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Издание „Памятников русской духовной музыки“	217
НАМ ПИШУТ	221

САМИЗДАТ

От редакции «Вече»

В 1987 г. в Москве был основан самиздатский литературно-философский журнал русской христианской культуры «Выбор». К апрелю этого года вышло в свет три выпуска этого журнала. Издатели и редакторы «Выбора» В. В. Аксючиц (117513 Москва, ул. Бакулева д. 6, кв. 135, тел. 458-49-35) и Г. А. Анищенко (111250 Москва, 1-й Краснокурортский проезд, д. 3/5, корп. 10, кв. 9, тел. 360-29-07) просят зарубежных авторов присыпать им свои статьи для публикации в их журнале. Редакция «Вече» предоставляет редакторам «Выбора» право перепечатки всех публикуемых в «Вече» материалов.

Ниже мы печатаем программу издания журнала «Выбор», редакционную статью „Явление Божией Матери“ («Выбор» № 1), а также статью В. Зелинского „Покаяние на улице Варлама“ («Выбор» № 2).

Программа издания

Слово „Выбор“, вынесенное в название журнала, сейчас на устах, в мыслях и в душах многих людей. Это понятие наполняется разными смыслами в зависимости от мировоззренческих позиций. Но всех нас в определенной степени объединяет ощущение кризисности исторического

момента, его решающей роли в судьбе всего человечества.

Очевидно, в истории народов завязываются узлы, в которых сгущается смысл происходящего: итожится прошедшее, осознается настоящее, намечаются пути будущего. Для многих ясно, что Россия – на историческом переломе. Но только христианскому сознанию открывается духовный смысл истории. Сейчас решаются не столько вопросы экономического благосостояния или политического равновесия, по-новому встает проблема духовного самоопределения Отечества, судьбы русской культуры. Ибо духовная культура – не „надстройка“, а „базис“ материальной цивилизации.

Трагический опыт России, подвиг миллионов мучеников требует от нас возвыситься над господствующими в современности идеалами материального прогресса. Наш долг – возродить духовную культуру России, восстановить связь с органичными ее истоками – Русским Православием, приобщиться к традиционному универсализму и открытости, „всечеловечности“ (по Достоевскому), русской религиозной души. Мы должны осознать итоги трагического пути и разглядеть источники наших бедствий. Мы призваны вновь научиться мыслить онтологически, видеть духовно и решать проблемы реально. Издание журнала свободной православной мысли и намечается как голос нарождающейся христианской общественности.

В этот ответственный момент христианское сознание как никогда не имеет права замыкаться в какой-либо частной области. Единственно важная проблема для верующих – спасение во Христе – не закрывает от нас богатство и сложность жизни, но по-новому освещает их. Истинно христианским может быть только универсальный ответ на все проблемы бытия. Мы глубоко верим, что православное сознание может и должно охватить все вопросы, от которых зависит духовный выбор человечества, богословские и философские, социально-политические и исторические, творческие и научные. Именно в этом нам видится долг современных христиан перед

историей и будущим.

Христианская мысль должна быть голосом полной правды. Свидетельство о Христе требует бескомпромиссного служения истине и мужественного обличения неправды жизни. Только этот путь спасителен для нас и только им мы можем подняться со дна темной пропасти, в которую так долго скатывались. Правда часто жестока, но только она оказывается целительной. Полуистина есть форма лжи и самообмана, а Божия правда являет собой бескорыстную любовь и беспредельное доверие к достоинству человека. Поэтому «Выбор» будет органом свободного и откровенного высказывания по всем духовным и жизненно важным проблемам.

Православная духовность требует от нас, наряду с бескомпромиссностью мнений и откровенностью суждений, смирения в самооценке и открытости любви. Нам необходимо восстанавливать атмосферу христианского общения, учиться уважению чужого мнения и достоинства друг друга. Наша общая задача – создавать отношения соборного творчества – свободы каждого в единстве любви и взаимопонимания. Мы хотим возрождения свободной христианской общественности, воспитания творческой активности, укорененной в православном предании. Все это тоже может послужить укреплению основ нашей Церкви. Таким образом, христианский журнал необходим для отражения нынешней растущей и развивающейся вокруг нас духовной жизни, для осмысления и кристаллизации современной культуры.

*

Истина во Христе одна, но пути к ней различны. Духовному выбору предшествует восстановление исторической памяти, осознание, поиск. Поэтому издатели не претендуют на то, что их журнал станет рупором окончательной истины. «Выбор» будет органом совместного труда, соборного творческого самоопределения. Живое внутрицерковное единство не исключает, а предполагает различие

точек зрения, независимую богословскую и философскую мысль, смелые актуальные суждения. В православии нет и не может быть человеческой инстанции, наделенной прерогативой окончательного решения всех вопросов. Пусть не смущает читателя то, что самые заветные понятия, такие как Россия и Православие, также подвергаются дискуссии. Все мы стоим у врат нами же поруганной Церкви. И нам еще только предстоит смиренно вернуться на свою духовную Родину – в лоно Русского Православия. Каждый христианин сейчас в России призван совершить усилие поиска и восстановления. Каждый из нас должен ощутить, что от его выбора зависит не только его личное спасение, но и спасение его Родины, жизнь всего человечества.

Стремясь вернуться к собственным религиозным истокам, мы видим наш журнал в традиции тех духовных поисков, о которых напоминают „Вехи“, „Из глубины“, „Путь“, „Из-под глыб“.

*

Не предопределяя и не ограничивая авторских точек зрения, издатели считают необходимым выразить свое отношение к некоторым проблемам современности.

Прежде всего, наша боль и любовь – Россия. Россия – это наш дом, наша Родина, плохая или хорошая, но единственная, и другой у нас на земле не будет. И если мы хотим жить и дать будущее детям, мы должны не разрушать родной дом и не ждать пассивно, когда он похоронит всех под обломками, а осторожно и настороживо отстраивать его.

Мы сознаем, что духовный фундамент России – русское христианство, Православие, которое воспитывало терпимость и братское отношение к людям различных вероисповеданий в огромной стране. Но мы видим, что по нашей общей вине многие соотечественники оказались безбожниками, то есть людьми, слепо разрушающими духовные устои страны. Заповеди же нашей небесной

Родины требуют „взлюбить врагов“, то есть научиться относиться к атеистам как к заблудшим братьям во Христе.

В импульсе духовного общенационального примирения, который исходит от христианства и основан на любви, милосердии и прощении, мы видим единственный путь спасения России и всех в ней живущих. И более того, примером смиренной любви и покаяния Россия может предуказать дорогу спасения всему миру.

Нам представляется, что перед лицом угрозы всеобщей гибели настало время признать, что современные глобальные проблемы требуют объединения творческих сил всего народа и совместных поисков различных групп общества.

Заветная цель – внести посильный вклад в создание духовного единства нашего отечества – и является причиной, побуждающей нас приступить к изданию журнала.

*

Мы уверены, что и на гражданском уровне необходимо осмысление непреложных исторических и религиозных истин. Очевидно, государственная власть в СССР желает сохранить мир и руководить процветающей державой, а не отсталой страной Третьего мира. Но сейчас уже ни для кого не секрет, что единственный путь к этому – открыть простор свободному творческому проявлению всех граждан страны. Русские православные христиане готовы внести вклад в дело возрождения и укрепления Родины. Но они могут быть хорошими гражданами своего земного отечества лишь в том случае, если государство не будет притеснять церковную жизнь и насиливать религиозную совесть верующих. Именно духовный радикализм христиан делает их умеренными консерваторами в жизни и хорошими союзниками в деле творческого переустройства, ибо христиане предпочтут мудрое равновесие, органичный рост и упорный труд всяkim безответственным

крайним средствам. Сейчас в интересах самой государственной власти отказаться от политики общеобязательного и насаждаемого атеизма, которая потерпела полное банкротство, связана с самыми мракобесными силами страны и только компрометирует власть в глазах своих граждан и всего мира.

Все более становится очевидным, что восстановление нравственного здоровья общества, возрождение семьи, воспитание совестливого, ответственного и трудолюбивого человека, то есть то, без чего немыслимы благие преобразования в России, - требуют активного участия тысячелетнего духовного наставника народа – Русской Церкви.

Одна из целей журнала – попытка диалога с атеистами по общим проблемам жизни.

*

Мы приступаем к открытому самостоятельному изданию журнала русской христианской культуры, сознавая ограниченность наших возможностей, но уповая на помощь Божию и на сотрудничество братьев по вере. В то же время мы не теряем надежды получить возможность официального издания.

Нам хотелось бы создать журнал, в котором будет звучать современная христианская проповедь и апологетика, проводиться свободные богословские и философские дискуссии, в свете христианского мировоззрения будут рассматриваться все жизненные проблемы. Мы надеемся на участие в журнале свежих творческих сил, ищащих новые христианские пути в прозе и поэзии, литературоведении и критике. Мы приглашаем читателей к тесному сотрудничеству, надеясь не оставлять без внимания всякий отзыв или письмо. Наша основная цель: привлечь творческие силы общества для совместного созидания единой христианской культуры...

Явление Божией Матери

О явлении Пресвятой Богородицы в селе Грушеве Дрогобычского района Львовской области уже писали «Литературная газета», неофициальная и зарубежная пресса. Мы получили несколько новых свидетельств о происходившем и считаем своим долгом довести их до сведения наших читателей. Думаем, что даже мельчайшие подробности чуда, современниками которого мы были, не должны забыться и пропасть.

Сначала – об истории. В конце XVIII – начале XIX вв. на месте часовни стояла большая развесистая верба, внутри которой образовалось дупло, со временем наполнившееся водой. Вода обладала чудодейственной силой, исцеляла приходивших сюда верующих. Неизвестно, когда и как над этой св. купелью, высоко на вербе была укреплена икона Божией Матери, благословляющей эту купель и исцеляющихся вокруг нее. Икона эта, написанная на холсте, среди прочих имеет надпись: „Года (1806) многогрешным иконописцем Стефаном Чаповским“.

Многочисленные паломничества к этому св. месту вызывали репрессии местных властей, посыпавших гайдуков плетьми разгонять народ. Эта мера возымела обратное действие: число верующих увеличивалось. Тогда власти прибегли к крайним мерам, приказав разбойнику, по имени Юстин, разрушить святыню. Икону Пречистой Девы удалось спасти: ее перенесли в одну из церквей Грушева. Предание говорит, что тот Юстин претерпел вскоре возмездие: один за другим умерли все его родные. О святом же месте с тех пор свидетельствовала лишь

изрубленная, долгие годы источавшая „слезы“ росы в память некогда бывшей здесь славы. Все эти события произошли около 1840 года.

В 1855 году в этих местах свирепствовала страшная эпидемия холеры. В самый разгар эпидемии, физических и нравственных разрушений, которые были порождены близостью смерти, жители Грушева в одночасье как бы услышали голос, говорящий, что Господь послал на них бедствия как кару за осквернение святыни и что избавление придет, когда она будет восстановлена. Сразу после этого были собраны деньги и в соседнем селе Дорожеве куплена старая часовня, которую там должны были заменить новой церковью. Затем очистили дупло и купель старой, но еще здоровой вербы, построили над святыней из привезенного дерева малую церковь, соорудили алтарь и вернули святому месту образ Пресвятой Богородицы. Все это было устроено в три дня – и холера отошла. Основание этой часовни сопровождалось чудесным видением: одни видели 3 свечи, ясно горящих над св. купелью, другие неоднократно видели днем Богородицу в образе девы в еврейской одежде, третьи слышали в том месте мелодичный звон. Освящение часовни состоялось на **Успение Пресвятой Богородицы** 1856 года. С тех пор три раза в год (в храмовый день св. Троицы, на Успение и на Воздвижение) в часовне совершалось торжественное богослужение.

Часовня, построенная „на скорости“ и без прочного фундамента, простояла всего 22 года. Вместо нее попечением местного священника о. Иоанна Коростенского на средства верующих была построена деревянная просторная церковь во имя Пресвятой Троицы и дом для священнослужителей. С одной стороны церкви сооружен был балкон, с которого произносилось слово Божие народу. С северной стороны к церкви примыкала небольшая часовня во имя Успения Пресвятой Богородицы. Новая церковь и часовня освящены были 21 мая (ст.ст.) 1878 года.

Такова история, но большинству современных верующих она, конечно, неизвестна: прямая традиция прервана.

Народное сознание пытается восполнить пробел, и уже легенда заменяет собой историю. Нам сообщили современную версию происхождения часовни, бытующую в окрестных районах. Во время Отечественной войны в Грушево вошли советские танки. Местные жители упрашивали солдат не подъезжать близко к колодцу-родничку. Вода исцеляла от болезней, и люди боялись, что танки обрушат колодец и загрязнят воду. Один из танкистов, услышав о том, что это – место явления Богоматери, возмутился: „Я неверующий, а фашисты-верующие убивают людей. Никакого Бога не существует“. Он развернул танк, прошел несколько раз по колодцу, сравнял его с землей и уехал. Отвоевав, солдат вернулся домой. Через некоторое время у его единственного сына открылась болезнь глаз, он ослеп. Медицина была бессильна. Во сне бывшему танкисту явился человек и сказал: „Сына твоего вылечит вода из колодца, который ты уничтожил“. Отец отправился на поиски колодца, нашел его, привез воду и омыл глаза сына: тот прозрел. После этого отец раздал свое имущество, поехал в Грушево, стал там отстраивать колодец и возводить над ним часовню. Этому стали препятствовать местные власти. Бывший танкист сдал свой партийный билет и фронтовые награды, но часовню достроил.

Так переплетается в сознании людей история и современность, земная реальность и Божественное чудо, легенда и действительность.

Теперь перейдем к современным событиям.

26 апреля 1987 г. в день Антипасхи и начале недели о Фоме около часовни явилась Пресвятая Богородица в nimbe и светоносной короне. Богоматерь ходила около часовни и позвала к себе 12-летнюю девочку Марию. Дом родителей Марии стоит на пригорке против часовни и отделен от церковной ограды небольшим картофельным полем (с этого пригорка видение наблюдалось особенно хорошо).

Если в церковной жизни 26 апреля 1987 г. связано с воспоминанием о Фоме-неверующем, то в жизни мирской

этот день – годовщина Чернобыльской трагедии. Это уже второе совпадение, указывающее на мистический смысл прошлогодней катастрофы (первым было само название города: „Чернобыль“ на русский язык переводится апокалиптическим словом „полынь“.

С апреля по 28 августа (Успение Богородицы) сотни тысяч самых разных людей, съехавшихся со всей страны, могли видеть Пречистый образ (верующие) или силуэт (неверующие). Рассказывают, что приблизительно в это время явления Богоматери были и в других местах Львовской и Иваново-Франковской областей. Богородица являлась на куполах храмов и на крышах жилых домов, одна и в окружении святых.

Попробуем обобщить то, что разные люди видели в Грушеве. Богоматерь стояла в темном монашеском одеянии (иногда на платке была видна белая кайма) на внешнем балконе часовни. Время от времени (ранним утром) Богородица спускалась с балкона на землю и ходила вокруг часовни. Позже видение стало появляться и на куполе.

Почти все присутствующие видели темный силуэт: женскую фигуру в человеческий рост, иногда – одну голову. Верующие сравнивают видение с изображением на Почаевской и Казанской иконах Богоматери. Богородица перемещалась по балкону, меняла положения, кланялась, делала движения рукой. Рука светилась; часть людей, которая не видела силуэт, видела движения светоносной руки.

Богоматерь открывалась людям по-разному: одни видели ее лишь в темном одеянии, другие – в золотом сиянии и свете. Свет проходил сквозь дождь, проникал через доски балкона. Многие видели, как золотистая дымка окутывала часовню и всю окрестность (при этом зелень травы и листьев делалась еще ярче). Иногда очень ярко начинал сиять нимб вокруг головы Богородицы. Его цвет можно сравнить с внутренним блеском червонного золота. Круг этот разрастался, заполняя собой все пространство.

Преображалось и пространство: оно становилось плоским. С пригорка напротив часовни все предметы (кроме людей у часовни) казались расположенными на одной плоскости. Иногда пространство разделялось на две части: обычное и преображенное. Богородица казалась стоящей одновременно и на балконе, и за ним.

Если так можно сказать, стояние Богоматери было необыкновенно целомудренным: образ не насиливал человеческого воображения и воли. Он являлся ровно настолько, чтобы глаз мог увидеть. Один человек пошел по картофельному полю навстречу Богородице, силуэт становился все отчетливее. Казалось, еще шаг – и откроется Лик, но именно в этот момент образ исчез.

Очевидец рассказывает, что образ источал что-то похожее на энергию, незримый свет, мягкое нежное тепло, входящее прямо в сердце. Ощущение можно сравнить с тем, которое многие испытывают после Святого Причастия (только усиленное и протяженное по времени).

По ночам с обратной стороны часовни в двух окнах были видны две разгорающиеся лампады. Свет от фар проходящих машин не только не скрадывал, но даже усиливал свет лампад. Те, кто заглядывали в щели, видели внутри часовни Богоматерь, стоящую возле родничка. На утро люди обнаруживали, что в одном месте, где светила лампада, вообще нет окна, и в другом оно забито досками (хотя ночью видели даже блеск стекол).

Около часовни стояло большое дерево. Неверующие пытались объяснить видение тем, что на балкон падала тень от дерева. В один из дней совершенно неожиданно огромное зеленое дерево рухнуло. На нем сидели и даже спали верующие.

Местные власти пытались забить балкон досками и холстом. Но образ Богоматери на холсте выступал еще отчетливее. Поэтому холст пришлось снять. Многие очевидцы утверждают, что на нем появились три иконы Божией Матери с Младенцем, как на плащанице. Ходят слухи, что этот холст то ли утопили, то ли сожгли, то ли

увезли куда-то.

Рассказывают и о других чудесах: на Вознесение и на День Святой Троицы часовню облетал серебряный голубь, прямо над головами людей проносились звезды, на стеклах появлялось изображение Тайной Вечери.

Ближе к Успению чудеса почти прекратились. Никто из присутствовавших и не утверждал, что видит их. Богоматерь смешилась на балконе вправо и была едва различима. За час до Успенъя луна и все звезды исчезли с неба, хотя был тихий теплый вечер. Через час звезды появились снова. В сам день Успенъя образ был виден очень отчетливо, а потом исчез.

Все это время власти вели тяжбу с Богородицей. Вокруг часовни был установлен круглосуточный пост милиции, верующим запрещалось заходить на территорию часовни, сама она была заперта. По ночам зажигались прожектора. Посты ГАИ перекрывали дороги и не пропускали машины в Грушево. У тех же, кто проезжал, списывали номера. Дорогу перед часовней несколько раз заливали толстым слоем гудрона (вся домашняя живность ходила перепачканной).

К часовне подъезжала машина и атеистические пропагандисты через мегафон вещали нечто об „оптическом облаке“. Мегафоны использовались и для запугивания местных жителей: на всю деревню тех, кто давал приют паломникам, обвиняли в связи с униатами. Жителям было негласно запрещено оставлять у себя на ночлег приезжавших. Те же, кто нарушал запрет, подвергались настоящей травле. Одну из семей 8 раз вызывали в милицию. В домах без всяких ордеров устраивали обыски: осматривали помещения и вещи приехавших. Предельно запугана была семья девочки Марии, впервые увидевшей Богородицу. Ходят слухи, что родителей на несколько дней куда-то увозили. Они не появлялись у часовни, ничего не рассказывали.

Преследованиям подвергались и паломники: у них проверяли и переписывали документы, их фотографировали. Особенно „тучи сгостились“ на Успение, когда к мили-

ционерам присоединилось множество людей „в штатском“. Например, около 20 человек „штатских“ окружили дом, где остановились верующие, осмотрели помещения. Паломников загнали в автобус, там проверили документы, грозили увезти „для выяснения личности“. Особенно усердствовала в запугиваниях и оскорблении инструктор Львовского обкома партии Нина Герасимовна Романюк. Следовали обвинения в спекуляции наркотиками, в незаконном проникновении в чужой дом и т. д. „Беседы“ заканчивались категорическим требованием уехать из Грушевка. Одному из верующих было сказано: „Есть приказ вас арестовать, если не уедете“.

Народная молва по-своему „мстит“ властям. В Грушеве рассказывают, что Богородица пошла навстречу милиционерам, и они бежали от Нее целый километр.

Е. Пашнин

Русские, берегите евреев

„Праведник ненавидит ложное слово, а нечестивый срамит и бесчестит себя“.

(Причи 13-5)

«Экспресс-хроника» опубликовала письмо Иосифа Бегуна, и я спросил В. Осипова: „Читал?“ – „Читал“.. „Отвешишь?“ Володя долго и внимательно смотрел в мои глаза и сказал: „Зачем?“

– В издаваемом тобою журнале «Земля» я обратил внимание на впавшие в мою душу слова „Мы можем все стерпеть, кроме хулы на русский дух“.

– Здесь нет хулы, скорее это плевок. Плевали же в пречистый лик Иисуса Христа, почему не плюнуть в лицо последовательницы Христа – России.

Называли Христа и бесом (Марк. 3-22). Но молчать нельзя. Не молчал же Иисус Христос, когда говорил: „Лицемеры и фарисеи, вспомните Египет, из которого евреи уходили отягченные золотом и серебром“ (Исх. 2-12).

Россия была ограблена еще в 1927-29 гг. – дограбили. Это уже потом пошла она бездомной и нищей бродить по РСФСРии. Так что нечего стало с нее взять, осталось плюнуть в измученный лик и махнуть в Израиль. Иосиф так и сделал, молодец. В мордовских лагерях я встречал настоящих евреев, которые не прятались за инородные фамилии, не выставляли себя русскими, они мужественно несли свое страдальческое ярмо, гордясь древностью своего народа, богатством его культуры. Миша Хейфец, например, имел возможность публиковаться в престижном советском журнале при условии подачи материала под русским псевдонимом. М. Хейфец отверг это условие, оставался верным еврейской культуре, обычаям и традициям, смело пошел через гебистские казематы в мордовский концлагерь, в котором не стыдился своего еврейства, говорил: „Я – Миша Хейфец“. Чем мог помогал страждущим инородцам, в их числе русским, ибо сам не раз пережил плевки, насмешки, оскорблений и понимал боли других. М. Хейфец не плевал в колодец, из которого пил, из которого пили его предки, из которого будут пить его потомки. Миша Хейфец тоже уехал в Израиль. Иосиф Бегун с присущей фарисеям высокомерностью заявляет: „Нас мало, но нас слышит весь мир. А где вы, русские, демократы-националисты? И это при такой огромной нации“. У меня нет под рукой письма Бегуна, поэтому вышеупомянутые слова привожу по памяти, сохранив смысл сказанного Бегуном.

Милый Иосиф, зачем лукавить, так ли мало вас? Не следует быть столь наивными, чтобы допустить мысль, что самая древняя нация осталась законсервированной при росте населения среди других народов. Если даже взять библейские времена, то вход евреев в землю обетованную ознаменовался массовым истреблением народов, населявших эту землю. И в России я не знаю случая, чтобы еврейка abortировала. И в тех еврейских семьях, где мне приходилось бывать, я всегда находил много-детность. Иначе с русскими женщинами, они превратились в массовых убийц своих плодов во чреве только потому, что им не на что растить своих детей, нет материальных средств. И это при умело организованной изоляции русской молодежи в концлагеря, тюрьмы, психушки, армию. Я не говорю о медицине, водке на этиловом спирте и т. п. Но если даже встать на вашу позицию, товарищ Бегун, и принять ваш народ за малюсенькую нацию в утробе могучего, все подавляющего, все ассимилирующего, все русифицирующего русского народа, то и здесь давайте попробуем разобраться без лукавого фарисейства.

Материалы о группе Огурцова - Вагина пролежали под сукном западных маклеров от информации 8 лет, пока не выехал на Запад Е. Вагин и не вытащил эти материалы из-под сукна редакторских плутов. Как озлобились они за это на Вагина! Так озлобились, что даже организовали итальянский скандал, выплеснули на Вагина ушаты своего яда и не отравили. А здесь откуда-то выпер Осипов со своим «Вече», молчать невозможно, начали шипеть сквозь зубы разную муть, пусть западная публика разбирается, что к чему. Даже и в нынешнее время перестройки, гласности и нового мышления ни один самодеятельный журнал не был встречен так враждебно свободомыслящими демократами, как «Земля» Вл. Осипова. В Тарусской газетенке появилась гнусная статья об Осипове, в «Экспресс-Хронике» - письма Иосифа Бегуна. И пусть себе шипят и ругают, как официальные издания, так и самодеятельные авторы, но вот камнями стали бро-

сать. Нет, нет, не в переносном, а в буквальном смысле слова. С какой-то надрывной досадой говорил мне Володя Осипов: „Стекла бьют – плевать, чуть в голову камнем не угодили, угрожающие анонимки пишут, ГБ наверное подключилось“.

Вот так-то, дорогой Иосиф, обстоят дела с русскими патриотами.

Передо мной на столе Хроника защиты прав в СССР, изданная в Нью-Йорке в 1975 г. В ней приведен список узников Владимирской тюрьмы, сообщается о Яше Сусленском, Крониде Любарском, Володе Буковском, Михаиле Макаренко и т. д. Ищу свою фамилию – нет. Раз побежал по страницам и спискам – нет, Володи Титова тоже нет, о Володе Лазареве сказано: „Находится в психо-неврологическом отделении Рогова“. Тебе, Володя, повезло, хоть так, но сказано миру, дескать хоть и политузник, но дурак.

Отбыв свои 15 суток, я вышел из карцера, в который был тут же помещен Яша Сусленский. Что собой представляет владимирский карцер, мир знает. Не удивительно, что с больным сердцем Яков Сусленский в таком карцере потерял сознание. Мы объявили голодовку протеста, написали жалобы, чтобы Я. Сусленскому была оказана немедленная медицинская помощь и отменен карцер. Не знаю, можете ли вы представить, что значит голодать человеку сразу же после 15 суток владимирского карцера? А от меня в то время скрывали тюремные врачи, что в моем левом легком появилось очаговое заболевание, а луковица 12-перстной кишki поражена язвами. Я голодал вместе со всеми за узника Сиона Яшу Сусленского, за которого шумела мировая общественность, а о Жене Пашнине молчала даже боровшаяся за права Хроника прав в СССР.

27 января 1988 г. на квартире Валерия Сендерова состоялась пресс-конференция по религиозному вопросу. Меня, как верующего представителя „Пресс-хроники“ пригласили на эту конференцию. Валера встретил в дверях с недовольством, затем разрешил сесть в кресле

возле дверей, потом все-таки разрешил присутствовать на конференции без права голоса. И здесь все было расфасовано, запрограммировано, как на обычной партконференции. Хотя и без права голоса, но мне было интересно наблюдать, как иностранные журналисты откровенно зевают и поглядывают на часы. Даже яркие речи Саши Подрабинека и евангелиста Перчаткина не развеяли их скуки.

Вот так-то, дорогой мой Иосиф, и живет русское национальное движение без права голоса. Ну, а если заговорит «Вече» или «Земля», тут голос появится, загомонят о черносотенцах, стыдливо умалчивая о Красной Гвардии.

Знаете, Иосиф, честно признаюсь, смеялся от всей души над вашим анекдотом о старом армянине. И вот почему. Такая же древняя нация, как и еврейская, а по армянским преданиям, – древнее, ибо в Нахичевани находится могила Ноя, а на вершине Ааратских гор Ноев ковчег. Так вот, эта древнейшая нация с богатейшей армянской культурой, перед которой до сих пор изумленно преклоняются передовые люди планеты, эта нация была разделена и брошена на исламские ножи турок. Только за то, что являлась, является и будет являться верной последовательницей учения Христа. Мало того, даже у оставшейся половины был отнят Нагорный Карабах и передан во власть тех, кто не моргнув глазом уложил в землю, по советским сообщениям, около 40 армян в наши дни. И если бы русские не были искусственно вовлечены в погубившую их войну, конечно же, с этим замечательным армянским народом не случилось бы такой страшной трагедии. И вот этому остатку армян, сохранившемуся исключительно через веру предков, через изумляющую мир культуру, есть смысл говорить своим внукам „берегите евреев“? Хотя этому анекдоту я не верю, так как помню слова Бога, сказавшего: „Умножу как песок“. Поэтому беречься надо, по-видимому, самим армянам.

Но перейдем от анекдота к действительности. Там, в Армении, нашлись хоть старик и внуки, а здесь в России,

кому скажешь „берегите евреев“? Здесь последняя русская женщина убивает в утробе последний русский плод. Здесь последний русский парень умирает в ненужном ему Афганистане, здесь последний русский узник в полном замалчивании отдает Богу душу в страшном карцере, здесь последний Владимир Лазарев пишет пальцем на стене психушки: „Русские берегите евреев“.

Я согласен с Володей Осиповым, что ваши письма в «Экспресс-Хронике» ставят целью возбудить диалог между русскими и евреями, как это имело место между Христом и фарисеями. Это делается потому, чтобы полностью выявить затаенное русское движение, а уж потом распять его на рогатой звезде, как когда-то был распят на кресте Иисус Христос. Конечно же, настанет время, когда это движение явит себя миру во всем свете и славе воскресшего Иисуса Христа. А пока плуйте, плуйте, товарищ Бегун, в измученный лик России, но мы все-таки дождемся своего часа. И вы прекрасно это знаете, по крайней мере, чувствуете. Не все же время Володе Лазареву писать пальцем на стене психушки: „Русские берегите евреев“. „Ибо вот я взываю ко Господу вопль: Боже наш, спаси безумствующих от безумия, отврати евреев от тельца мира сего, даруй избранному народу посох Моисея, веру Аарона, любовь Иакова, спаси их своей любовью, милостью и щедротами, спаси еврейский народ, а через него и нас, аминь.“ „Впрочем, – говорит Бог, – Я оставил между Израильтянами семь тысяч мужей: всех сих колена не преклонялись пред Баалом, и всех сих уста не лобызали его“ (3-я Царств, 19, 18).

Вл. Зелинский

,„Покаяние“ на улице Варлама

„Заполненные залы, аплодисменты в кинотеатрах, невиданное количество рецензий – все это доказательство того, что в кино произошло долгожданное Событие“, – писала «Литературная газета» в феврале 1987 года вскоре после выхода фильма „Покаяние“ на московские экраны.

Событие назревало постепенно. Осенью прошлого года фильм уже шел вовсю в одном из центральных кинотеатров Тбилиси на проспекте Руставели и какими-то неторными тропами пробирался в Москву на закрытые просмотры. В студеную зимнюю пору перестройка надвигалась на столицу как циклон, мягкими южными волнами. Подтянутые кандидаты киноведения советовали публике закрытых просмотров не поддаваться неконтролируемым ассоциациям: в конце-концов фильм – это анатомия диктатуры вообще, что в Чили, что в Камбодже, ну, и у нас были некоторые ошибки... Действие происходит в неизвестной стране, по своему жанру фильм относится скорее к политической фантастике, да и на Западе великий Феллинни... Однако уже в апреле в «Московской правде» можно было, изумившись, прочитать:

„...Туман рассеивается, цепь фантастических видений обрывается, и мы видим скорбную очередь женщин, будущих вдов, и детей, будущих сирот, выстроившихся к тюремному окошку. Это уже наша, отечественная история. Это – 1937-й год“.

Набальзамированный и положенный в пантеоне нашей истории как „год окончательной победы социализма“, он

все чаще выкапывается из земли и приносится кем-то во двор нашего победившего социализма. Его потихоньку водворяют на прежнее место, восстанавливают памятник, ловят похитителей и даже скромно украшают цветами. Был такой много-многосерийный публицистический фильм „Наша биография“, кажется, совсем недавно его показывали по телевизору, и я не удивлюсь, если по слушаю юбилея вскоре покажут вновь. Год-людоед, представленный там, конечно, не в частной подвальной его жизни, но в документальной официальной истории, шагал в ногу со всеми, в мускулистом общем строю, как раз между 36 и 38 годами, такой же славный, улыбающийся, радующийся успехам, преодолевающий неимоверные трудности. И писательница Галина Шергова, автор и ведущая этого сериала, не казенно, а как-то по-женски, по-человечески уговаривала там зрителя чуть ли не теми же словами, что и одна из героинь „Покаяния“:

„Не забывай, что мы великому делу служим. Нас с гордостью будут вспоминать грядущие поколения. И поскольку у нас масштабы грандиозные, и ошибки будут большие. Может случиться, даже и невиновные станут жертвами. Но я уже слышу, слышу бетховенскую оду к радости, которая неминуемо скоро зазвучит по всей земле...

Радость – мира украшенье,
Дочь родная небесам.
Мы вступаем в упоеньи
О, чудесная, в твой храм!“

В этом есть что-то от фантазии Достоевского: под Шиллера и Бетховена судят и казнят художника Сандро. Кто не знает, напомню: столетие гибели Пушкина было главным культурно-политическим событием года „окончательной победы“. Народ в храме радости и население тюрьм или очереди у тюрьм неотделимы друг от друга и часто состоят из одних и тех же людей. Появлению Большого Брата предшествует миф о Большом Братстве и о братском светлом будущем... 37-й год не падает на головы как булыжник из когтей ястреба, но уверенно подымается по головам годов предыдущих. Посмотрев „Покаяние“, мы догадываемся – и в этом правда этого фильма – что людей убивают не столько железные

рыцари, сколько всенародные ликования, сочиненные и организованные ради „великого дела“ работниками идеологического фронта.

Разумеется, объем правды или информации о том где (здесь год как код ко всей той долгой эпохе), которую можно извлечь из нашего фильма, соответствует приблизительно, скажем, тому количеству информации, которую дает о немецкой истории между 1933 и 1945 годами чаплинский „Диктатор“ или „Карьера Артуро Уи“ Бертольда Брехта, созданные в начале 30-х годов. Но фильм Тенгиза Абуладзе сделан уже о прошедшем и сильно удалившемся где, и он – о покаянии. Искусство покаяния, достигнутое здесь, в целом отвечает тому уровню, который требуется от покаяния на сегодняшний день. Оно – часть перестройки. Оно входит в ее истеблишмент. Ныне, обойдя большинство кинотеатров страны, оно появляется каждый день в один и тот же час в кинозале „России“ на Пушкинской площади с обязательностью чиновника Министерства иностранных дел. О прошлом – полную правду, горькую правду, покаянную правду без всяких дыр и белых пятен на ней – таков лозунг и пафос сегодняшнего дня.

Горькая правда уложена в красивую притчу и от этого чуть менее горька. В цветовом отношении, т. е. еще до пробуждения мысли, она, горькая правда, скорее приятна. Первое, что мы видим – это диковинный сказочных форм и размеров торт на экране. Достойная, интеллигентная, иронически печальная дама Кетеван Баратели, занятая изготовлением и сбыvанием этих тортов, узнает от соседа, читающего рядом газету, о смерти городского головы Варлама Аравидзе. Взглянув из-под очков на его перевернутое изображение, она как будто на минуту задумывается... Из этого кинематографического воспоминания начинает разрастаться сюжет, отдельные части которого извлекаются из прошлого Кетеван, из прошлого Варлама, как сюрпризы из торта... Этих сюжетов много, и они слагаются в своего рода киномозаику на одну из самых грандиозных и загадочных тем нашего столетия –

тему о народном диктаторе. Каждый кусок этой притчи построен почти как самостоятельное целое, и его поверхность иногда рябит от наслаждающихся друг на друга намеков и ассоциаций, но все вместе сделано в духе хорошего народного примитива. Просто в целом и сложно в деталях, и в этом нарочитом сочетании того и другого – один из секретов фильма. Яркие краски почти без полутонов, да и речи героев словно бы попадают в тон этой восточной цветистости:

„Разве Варлам был твой родственник? – спрашивает Кетеван шумно горюющего соседа. Больше, чем родственник! Ближе не было у меня друга! – Счастливец ты, что ты знал такого человека... Кончилось мое счастье, не стало дорогого Варлама!“

В данном случае автор избавлен от необходимости пересказывать сюжет, который всем без исключения известен. Поэтому он видит свою задачу в том, чтобы пригласить читателя к прогулке по тем разнообразным ассоциациям и аллюзиям, которые в таком изобилии настойчиво провоцируются нашим фильмом.

Давно не стало дорогого Варлама, но все у нас как-то не хватает времени разобраться, кто же он был такой. „Аравин“, как подчеркивает Тенгиз Абуладзе в своих интервью, означает по-грузински „никто“. „Варлам-Никто“. Варлам Аравидзе похож на всех. Друг народа, он есть в то же время пожиратель народа. Вознесенный над всеми, он вместе с тем как бы слит с толпой, он есть ее проецированный образ, простой, понятный, человечный... Вглядимся в него: складывает руки и ораторствует без бумажки как правый диктатор, отпускает шуточки и поблескивает пенсне как левый диктатор, поет арии как древний диктатор, цитирует классиков как современный диктатор, покровительствует искусствам и убивает художников, как все диктаторы в мире, и как все они призывают к бдительности, и затравленно умирает в бункере... Сталин, Гитлер, Берия, Мао, Нерон, Клемент Готвальд или, извините, Фидель... Беззаветно служащий великому делу, любой и никто, он – искуситель истории, заклинатель ее духов, она ему жена и вместе с ним одна сатана.

Но что связует их? И откуда у него власть над нею? Сколько у нее было этих огненных мужей, этих повелителей ее плоти, возникавших из небытия и вне своей исторической миссии ничего не значащих?.. Вопросы толпятся перед загадкой дорогого Варлама, но сам он ничуть не поможет нам разрешить ее. Он – человек простой, без метафизики, симпатичен был бы в роли часовщика, ювелира, чистильщика сапог или, наподобие Джугашвили, псаломщика. Напевал бы он свои арии, поблескивал бы пенсне, сыпал бы афоризмами: „Скромность украшает человека!“ (по-русски) или: „Народ и Партия едины“ (по-китайски), и никому бы и в голову не пришло, что от его голоса могут сдвигаться земные породы... И не допытаемся мы у него никогда, где у него хранится этот тлеющий углечек, от которого раздуваются мировые пожары, каким слухом он слышит пение труб Апокалипсиса... Или звуком этих труб призываются первый попавшийся, пригодный лишь на то, чтобы стать железным жезлом, звездой „полынью“, саранчой из кладезя бездны? Варлам – не зверь, выходящий из земли, не чаща гнева в руке Ангела, он – человек-саранча, человекоорудие, как говорит Даниил Андреев; скользкий, ладный, плотный, в облегающем черном френче, похожий также на большую черную пиявку, человек без возраста, без рефлексии, но со звериным чутьем, с кошачьей соразмерительностью, пластичный, неожиданный, готовый в любую минуту сменить любезность на ярость и обратно, и когда он с чувством декламирует Шекспира, почему-то вспоминается „Аппассионата“ и „Матерый человечище“ и что „любовь побеждает смерть“ и „посильнее Фауста Гете“... Но за всей его шустроватостью, шутливостью, даже самой жестокостью вдруг оказывается, что ничего и нет, какое-то гулкое отсутствие души, метафизическая дыра и „демоны глухонемые“...

Ныне один за другим снимаются запреты на скромное в нашей разрешенной культуре, и, вероятно, литература и кино, соревнуясь друг с другом, пустятся на розыски горькой исторической правды. И потерпят, боюсь, неу-

дачу. То есть правду событийную, правду фактологическую, отчасти, может быть, и найдут и, получив визу Главлита, бесстрашно покажут народу, но сомневаюсь, чтобы приземленная эта правда стала на высоту всей серьезности истории. Как она будет разыскиваться, эта правда, можем мы судить хотя бы по „Детям Арбата“ Анатолия Рыбакова: она будет шарить по психологии, обнажать дурной характер вождя, трезво взвешивать заслуги и преступления... Признаться, образ нашего Варлама не вполне удался и самому Солженицыну „В круге первом“ (а в „Архипелаге“, где его нет – там как раз удался!), ибо добротное, реалистическое, вскормленное Толстым искусство как-то не вмещает в себя такого героя. Единственная удача, которую я знаю, – это глава из романа „Сандро из Чегема“ Фазиля Искандера, потому что там через детективный сюжет показаны два плана в истории этого героя: событийный и инфернальный. В конце концов, и „Осень патриарха“ Габриэля Гарсия Маркеса можно читать в России как книгу о Сталине, почему бы нет? Интересна и глубока глава о нем в „Розе мира“ Даниила Андреева, но там событийного плана и вовсе нет, есть лишь один демонический... Сюжет о Варламе в нашем фильме начинается с ликующего народного волеизъявления: его только что избрали городским головой, льются приветственные речи, хлещет вода из лопнувшей трубы, поливая выступающих и самого Варлама, на дворе отличная грузинская погода, и безобидный душ – это не всерьез.

Однако сюжеты исторические о дорогом Варламе начинаются иным образом, может быть, и не без ликования, но совсем при другой погоде. В конце концов, откуда явился он к нам, этот Варлам? Так прямо-таки и выбрали добрые жители городка нового городского голову себе на голову? Неясность или условность, оставшаяся за кадром, порождает и знак вопроса над той идеей покаяния, ради которой и сделан фильм. Покаяние – в чем? В грехах Варлама? Это дело самого Варлама. В том, что мы распевали оды к радости, когда шли пытки и казни? Так ведь деть-

ми были, все равно, возрастом или разумом. В том, что жили двойным сознанием, клялись в верности марксизму-варламизму, а сами думали лишь о собственном благополучии? Так что ж сделаешь, сегодня один городской голова, завтра другой, а пить-есть каждый день надо... Почему тогда и не каялись? Потому что хотели жить. Да и сегодня – в чем каяться?

Знак вопроса разрастается в образ, который, на мой взгляд, становится центральным в фильме. Ибо не о Каиновом покаянии идет речь, но об Авеле. Авель Аравидзе, сын Варлама, сначала прелестный девятилетний мальчик, который вместе с отцом приходит в дом художника Сандро и его дочки Кэти, а потом, лет через сорок, тем же погрузневшим, избалованным, всякую невинность утратившим мальчиком присутствует на суде над этой самой Кэти, пожелавшей отомстить его отцу-покойнику, Авель, в отличие от Варлама, не есть образ лица исторического. Он, как и все мы, материал, глина в руках горшечника, который лепит из нее, что ему надо. От великих исторических событий, которые прошли над его головой, у него остался только большой отцовский особняк и разные удобства жизни. История не выжгла своими электродами его души, она оставила ему клочки варламовых убеждений, но также и сомнения, и угрызения совести, заставляющие его иной раз заглянуть и в бездну... Потому что все было бы в порядке, и прекрасно жилось бы Авелю и в годы культа, и в годы разоблачения культа и его последствий, если бы грехи отца не обрушились бы на него самоубийством сына. Оно, может быть, не вполне убедительно в фильме, зато убедительно в жизни: грехи отцов иногда настигают нас в судьбе наших детей.

Да, было время Варлама (кровь, грязь, оды) и быльем поросло. Железные латники не часто теперь гремят железом в квартирах, а в цивильном платье, как и все, заседают в учреждениях. Теперь самое время просто жить, строить потихоньку новое общество, строить планы, строить дачи, а потом во благовременье и перестраи-

ваться. Отчего бы и нет? И в это самое прочное, устойчивое, не тряское для жизни время (когда лишь два-три или больше хулигана-гробокопателя сидят в сумасшедших домах), закон возмездия настигает нас во всей его очевидной для смертных глаз несправедливости. Почему старый Варлам грешил, а кару несет Торнике, почти подросток? Когда он стреляется из дедушкиного ружья („в подарок дорогому внуку от дедушки Варлама“), а мать бьется перед закрытой дверью, со странным спокойствием подходит Авель, открывает соседнюю дверь (она была, оказывается, незаперта) и безучастно и как будто брезгливо смотрит на тело сына. „Ага, застрелился, – говорит его взгляд, – ну, лежи, лежи...“

И вслед за тем мы слышим его глухой рев:

„Да будет проклято имя твое, жизнь и дела твои, Авель Аравидзе!.. Пусть кровь твоя станет водой, а хлеб твой в землю превратится... Пусть в адском пламени сгорит твоя плоть и не удостоится она, как родитель твой, земного погребения. Зачем ты родился, исчадие ада, Авель Аравидзе? А твой отец, а сын твой... Зачем они родились?!.. Господи, как все бессмысленно!“

Это именно рев, а не зов, в нем нет и следа молитвы. И раздается он из какой-то пустоты, из той черной метафизической дыры, откуда явился на свет, и куда скрылся судьбоносный Варлам, отец. Это вопль раздавленной плоти, боль плотской душевности, которая корчится на земле. Такое покаяние бывает лишь в аду. Здесь же оно не очищает и не имеет плода в вечности. После него человек не находит Бога, Которого все поминает, но идет, чтобы убить себя или другого или совершить что-то непотребное. Авель идет и делает то, что повелела ему на суде сделать Кетеван: выкапывает труп отца из могилы. Тело Варлама картино летит в пропасть. Теперь он достанется хищным птицам, ну а мы, мы, Авели-зрители, выстирав вслед за ним взмокшую от тяжелой и грязной работы рубашку и тем самым как бы покаявшись, отправимся потом на свою перестройку.

Выкопать сталинизм из земли и на глазах у всего мира выбросить его вверх тормашками в пропасть – таков на-

растасывающий пафос наших дней. Пусть себе каркает воронье („наши идеологические противники“), пусть набрасывается на падаль, некогда нам разбираться, кто виноват: выбросить вон – это и значит покаяться... Отделаться демонстративным жестом и не копаться в истоках варламизма, чтобы затем, как ни в чем не бывало, произносить юбилейные речи о славных выборах нового городского головы.

Впрочем, здесь может быть и иной подтекст, ускользающий от стороннего нашего взгляда. „Покаяние“ – прежде всего грузинский фильм, Грузия же, как все знают, как раз и дала миру двух несомненных прототипов для этого фильма. Один Варлам, большой, привел за собою другого, маленького, того самого носителя пенсне, соблазнителя школьниц, дабы для ускорения исторического процесса трагедия и фарс истории игрались одновременно. И когда оба грузинских Варлама много лет вместе ловили черного кота в темной комнате, отлично зная, что там его нет, то это называлось „классовой борьбой“ и „диктатурой пролетариата“. Но „Покаяние“ должно было прийти из Грузии хотя бы и потому еще, что народ там – пусть в смутном предании – сохранил ощущение святости земли. Грузия – об этом мало кто помнит сегодня – это еще и страна несчетных христианских мучеников. „Если сжать горсть грузинской земли, в ней пропустит кровь“, – сказал однажды нынешний грузинский патриарх Илия II. И такая земля, как и всякая земля, не должна принять в себя Варлама, ни того, ни этого, никакого. Дело здесь не в какой-либо мести. Дело в ощущении сокровенной связи земли и неба, умирания, превращения в прах и воскресения. Но я не думаю, что об этой связи действительно думали авторы фильма.

Мне приходилось читать множество откликов на него. Странным, хотя и вполне понятным образом он оказался поводом для парада либерализма. „Выход в свет фильма „Покаяние“ воспринят советскими кинематографистами как глубоко обнадеживающее свидетельство уже свершившихся и свершающихся в нашем обществе, в куль-

туре, в кинематографе живительных перемен, обновления” («Новое время», 6 февраля 1987). Тотчас же было забыто, что вообще-то покаяние начинается с печали, а не с поздравлений по поводу правды, наконец пробившей себе дорогу. Среди этих откликов было несколько интервью и самого Тенгиза Абуладзе. Более всех он беспощаден к Авелю. „Я считаю, что Авель страшен, – говорит он. – Он даже опаснее Варлама, потому что тот в каком-то смысле образ цельный, его поступки всегда были поступками дьявола и поэтому их можно было хоть иногда предвидеть. А с Авелем ничего знать наперед нельзя, потому что сознание его раздвоено. Он растленный человек, он не знает границ между добром и злом. ’Я проповедую атеизм и при этом ношу крест’, – так он говорит, и в этом его суть. Разве нет среди нас таких вот, с раздвоенным сознанием?” («Литературная газета», 25 февраля 1987).

Вопрос риторичен: „разве нет среди нас?..“, да и сама дилемма „крест – атеизм“ в данном случае не-столь уж существенна, она лишь знак какой-то иной, более важной и содержательной раздвоенности. Вопрос здесь можно было бы поставить конкретней и резче: разве мы, унаследовав прошлое наших отцов, впитав в себя и лишь осудив преступления или „ошибки“, не оказались племенем Авелей? Разве не носим мы в себе его половинчатость, не ведем вместе с ним забавную игру в мораль, в которую не верим, не разделяем его любовь к комфорту, его трусость и даже некоторую душевность, не лишенную и доброты, когда она ничего не стоит? Разве при всех моральных обновлениях и отречениях от прошлого, не остаемся ли мы все еще детьми и наследниками нашего разоблаченного, брошенного с корабля современности и все еще твердо управляющего этим социалистическим кораблем Варлама?

Конечно, в отличие от него самого (и вообще варламитов), который есть только скользкое и кровавое политическое животное, т. е. нечто стоящее гораздо ниже средней человеческой породы, Авель – человек и даже с

некоторыми запросами. В годы Варлама он носит убеждения Варлама, в годы перестройки – идеи перестройки, а когда это становится неопасно и даже некоторым образом входит в систему и моду, вспоминает о „вере отцов“. Крест под рубашкой, икона, а то и целый иконостас на стене, христианские символы в произведениях искусства. Эти символы дают искусству какую-то новую притягательную глубину, но в этой глубине есть всегда что-то колеблющееся, расплывчатое и даже двусмысленное.

Храм Пресвятой Богородицы, который Сандро с друзьями отстаивает от разрушения, преломляется в образе Памятника Народного Зодчества, Исторической Памяти, которую надо сохранять, Старой Матери, за которой нужно ухаживать, но никто не помнит, что он может быть живым храмом, созданным для молитвы и таинств. Сам Сандро Баратели – художник и вместе с тем „как бы Христос“ (сцена пытки и казни навязывает зрителю воспоминание о распятии), на самом деле – Художник в высшем, жертвенном смысле. Варлам – по фильму городской голова и вместе с тем „как бы сам дьявол“, на самом же деле – наше прошлое, „которое не должно повториться“. Авель – его раздвоенный сын, „как бы кающийся грешник“, на самом же деле – плохой, нечестный строитель нового общества, разве нет среди нас таких?.. Герои „Покаяния“ за религиозной символикой прячут содержание социальное или эстетическое. Да и само покаяние – не есть ли имя таинства, играющее в данном фильме роль псевдонима, что изображает реальность, которая ни в какой церковности не нуждается? Авторы фильма этого, разумеется, не скрывают, скорее даже подчеркивают. На осторожный полу вопрос корреспондента «Юманите»: „Религия играет большую роль в вашем фильме...“, Тенгиз Абуладзе столь же осторожно отвечает:

„Без веры в красоту нет ни искусства, ни жизни... Церковь, храм – не только религиозные атрибуты. Это также знаки религиозной культуры, исторические памятники. Мы разрушили много церквей, но сегодня само государство охраняет памятники и реставрирует их“ («Юманите», 30 января 1987).

Если перевести этот уклончивый язык на кинематографический, то, на мой взгляд, это и будет приблизительно означать: „проповедую атеизм и при этом ношу крест“.

Дело здесь не в одном „Покаянии“, но в общей тенденции, которая становится теперь все больше влиятельной и почтенной. Оставаясь всецело в рамках прежней, т. е. варламовой идеологической системы с ее ценностями, функциями и худсоветами, которых пока никто не отменил, искусство в наши дни все чаще ищет не там, „где лучше“, а там, „где глубже“, а из страны прекрасного открывается выход в страну религиозного. Можно было бы только приветствовать эту открытость, если бы художник в своем поиске не принимал бы свой поиск за нечто самодовлеющее и ценное само по себе, если бы, прибегая время от времени к языку веры, он бы дорожил прежде всего ее истиной, а не эстетической привлекательностью. Поначалу это по-своему завораживает, но потом постепенно возникает ощущение, что здесь нас то ли пугают, то ли развлекают, то ли водят за нос. Когда Авель приходит исповедоваться к отцу своему дьяволу или дьяволу своему отцу, плотоядно поедающему рыбу (древний христианский символ), где и произносит свою фразу о кресте и атеизме, то среди всех этих религиозных символов, кажется, и не протолкнуться. Но фильм для того и сделан, чтобы помочь нам заблудиться в религиозных аллюзиях и атрибутах, но уберечь от выбора, избежать религиозной ясности. Все в нем есть, все виды искусства на высоте – постановка, мастерство режиссеров, сценарий, съемка, игра актеров, работа художников и гримеров, и если чего-то и не хватает в нем, так это самой его основы – покаяния, которое оказывается лишь притчей-воспоминанием. Все помнят, как кончается фильм: на улице рядом с окнами Кетеван Баратели неожиданно появляется старая женщина (последняя роль великой актрисы Верико Анджапаридзе) и настойчиво спрашивает: „Эта дорога приведет к храму?“ „Нет, – отвечает Кетеван, очнувшись от своего видения о мести, – это улица Варлама Аравидзе и не эта улица ведет к храму“.

Дорога „Покаяния“ кружит вокруг закрытого храма по той же улице Аравидзе, которую просто-напросто недавно переименовали. Ведь покаяние начинается не с Варлама, поставленного над нами, который, слава Богу, смертен и в качестве покойника допускает любое с собой обращение, по сути, оно должно начинаться с Варлама, который живет в нас и превращает нас в стадо Авелей, умеющих лишь менять одного Варлама на другого. Человек-пиявка накрепко присосался и к нашей душе, но как оторвать, смыть, соскоблить его этими снами, притчами, храмами-тортами, религиозными декорациями? Та дорога, которая ведет к храму, начинается не с выкапывания из могилы и выбрасывания нашего дурного прошлого и ведет она не к торжеству нашей смелой культуры и перестройки. Как никак – если называть вещи своими именами – она начинается со Христа, Который искупает это прошлое, и приводит ко Христу, Который соединяется с нами, очищая нас покаянием – скорбным, личностным и меняющим нас изнутри.

„К чему дорога, если она не приводит к храму?“ – продолжает настаивать недоумевающая старушка, а затем по той же улице Варлама бредет со своим вопрошанием вдаль. Провожая ее взглядом, несколько оторопелым и задумчивым, зритель, покидая кинозал, удаляется вслед за ней.

К общественности русского Зарубежья

В сентябре 1987 года в Москве начал издаваться независимый литературно-философский журнал русской христианской культуры «Выбор». Издатели поставили перед собой задачу восстановления традиции христианской культуры в России, публикации произведений, которые долгие годы создавались в атмосфере запретов и гонений, объединения творческих сил христианской общественности внутри России и Зарубежья.

К настоящему моменту в России вышло три номера «Выбора» достаточно большим для самиздата тиражом – более 100 экземпляров каждый. Но этого явно не хватает, ибо журнал пользуется большой популярностью в различных слоях читающей публики во многих городах страны, что свидетельствует о большом культурном и религиозном голоде в канун 1000-летия Крещения Руси. Недостаток самиздатских тиражей «Выбора» может в какой-то степени восполнить издание журнала в Париже, где вышел первый номер и готовится второй.

Будучи убежденными в важности свободного религиозного творчества для всех благотворных преобразований в современной России, мы обращаемся к христианской и демократической общественности, ко всем нашим друзьям на Западе с просьбой оказать материальную поддержку парижскому изданию «Выбора».

Пожертвования можно посыпать:

„AIDE AUX CROYANTS DE L'URSS“

91, rue Olivier de Serres, 75015 PARIS, France

Compte Cheques Postaux A.C.E.R. 15373-59 у Paris
или банковским чеком на имя: A.C.E.R. - RUSSIE.

Издатели журнала «Выбор»

**Виктор АКСЮЧИЦ
Глеб АНИЩЕНКО**

Москва, 30 апреля 1988 г.

Т. Горичева

Об истощании в русской культуре*

Апология своеволия

Исключительно русское чувство презрения ко всему условному, „человеческому, только человеческому“ Толстой описывает так: „Это было то чувство, вследствие которого охотник-рекрут пропивает последнюю копейку, запивший человек перебивает зеркала и стекла без всякой видимой причины и зная, что это будет стоить ему его последних денег; то чувство, вследствие которого человек, совершая (в пошлом смысле) безумные дела, как бы пробует свою личную власть и силу, заявляя присутствие высшего вне человеческих условий суда над жизнью“.

И в сегодняшние дни это безумие не истреблено, напротив, после всего пережитого за последние 70 лет нелюбовь к среднему человеческому, условно-рациональному в русском человеке должна была лишь возрасти: „Юродивый в бушлате рваном стал родине живым экраном“ (Валентин З/К). И вновь уже советский человек из подполья заявляет свое „своеволие“: „Понимаете, какое дело: есть в нашем характере одна загадочная струна, которая постоянно наигрывает такую строптивую, наперекорную мелодию, - в народе она называется 'только

---

*Окончание. Начало см. «Вече» № 29

чтобы не как у людей'. Это очень могущественная струна, которая во многом определяет музыку нашей жизни. Даже когда у нас на каждом углу будут бесплатно раздавать легковые автомобили, каждый десятый станет принципиально пользоваться общественным транспортом или ходить пешком. Даже когда у нас созреет полное, всеобщее и, может быть, даже неизбежное счастье, то, уверяю вас, проходу не будет от юродивых, непризнанных гениев и возмутительных одиночек" (В. Пьецух. „Билет“, «Новый мир» № 6, 1987).

Что же это за качество такое – своеволие? Просто ли самодурство, как у купцов в пьесах Островского „недраву моему не препятствуй“, отсутствие смирения, самонадувательство, непослушание или еще нечто другое? И почему так много говорилось в русской философии о „трагедии свободы“? Мне представляется, что здесь действует закон, который мы можем назвать „выбором выбора“. Одного выбора не достаточно. Правильно говорит Шестов, когда прародители в раю сделали выбор (избрали древо познания), они потеряли свободу. Один выбор ограничивает. Поэтому нужен выбор выбора, чтобы защитить сам выбор, подобно тому, как нужно Другое Другого (в современной французской философии очень популярная тема). Поэтому, чтобы было настояще смирение, необходимо своеволие. Своеволие мешает выбору застыть, превратиться в инкарнацию разума, морали или „осознанной необходимости“.

Своеволие трансцендентально связано со смирением. Послушание может быть совершенным только тогда, если каждую секунду его можно нарушить. Поэтому совершенное послушание – глубоко творческий акт, оно созидает личность, которая начинает с нуля, с возможностей безосновного своеволия.

Личность – событие, со- событие, соборное существование. Личность – от Лица, а лицо всегда предполагает, что оно обращено к другому. (Об этом можно прочесть у Кристоса Яннараса, у Левинаса). Личность отличается своей неповторимостью и уникальностью, что значит, что

она неуловима для определения, точнее: её определяют как таинственную Другость (Яннарас). Другость – это свобода и хрупкость, ненужность и случайность. В личности – главное та свобода, которая становится возможной благодаря антропологическому „коперниканскому“ перевороту.

В своей недавней книге немецкий философ Петер Слотердайк объясняет, что значит для нас этот „коперниканский“ переворот: „Опыт того, что солнце встает каждый день с Востока – это миф. Так во всякой человеческой жизни, во всяком действии должно быть заложено это зерно тотального скепсиса: я вижу восходящее солнце, но это не так.“

Это головокружительное сомнение должно стать некой основой нашего миропонимания. Хотя это и не происходит – человечество держится за „птоломеевские“ схемы и мифы. Коперниканскоe познание, – пишет Слотердайк, означает, что жизнь – это „что-то неизвестное, что-то чуждое себе самому и бесконечно себя превосходящее. В жизни хрупкое одерживает победу над завершенным“.

Мы можем вспомнить, что по-настоящему коперниканский переворот, еще до Коперника, был произведен Боговоплощением Господа Иисуса Христа. Бог, став человеком, будучи распят, обнискал до раба – вот истина, которая всегда будет рождать головокружение, как нечто, бесконечно себя самое превосходящее. Невозможность всего этого делает каждую созданную по образу и подобию личность чем-то очень хрупким и уязвимым.

Самые неожиданные и „головокружительные“ святые – это юродивые. В них воплотилась тайна хрупкой силы, воплотилась, скрывшись еще глубже, еще загадочнее. Это настоящие „коперники“, переворачивающие мир унылых морализмов, человеческих авторитетов и удобств.

Юродивые на Руси никогда не переводились: „Их считают пророками и весьма святыми мужами, почему и дозволяют им говорить свободно все, что хотят, без всякого ограничения, хотя бы даже о самом Боге. Если такой человек явно упрекает кого-нибудь в чем бы то ни было,

то ему ничего не возражают, а только говорят, что за-
служили это по грехам“ (Дж. Флетчер „О государстве рус-
ском“). Написано давно, а как будто о наших днях.

Кенозис лишь усилился советской властью, которая ввела в нашу жизнь логику посткатастрофы. Сколь бы чудовищной ни была советская история, она стала для русских испытанием, посланным Богом, был в ней, следо-
вательно, таинственно-положительный, „свободный“ мо-
мент. Например: то, что раньше было индивидуальным страданием и со-существием во ад (Достоевский, Гоголь), стало неким всеобщим правилом. Мир потерял свой смысл, его оскудение достигло крайних пределов, границ Голгофы. Ощущение исчерпанности, разоблаченности, „обличенности“ мира не нуждается сегодня в обоснованиях: „Человечество дышит страданием и Голгофа стано-
вится единственным местом, на котором может быть человеческая душа“ (Мать Мария Скобцова „Новый град“, 18, 146).

Раньше молились мученикам, теперь, в советское время, сотни тысяч сами пошли на мученичество. Жизнь уплотнилась до пространства иконы: обратная перспек-
тива иконы как бы говорит нам – не я смотрю, но **Бог** смотрит на меня. И время на христианском Востоке уплотнилось до полной эсхатологии, – это время, распятое концом. Кенозис и эсхатологизм, действительно, обни-
щавший был подарен нам именно советским периодом, когда боль стала непереносимой, а подвиг безнадежности реальным. Смерть сегодня не прикрыта ничем, поэтому единственный ответ на нее: „Да придет Царствие Твое“.

Победа пространства

„Бесполезность“ русских пытается объяснить До-
стоевский: вся любовь русской души, вся ее энергия были
отданы Христу. Россия как бы не имела другого предназ-
нчения, кроме одного: умереть и воскреснуть с Ним.
Поэтому и не было у нее другой, „светской“ истории, как
была она у западных стран.

Это отсутствие истории раздражает Чаадаева, открывшего, что Россию заметили только из-за ее пространства: „Если бы дикие орды, возмущившие мир, не прошли по стране, в которой мы живем, прежде чем устремиться на Запад, нам едва ли была бы отведена страница во всемирной истории“ („Философские письма“).

Банальным стало мнение, что русская душа, культура и духовная жизнь тесно связаны с бескрайними русскими просторами. Николай Арсеньев отмечает: „Два элемента как бы оспаривают друг у друга господство в истории русской души: укорененность в обычаях и быте, стремление к крепкому патриархально-семейному укладу, любовь к красоте быта и – стремление в даль, подвижность, неустойчивость, искальвие новых горизонтов“ (Н. Арсеньев. „Из русской культурной и творческой традиции“).

Молчаливо русское пространство, пространство снежное, светящееся, бесконечное. В Небесном Иерусалиме не будет ни ночи, ни дня. Там все озарено равномерным, „иконным“ светом, светом снежно-белым – так светятся апокалиптические одежды праведников. Сегодня бесконечность русских пространств еще в большей степени толкает поставить вопрос: „Что молчишь ты?“ Но молчание становится все более глубоким, все менее оскверненным: церкви без крестов, без литургии, (но „служба в них идет“, и часто слышится ангельское пение), вместо икон – небеса. „Купол церковной обители яркой травою зарос“ – это яркость руины, и руины литургической, точнее, кенотически-литургической, и она – праздник, и вся земля – это „риза Господня“.

Сегодня, как и раньше на Руси, беспризорность телом и духом (несмотря на то, что это расценивается государством как преступление), бродяжничество, скитальчество, нежелание зависеть от места, дома и мира сего необычайно сильны в молодежи, интеллигенции, да и в простом народе. Религиозная и метафизическая тоска, паломничество не только к видимым святыням или ценностям культуры (в Михайловское, например), но и к невидимому, нездешнему, „иному граду“. Повсеместное пьян-

ство – это тоже путешествие и странничество, только уже не к граду Китежу, а по линии „Москва – Петушки“.

Классической стала фраза: „Кто из русских не любит быстрой езды?“ Мчащаяся в даль Тройка воспринимается как символ России. Большое пространство, естественно, было вызовом и угрозой, а даль родила – у-даль, масштаб, бесшабашность (Лихачев).

Интересно, однако, что на современную, „сверхзвуковую“ скорость Россия реагирует без особой радости. Когда только что начиналась эпоха „ускорения“ и поезд был еще чем-то новым, Есенин уже оплакивал потерянное пространство. В газетах появилось сообщение, что где-то в провинции жеребенок пытался обогнать паровоз. „Милый, милый, смешной дуралей, ну куда же, куда он гонится“. Есенин оплакивал себя, свою Россию, в которой было раздольно, где можно было и разогнаться, и „разгуляться“. Но наступает время, когда и это чудное пространство будет скрученено в узел „коммуникаций“ и, подобно маленькой Европе, покажет повсюду свои границы, рубежи и углы. Есенин еще до Поля Вирильо предчувствует „эстетику исчезновения“. Он знает также, что природа, сегодня еще райская, еще играющая с Богом в перегонки, будет безжалостно раздавлена и молчаливо вытравлена завтра, как и душа, как и мир чувств.

В это время Есенин только что вернулся из Америки. Там-то он воочию увидел, что с техникой вперегонки не поиграешь. С ней вообще игры плохи – она стала всесильной, как некая новая, холодная религия. Она требует жертв, как древний Молох, и истребляет душу – и лошадиную, и человеческую.

Скорость очень быстро выходит из человеческого подчинения, и ныне человек уже не знает, он ли правит техникой или же техника (а может быть, оккультные силы) правит человеком.

На Западе, с его гораздо более совершенной компьютерной технологией и технической оснащенностью, чем в России, за последние двадцать лет произошли и потеря пространства, и потеря истории. Полудикая молодежь

выражает свое мироощущение в наклейках „no future“, культурные интеллектуалы стоически безразлично дискутируют о том, что время кончилось и конец света уже произошел.

В России Распутин, Астафьев, Абрамов оплакивают затопленные деревни, загубленные леса и озера. Русская апокалиптика не менее, а может быть, и более горька, чем апокалиптика западная.

Совесть и вина

„Книга есть кубический кусок горящей, дымящейся совести – и больше ничего“.

Б. Пастернак.

„Нужно жить не обидой, а виной“, – говорил Бердяев. Вина – вот та вертикаль, которая подминает под себя все социально-психологические горизонтали в книгах Достоевского, Толстого, Распутина, Астафьева, Трифонова, Шаламова, Солженицына, Айтматова...

Вина вертикальна, потому что соединяет совесть непосредственно с Богом – „Тебе единому согреших“ (пс. 50), хоть „посредниками“ вины могут быть и слезинка ребенка, и оскорбленное достоинство другого, и предательство, и равнодушие, и противная старушка-процентщица.

Здесь, как говорит Достоевский, „арифметика“: на одной чаше весов деньги, благодаря которым можно совершить бесчисленное количество добрых дел, на другой – никому не нужная, зловредная вошь, кровопийцапрентщица. Вот логика горизонтальная, логика убийства.

Но „логика сердца“ (Паскаль) другая: нет ничего страшнее и тяжелее вины. Можно перенести пытки, длительную изнуряющую болезнь, презрение окружающих, все ГУЛаги и психушки – все это ничто перед тяжестью вины, перед ужасом быть виновным. Не осуждение, а страдание вызывает у Сони признание Раскольникова: „Нет, нет тебя несчастнее никого в целом свете!“

„Будущий ад – это нечистая совесть, если бы у дьявола совесть была чиста, он был бы на небе“ (Лютер). Не случайно, что лишь в тюрьме герои Достоевского находят, наконец, хоть какое-то спокойствие: тюремные муки – ничто по сравнению с муками душевными.

Протестантский богослов Карл Хайм сравнивает совесть и судьбу. В судьбе есть причинно-следственные связи. Причиной страдания может быть болезнь, смерть, „историческая необходимость“, „эдипов комплекс“, карма и т. д.

В случае вины мы не можем прибегнуть к цепи причин и следствий. Вина всегда окончательная и последняя, несводима ни к чему. Искать за виной вину, значит, собирать себе наказание на судный день. Единственное, что остается, это чистосердечное, покаянное: „Отче! Я согрешил против Неба и пред Тобою!“

Совесть – понятие не дедуцируемое. Не зря существует заезженное, но правильное выражение „при свете совести“. Совесть описывается только религиозно-феноменологически, как свет, лучше сказать, как равномерный свет иконы, источник которого отсутствует.

Второе сравнение совести и судьбы: судьбе можно противостоять, совести – нет. Об этом послушаем епископа Игнатия Брянчанинова: „По изъяснению святых Отцов, **соперник** человека, упоминаемый в Евангелии, – совесть.

Точно: она **соперник!** потому что сопротивляется вся кому противозаконному начинанию нашему“. („Аскетические опыты“. Т. 1).

Совесть может стать не только положительным „соперником“, но и беспощадным тираном, мучающим и поглощающим свою жертву. Это если нет Христа. Таким тираном стала совесть „Кроткой“ у Достоевского. Она погибает от того, что честна, не может противиться, что любит. Совесть, совместное знание, здесь приводит к тому, что невозможна совместная жизнь, нельзя смотреть в глаза, не любя.

С совестью невозможно бороться, поэтому в русской литературе гораздо менее героических персонажей, чем

персонажей мучающихся и кающихся, больше героев страдающих и терпящих поражение, чем побеждающих. Оптимизм и триумфализм почти никогда не удавались русским писателям, были ходульны и даже выходили за пределы эстетики. Здесь дело не только в том, что тяжело, почти невозможно изобразить „положительного“ героя, в то время, как „дьявол“ и „демон“ всегда выходят более живыми и интересными. Дело в том, что сама „положительность“ настолько запрятана, „овнутрена“ и истощена совестливостью, что нужно быть не только гением художественным, но и гением нравственно-религиозным, чтобы изобразить ее.

Вопрос судьбы – вопрос власти. Власти судьбы противостоит сила, мощь человеческого достоинства, знания, красоты.

Вопрос совести в высшей степени кенотичен и никак не связан с властью. Человек всегда бессилен, не умен, не красив, не могуществен. И это тоже неизобразимо, хотя и стало чуть ли не основным нервом в духовных поисках русских писателей. „Я выбираю поражение“ (В. Кривулин) – по-разному, рана, – вот что остается, что поражает, что становится принципом новой кенотической красоты.

Вина – это самый тяжелый крест человека. „Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?“ (Мат. 16, 26).

Совесть не уловима внутримирскими оппозициями: она не сводима ни к подсознательному, ни к сознательному (здесь преодолевается Фрейд). Совесть вне коллективного и индивидуального, она соборна (здесь преодолеваются все марксистско-гегельянские рассуждения о личности и коллективе, о „рабе и господине“ и т. д.).

Совесть, наконец, вне времени. Но она и не в дурной, идеологической или гиперреалистической вечности. В совести (совместной „вести“ с Богом) вечность конкретна и жива.

Западный экзистенциализм больше занимался проблемой судьбы. Здесь и „бытие-к-смерти“ Хайдеггера (неизбежность, судьба), и гордый стоический подвиг

Сизифа (Камю), и „обреченность на свободу“ Сартра.

Экзистенциализм русской литературы, породивший экзистенциализм философский, связан в большей степени с проблемами вины и совести.

Он менее античен, чем экзистенциализм западный, его проблемы в большей степени укоренены в христианской, библейской традиции. Как писал епископ Игнатий Брянчанинов – „Острие совести нежно, его надо хранить и хранить“. „Как лезвие ножа натачивают камнем, так совесть натачивается Христом“. („Аскетические опыты“, т. 1).

Я не могу убежать лишь от Бога, и в этой жизни, и в той. А Бог – не какая-то Фактность (Хайдеггер), Бог – это Личность. Отсюда – глубокий персонализм русской литературы.

Детскость

„Искренность – это грех“. Именно об этом мы можем прочесть у французского священника Пьера Гильберта, который противопоставляет непосредственное, опытное, стихийное застывшей системе догматов, таинств, церковной дисциплины. И конечно, предпочитает второе. В русском, православном сознании подобных мучительных альтернатив нет, опыт подвижников и непосредственное искреннее соприкосновение с энергиями божественной Любви никогда не противоречили церковной Традиции. И чем искреннее, тем церковнее, тем послушнее и ближе к Истине. Православие не выносит холода „институции“ (до этого часто скатывается западное понимание церкви). И церковь, говоря словами Мармеладова, то место, куда каждый может пойти – если ему уже некуда идти. Очищая Фрейда от его болезненного натурализма, можно сказать и по-фрейдистски: церковь – это единственное место на земном шаре, о котором я знаю, что я Там уже был. (Фрейд применяет это определение, говоря о материнской утробе). В церкви тепло. „К Тебе при-бегаем“. Убежище. Прибежище. Здесь – конец страху и холodu. „Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви.

Уж не канцелярии ли? или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок – „не очень“, все с грешком, слабенькие. **А тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно?** Хоронили тут мамашу, братцев: похоронят меня; будут тут же жениться дети; всё тут... Всё **важное...** И вот люди надышали **тепла**“. (Василий Розанов, „Уединенное“).

Розанов верит Богу, как дитя. Отсюда – его крайний подчас аморализм: „Даже не знаю, через „ѣ“ или „е“ пишется ‚нравственность‘“. „И все будет дозволено, потому что все будет замолено“ („Уединенное“). Переизбыток всего: любви, разгула, самолюбия, зависти, безобразия и красоты, – круговорот самых необузданых чувств, идей, стихий, потребность хватить через край – все это от чрезмерного, иногда легкомысленно незрелого, безоглядного доверия, которое может быть только у ребенка.

Часто русских обвиняют в „подростковости“ сознания. (Леон Ржевский, „Синтаксис“ № 17). И травмы России подростковые, незрелые – пишет все тот же Ржевский. „Юношеская неспособность понять чувства другого“, „юношеское преобладание эмоций над разумом“ и самое главное „юношеская уязвимость и ранимость“. Для Ржевского, который может мыслить только полемически, все эти качества однозначно отрицательны. Но для философа менее плоского, для Бориса Вышеславцева, „юношество“ России даже в его самых гротесковых формах, в его юродивой неуклюжести несет в себе „эффект бытия“. (Вышеславцев, „Русская стихия у Достоевского“).

В самом разрушении есть бессознательный „эффект бытия“. Запад сегодня неспособен и разрушать, именно потому, что далеко отошел от бытия, не существует. Подростковая обидчивость русских может происходить все из того же источника – жажды быть, жажды какой-то полноты, которую и невозможно воплотить в закостенелых и ставших взрослыми структурах. Да, есть и дурной кенозис детскости – инфантильность, и нацизм, и безответственность, но нет остановки, застылости

и той страшной усталости, от которой „закатилась Европа“.

Поэтому нельзя назвать „аморальной“ фразу героя из подполья Достоевского – миру ли провалиться или мне чаю не пить? „Пить чай“ иногда подлиннее, чем строить хрустальные дворцы-могилы „общей пользы“, „математически доказанной“ выгоды.

Уже не раз говорилось, что мир русской литературы какой-то не „солнечный“, как бы подземный. У Достоевского, Гоголя, Толстого слишком много вымученного, не простого. Непосредственности и света гораздо больше в русской иконописи, в православной народной традиции. (Достаточно прочесть записи простого крестьянина „Откровенные рассказы странника“, чтобы увидеть, какой это детский, изумленно-чистый и непосредственный взгляд на мир).

Но был в русской литературе и Платонов, который оценивал мир с позиций детской, неиспуганной, неприземленной души. „В своей мечте о преображении мира и самой природы человека Платонов опирался на тип „детского“ сознания... Такому сознанию близка логика сказки, в которую народ спрятал свою веру и возможность доброго всемогущества человека, воплотив ее в образы господства над стихиями, владения воздушным пространством, метаморфозы вещества, живой и мертвой воды и т. д. В пространстве сказки воплощается принцип: **невозможного нет**, все возможно, принцип детский, не испуганный еще жестким сопротивлением мира, на который напарывается взрослый“. Это слова советской исследовательницы Светланы Семеновой (Семенова, „Вал. Распутин“). **Невозможного нет** – принцип Чуда – без сомнения, по природе своей христианский. Здесь Платонов учится также и у Николая Федорова, предлагавшего воскресить мертвых. Интересно, что философия Федорова серьезна и мрачновата. В ней есть неестественное напряжение, почти уродливый сверхморализм. Федоров призывает к „взрослению“, к подлинной, зрелой серьезности. Он бы никогда не согласился на „детскость“, в какой бы форме эта детс-

кость ни была ему представлена. И вместе с тем в федоровской аскетической сверхчеловечности есть неизбывно детское – полное доверие чуду. Чудо для него естественнее и нормальнее обыкновенных, повседневных вещей. И чудо это – не захудало-романтическое, не поэтическое какое-нибудь, не „салонное“. Оно реально, всевластно, космично, изменяет историю, человека, даже потусторонний мир: Федоров хочет отменить ад. Чудо это господствует над материей и духом. Так ясно, так сильно, так очевидно, что его не надо прятать в сказку. У Федорова, у Платонова чудо и не прячется за сказкой, „сказанчен“, нереален скорее наш мир пользы, эвклидовой геометрии и здравого смысла.

Детскость – это вообще один из центральных архетипов человеческого подсознания. Этот миф и архетип занимает существенное место во всех мировых религиях и совершенно особое в христианстве. Господь говорит: „пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть Царство Небесное“ (Мф. 18, 3). Или: „славлю Тебя Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам“ (Мф. 11, 25). И наконец: „Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное“ (Мф. 13, 54). Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном.

Первохристиане не говорили „Бог“, они говорили „Отец“. В русском языке, как и в языках романских, слово „вера“ не случайно связано со словом „доверие“: детское, непоколебимое доверие – основа всего. Бессащитность, хрупкость, уязвимость ребенка могут быть предпосылкой экзистенциального переворота, духовной мутации, в результате которой бессилие „Я“ оборачивается его триумфом. Как пишет Карл Юнг: „В мифах о детстве мы встречаемся с удивительным парадоксом: с одной стороны, ребенок оставлен на произвол судьбы и со всех сторон окружен врагами, с другой – силы ребенка превосходят всякую возможную меру“. „Он – ничто, и он же одновременно божественен“. Самое маленькое (смиренное, крот-

кое) становится самим великим.

Юнг говорит и о такой интересной возможности: в обществах слишком „взрослых“ миф о ребенке особо процветает. Чем меньше в людях „детскости“, тем больше они прославляют и идеализируют младенца-Иисуса.

Так произошло на Западе, где Рождество, этот сегодня преимущественно коммерческий и светский праздник, вытеснило по важности даже Воскресение. Католики в целом более „взрослые“, т. е. менее непосредственные и более рассудочные христиане, чем православные. У православных Пасха остается по-прежнему „Праздником праздников и Торжеством из торжеств“.

Ребенок символизирует собой нерасчлененность бытия на объект и субъект, на мир и „меня“. Ребенок – это первоначальная андрогинная целостность, единство сознательного (мужского) и бессознательного (женского).

Мы знаем, что в православной традиции существуют две точки зрения на „андрогинность“. У св. Григория Нисского, св. Максима Исповедника и у некоторых других отцов Церкви андрогин – это Перво-Адам, богоподобное, ни в чем не ограниченное существо. Оно вмещает в себя и женское и мужское начала. Потом произошло падение и появились мужчина и женщина. Здесь опять хочется вспомнить Юнга: ребенок (андрогин) существо не только „начальное“, но и „конечное“, не только бессознательное, но и пост-сознательное. До совершенного, конечного „андрогина“ нужно расти, это и есть путь обожения. Существует немало рассказов о святых и старцах, которые были почти что „детьми“, так что их ученики должны были не только водить их под руки, но и кормить, и следить за каждым их движением. Высшая мудрость часто совпадает с детской беспомощностью и способностью ориентироваться в мире, в котором уже ни сердцем, ни душой, ни умом не пребывают.

Не только путь святого возвращает к „детству“. В мировой культуре немало „завершающих“ детских образов, детей и подростков, являющихся в конце: так в

конце фильма Тарковского „Жертва“ является мальчик, произносящий: „Вначале было Слово“. „Слово“ опять принимает образ младенца, как некогда в Вифлиеме. „Мальчиком“, на груди которого ярким лучом вспыхивает крестик, кончается и фильм Никиты Михалкова „Неоконченная пьеса для механического пианино“.

Но есть в христианской традиции и другая точка зрения, которой придерживался, например, отец Сергий Булгаков, считавший, что человек выше ангелов именно потому, что у него есть пол. Взросление „в меру возраста Христова“ - один из идеалов христианской и вообще западной культуры. По Фрейду, ре-бенок - существо „полиморфно первверзное“, в нем собраны все извращения. Путь выздоровления от детства - освобождения от неврозов - это путь созревания (по Фрейду полового) можно понимать и шире - духовного созревания вообще.

Итак: те, кто призывают к взрослению, должны помнить, что „инициация к зрелости“ часто ведет к окостенению и потере свободы, к душевной одномерности и трусости.

Но и те, кто хочет сохранить детскость, не должны забывать, что есть детскость и детскость, есть целостность полноты и целостность Нарцисса, которая часто вырождается в карикатуру, отталкивая инфантильностью и самовлюбленностью.

К „детству“ хотелось бы вернуться и западной культуре - но это становится год от года труднее. Социологи (Нейль Постман, „Исчезновение детства“) с печалью констатируют, что дети все более похожи на взрослых. Все меньше становится детских игр, исчезла „детская одежда“, исчезает детская психология, детский язык. Нейль Постман объясняет это засилием телевидения и отступлением на задний план книги. Книга со времен Ренессанса создавала границу между грамотным и безграмотным, понимающим и непонимающим. Телевидение размывает все эти границы. Его смотрят и дети, и взрослые. И те, и другие - потребители, пассивные, не рефлектирующие.

Но даже не касаясь вопроса о массмедиа, можно заметить, что подряхлевший, опустошенный мир, где правят функционеры и компьютеры, больше не нуждается в образовании, в развитии личности, значит, в воспитании. Человеческое исключается, а потому бессмыслен вопрос о духовных возрастах – детстве, юношестве, возмужании. Вместо детства – старческая инфантильность голливудского „ПИ ВИ“, вместо старости – вечное детство неумирающих, занимающихся всевозможными терапевтическими теннисами и массажами восьмидесятилетних калифорнийцев. И эти смещения вполне постмодерны: времени больше нет, есть лишь „времена“. Сам по себе факт плюрализма времен ничего не значит, кошмар начинается тогда, когда все времена суживаются до точки, до логической неподвижности и монадной закрытости компьютерного человека. Это идея Анти-Бога – актуальность актуальности – нет больше возможного, все перекрыто, испробовано, отравлено.

Идея Великого Инквизитора, любящего актуальность, может быть противопоставлено евангельское „Не будете как дети...“, „возможность возможности“, возможность сказать „да“, рождения, творчества, ошибки, заблуждения, падения, жизни.

Нищета

Православие – „нищая религия“ „спасительная и нежная, в которой софийность есть скорее тихое веяние, чем точно сформулированная система... Софийность есть атмосфера, она живет в несказанной нежности песнопений, в кротком культе юродства и нищеты, в колено-преклонении, в молчании, в мистической темноте. Христос православный трости надломленной не переломит, Он весь в жалости, всегда в слезах“ (Б. Поплавский, „Числа“).

Сама природа русская становится кенотической, нищенской:

Эти бедные селенья
Эта скучная природа -
Край родной долготерпенья
Край ты русского народа!

...
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

(Тютчев)

„Бедно, разбросано и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства... Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города: ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе?“ (Гоголь).

Заброшенность, пустынность, невзрачность, но и таинственность, и скрытая сила, и обещание чего-то неслыханного - русская природа несет в себе „зрак раба“, она, как и Христос, послушлива до последнего самоотрицания. Поэтому так несказанно прекрасна тихость русской природы, как будто она слушает Творца и боится ненужным звуком разрушить хрупкую Божью гармонию:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

- Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. -
Тихо ответили жители:
- Это на том берегу.

Тихо ответили жители
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина.
Я ничего не забыл.

(Н. Рубцов)

Можно подумать, перед нами картина тихого умирания. Но если это так, то смерть здесь особая, некое успение, а не смерть.

Это не летаргический сон, но сон как просветление, уход из внешнего мира - в вечную память, которая у Бога - „Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем“. Память, незабытие - свойства высшей, молитвенной активности.

Тихая моя родина.
Я ничего не забыл.

Божья Матерь, которая молчит в Евангелии, умирает тоже молчаливо. Ее Успение - один из самых любимых, таинственных праздников. „Вообще, удивительно умирают русские люди“. „Словно обряд совершают“, - пишет Тургенев в „Записках охотника“. Смерть - это что-то естественное и простое. Так умирает трава, так умирает дерево.

Не только кенозис и обнищание освящают природу. Литургической торжественности достигают описания леса, степей, таинственной и мудрой жизни волков, птиц, рыб у Распутина, Астафьева... Или у Заболоцкого:

Бык, беседуя с природой,
Удаляется в луга.
Над прекрасными глазами
Светят белые рога.
Речка девочкой невзрачной
Притаилась между трав,
То смеется, то рыдает,
Ноги в землю закопав...
Каждый маленький цветочек
Машет маленькой рукой.
Бык седые слезы точит,
Ходит пышный, чуть живой.

А на воздухе пустынном
Птица легкая кружится,
Ради песенки старинной
Нежным горлышком трудится.
Перед ней сияют воды,
Лес качается, велик,
И смеется вся природа,
Умирая каждый миг.

Мы как бы присутствуем при первых днях творения, когда все вещи светились поразительной новизной и земля была „одушевленным храмом“. Эту райскость и детскость подметил Рильке: „Великая страна на Востоке, единственная, через которую еще Бог связан с землей, и по сей день еще несет крест мученичества. Лихорадочно развиваются соседствующие с ней культуры, а она идет вперед лишь медлительными, неторопливыми шагами. Запад оставил позади себя столетия, в то время как рядом, в царстве Рюрика, еще длится первый день, день Бога, первый день творения“ (1900 г.). Об этом писал и Романо Гвардини: мир на Западе как будто бы уже сотворен, тогда как в России он все еще творится.

Свежесть первых дней творения, вечное, обжигающее своей новизной „начало“ можно найти повсюду у Андрея Платонова: „Вощев перестал спать и открыл глаза. Утренний свежий мир светился сквозь щели барака, и Вощев почувствовал свое тело как вновь зачатое: вчерашний труд истребил в нем старые внутренности, но сон наполнил его первоначальной плотью“. Не зря у Платонова повсюду нищенский, барабанно-котлованный фон – как и нищета героев Достоевского, эта бедность не социального, а скорее онтологического, даже литургического порядка – человек и природа ничего не имеют, но зато они вдвойне есть, их существование беззащитно, но чем оно беззащитнее, тем подлиннее, тем ближе к раю.

Восстановить первоначальное райское единство – не единство унифицированного и механически организованного технологического мира, а соборное единство Покрова Божьей Матери, которое включает в себя всю все-

ленную: поднебесную, бегающих зверей, поющих птиц и даже рыб, восстановить „радость всей твари“ – вот чем вдохновлялись русские иконописцы и святые. „Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющий и ангелов и человеков и всякое дыхание земное, – такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства, господствовавшая и в древней нашей архитектуре, и в живописи. Она была сознательно и глубоко выражена святым Сергием Радонежским. По выражению его жизнеописания, преподобный Сергий, основав свою монашескую общину, ‚поставил храм Троицы, как зеркало для собранных им в единожитие‘, дабы взиранием на св. Троицу побеждался страх перед ненавистной разделенностью мира. Св. Сергий здесь вдохновлялся молитвой Христа и Его учеников ‚да будет едино яко же и мы‘“ (Кн. Е. Трубецкой, „Умозрение в красках“, Париж).

Ненавистная разделенность мира может быть преодолена лишь возвращением в материнское лоно церкви. В православии церковью должен стать весь космос, все времена человеческой истории, поэтому и смерть не страшна, это есть возвращение в некую „космическую колыбельную“, в нежность сна. „Теперь он родня лесному зверьку, и во всякой берлоге его примут как своего и оближут языком. Он – брат каждому дереву и стеблю, по жилам которых протекает прохладный сок сновидений. Даже камням что-то снится. Ведь камень только прикидывается неживым, на самом деле он застывшая, успокоившаяся мысль“. Так пишет Юрий Лошиц о сне Обломова. Здесь нельзя не вспомнить о Чоране, сказавшем, что ад – это наибольшая удаленность от растительной жизни.

Нищенская красота – именно то, что имела в виду французский философ Кристева: красота – это катарсис, она приходит как „надежда сверх надежды“. Самодовольство невыносимо не только с позиции этики, но прежде всего эстетически. Кенотически-нищенскую красоту не заметят многие:

Не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит в наготе твоей пленной.

Гордость оглуляет, не позволяет увидеть Другое за Другим. Неброскую застенчивую красоту, хрупкую, для слуха, глаза и ума почти неосозаемую святость. И если ты не горд, а напротив, сам стеснителен и уязвим, если у тебя „грудная клетка открыта и внутренности обнажены – горят“, то ты разглядишь и то, что разглядел Ремизов: „На углу Большого проспекта и 14-ой Линии стоит женщина. Одета она прилично, т. е. все, что можно защитить и подштопать, все сделано. И не такая она старая, не развалина, только лицо, как налитое, без кровинки. Она не просит словами, она чуть кланяется и смотрит – и ей всегда подают.

В самый тискующий тиск и последний заон – много в ту пору мудровал человек над человеком! – Когда, кажется, из ничего не подскести, все использовано и завалящего не может быть, я видел – подают!

... И на лице у нее, как луч, светится.

И когда я это вижу, я уже иду на пятках – мне все страшно: вот я что-то спугну, помешаю чему-то, как-нибудь своим ходом нарушу, задую – свет“ (Ремизов, „Взвихренная Русь“).

Обнищание обнищания

Можно еще говорить о других „обнищаниях“ и „худых ризах“ русской жизни.

О кенозисе власти: известен анархизм русских. Известно, что русские считают власть делом „грязным“, поэтому признают за государством право лишь на внешнюю правду. Как считал Хомяков, русский человек резко отличает „землю“ и государство. Община, земля живет согласно внутренней правде, правде Христа, и лишь наличие воинственных соседей заставило русских призвать варягов и организовать государство.

В России незря появились видные теоретики анар-

хизма: Бакунин, Кропоткин, Лев Толстой. „Одной из причин, почему в России выработалась абсолютная монархия, иногда граничащая с деспотизмом, заключается в том, что трудно управлять народом с анархическими наклонностями“, – так думает исследователь „Характера русского народа“ Николай Лосский.

О кенозисе „ума“: известно, что русские почти не создали философских систем. Более того, многие из русских философов считали, что „систематическое“, слишком хорошо организованное мышление свидетельствует о „недостатке честности“, об отсутствии внутренней свободы, просто о неистинности.

Русский ум экзистенциален до гротеска, до сумасшествия: если русский умен, то он или пьяница или такие рожи начнет строить, что хоть всех святых выноси – так думает городничий у Гоголя. При всей преувеличенностии этого суждения, в нем есть зерно истины.

Можно затронуть многие другие сферы русской жизни – и каждый раз мы убедимся, что культурный или социальный русский кенозис – это только преддверие и предчувствие более великого стыда: „Быть только во времени и в пространстве, в истории и в государстве, в относительном благополучии несовершенных, несвятых – только людей, не Человека“. Это истощение – как поиск и мечта о другой, настоящей, неслыханной и непревосходимой Христовой нищете.

Толстой*

**Очередное произведение
о
русском скотстве**

„Мы не рабы, мы хуже – мы скоты. Раб осознает себя таковым. Скотина – никогда. У одного – надежда, у другого – жвачка...“

Лев Ракитин „Трамвай мой – поле“, «Синтаксис», № 19.

Постепенно, но очень заметно для даже не оснащенного преувеличителями взгляда, литературная деятельность пишущих по-русски эмигрантов из СССР и публикующих эти писания журналов перешла с позиций „нравственного снижения“ на позиции открытого надругательства надо всем, что традиционно охраняется русской православной культурой как свидетельство высоты и формирующей ценности создавшего эту культуру народа. На этом пути духовного разрушения разноизвестный журнал «Синтаксис» играет роль левого крайнего нападающего, выдвинутого вперед „добивалы“ не только за однотем-

---

* ТОЛСТЫЙ – артистический псевдоним художника, реставратора, писателя, журналиста и киноактера Владимира Котлярова. Родился в Москве в 1937 году. С 1979 г. живет в Париже.

ную угодливую агрессивность, но и за всеми признаемую квалифицированность команды обслуживающих его авторов, контингент которых завидно постоянен. И лишь в результате особых заслуг новое имя может попасть в этот „престижный“ список основного состава. А потому мгновенно привлекает внимание болельщиков. В 19-ом выпуске таким фаворитом-бенефициантом оказался Лев Ракитин, автор рецензируемого здесь произведения „Трамвай мой – поле“, мерзопакостнее которого, гнуснотянутее, подлее и натужливо тошнотворнее я, мне кажется, никогда и не читал.

Помещенный номинальной редакторшей «Синтаксиса» в рубрику „Современные проблемы“, хоть и претендующий на литературность, текст требует от нас соответствующего, т. е. „проблемного“ подхода. И потому первая приводимая цитата касается авторского определения проблематики, которой рассматриваемый нами текст посвящен:

„Я имею в виду еврейство. Ведь моя Мария – это по существу Бузя, чистокровная еврейка. А мой отец, если и страдал чем-то, то совершенно непредсказуемыми спонтанными приступами антисемитизма, которые и его самого изрядно изматывали, и нас всех.“

Приведенный уже на третьей странице 65-страничного повествования этот абзац настраивает читателя с болезненным восприятием темы на лад активно-войинственный, который не дает ему заметить, что никаких антисемитских поступков герой, т. е. „мой отец“ не совершает, никаких таких высказываний не позволяет, а лишь несколько мазохистски укрошаet в себе возможно и не существующие в действительности надрывы. Но после такого сильного начала даже литературная действительность обречена быть несущественной, и вся дальнейшая последовательность событий воспринимается как борьба несчастных евреев (все они хорошие, тонкие, работящие и человечные) с безумными русскими людьми (все они подлецы, трусы, тираны и преступники).

Произносимые сквозь зубы, оправдывающие русских

тирады или, более того, издевательские по тону гимны русской совестливости, картину эту лишь довершают. Ибо эти „оправдания“ предназначены рассказать о безупречности и достойной доверия позиции автора. И никоим образом тотальных обвинений в „русском скотстве“ не снимают, свидетельствуя лишь его иррациональность.

Кто же он, наш автор? Или корректнее сказать, как он нам себя этим текстом представляет?

Фабула произведения такова. Находясь в эмиграции, некий Костик, главный герой произведения, публикует рассказ под названием „Мария и Иисусик“, очевидно автобиографическим сюжетом которого является убийство его отцом, антисемитом и русским дворянином, некоей дворовой еврейской женщины Бузи, состоявшей в любовной связи с автором, бывшим тогда еще подростком.

Некоторая компания, предположительно, старых эмигрантов, группирующаяся вокруг журнала «Новая нива», „сделала“ когда-то из отца Костика „мученика режима“, гонимого „за религиозные убеждения“. Рассказ Костика, опубликованный во время новейшей эмиграции, входит в противоречие с этой концепцией. В ходе развития сюжета Костик полемизирует, во-первых, с Розалией, дочерью убитой его отцом Бузи, тоже находящейся в эмиграции, во-вторых, с иностранным профессором Маккомбом, России не знающим, но все про нее неправильно и тенденциозно пишущим (он находится в некоторых „отношениях“ с Розалией), и, в-третьих, с Павлом Никаноровичем, представителем предыдущей волны эмиграции, создавшей легенду об отце-борце (и не желающим теперь осквернения его памяти), которую опровергает сын.

Рефреном по всему произведению проходит фантазматический постельный разговор между Костиком и некоей Верулей о том, как она, Веруля, будучи еще в „школьной форме“, „девочкой“ увидела собак за этим делом“ (нужный, вероятно, автору для того, чтобы грязь была пожирнее, а мзда посытнее).

В лад этому бормотанию с грязцой происходит оконч-

тельное развенчание сыном своего отца, принявшего мученическую искупительную смерть в лагере, из героя в блудодея, убившего Бузю, как становится в конце концов очевидно, якобы из ревности к ставшему ей любовником своему сыну. А отнюдь не из ослепления местью, как это кажется вначале. Не из жажды наказать совратительницу его ребенка, более чем вдвое старшую, некрасивую, распутницу, а напротив, в животной ревности к сыну-сопернику, оказывается, совершено это убийство.

Внутри фабулы существуют две сюжетные линии. Первая – развитие событий в старые времена в послевоенной России, когда и произошло убийство. И вторая – в эмиграции, излагающая современные отношения между героями по этому поводу. Развитие фабулы протекает по двум этим сюжетным каналам симультанно. Прием стар и достаточно обсужден в литературной критике, но используется автором, прямо скажем, небезупречно. Желая, вероятно, внести как новацию еще одну степень усложняющей свободы, Лев Ракитин применяет в одном и том же текстовом блоке повествование от 3-го лица и внутри него прямую речь от 1-го лица. И тут мы начинаем подозревать, что Костик, автор рассказа „Мария и Иисусик“ и Л. Р., автор текста „Трамвай...“ умышленно этим литературным приемом самоидентифицируются. Или нас к такому повороту восприятия текста подталкивают. Ибо в противном случае этот композиционный нонсенс есть самая заурядная литературная безграмотность. В чем автора «Синтаксиса» заподозрить мы не можем, а потому и констатируем, что авторскую личность следует искать в его, автора, „самоизляниях Костика“, являющемся одновременно создателем рассказа „Мария и Иисусик“ (о содержании которого мы можем лишь догадываться) и главным действующим лицом второй сюжетной линии.

Литературная конструкция произведения натужливо осложнена. Многочисленные комплексы Л. Р. и его героя по имени Костик – единственное тому объяснение. Ибо эта сложность и не помогает читателю ощутить пульс

литературной жизни произведения или разобраться в ситуации, сложившейся среди действующих лиц, и не свидетельствует о композиционной либо духовной сложности авторского мышления. Сложность эта – от неумения (или хотения запутать?) просто и понятно излагать материал, но в то же время от желания заявить о некоторой незаурядности, которую отстоять тяжело, но очень хочется.

В задачу этой статьи не входит литературоведческое исследование. Его мы оставляем изощрённым хитрованам из соответствующего цеха. Лишь желание найти место обсуждаемому произведению в нынешней прилитературно-журнальной разборке, где без «Синтаксиса» ни одна свара не обходится, заставило меня приняться за эту рецензию. Тем более, что под именем автора произведения я наивно предполагаю псевдоним. А происхождение текста считаю либо спровоцированным редакцией, либо вообще мистификацией, выполненной кем-то из „супортёров“ или окружения – столь точно взгляды, изложенные на „синтаксических“ страницах, совпадают со взглядами его издателей, совсем даже ими и не скрываемыми.

Итак, констатировав необоснованность литературных претензий автора, а также ошибки издателей при макетировании набора, что затрудняет понимание смысла, в дальнейшем я буду говорить лишь об этих самых пресловутых „современных проблемах“ и их связи с социально-общественными взглядами автора.

И автор „Трамвая“, и автор „Марии“, рассказа в рассказе, неоднократно настаивают на своей русскости. Цитат – на выбор. Но я приведу вполне определенную, ибо кроме свидетельства претензии автора на русскость она мне поможет и в другом:

„Наш русский ум, воспитанный на „Карамазовых“, с каким-то, я бы сказал, захлебом утверждает, что атеизм, отбросив страх перед Богом, высвободил в человеке зверя.“

В 23-ем выпуске «Вечернего звона» опубликована рецензия на книгу Семена Липкина „Картины и голоса“ под названием „Эскалация русофобства“. Там приведена

цитата из этой книги, до меня использованная и В. Максимовым в предисловии. Повторю ее: „Человек минус Бог равняется фашисту. Формула“.- Это формула наших правых. Формула либералов, как видим, решительно противоположна:

„Ах, до чего красиво: утрата Бога творит в нас зверя! Да будет Вам, Павел Никанорович. Точка зрения – и ничего больше! И как всякая другая точка зрения, имеет свое место и свою цену на мировом рынке идей. И так же подвержена рыночной конъюнктуре и спросу.

Если же отбросить всю эту торгашескую чехарду, то как же еще, как не с Богом на устах, творились и творятся в мире самые звериные подвиги?“

Многоликие современные русофобии и христианофобии используют как „левых“, так и „правых“ для распространения своих идей. Т. е. не в „левизне“ или „правизне“, вероятно, дело. И на вопрос „почему?“ на этой тропе нам ответа не найти.

Обратимся к вопросу нациальному. И констатируем тут, что Костик родился от еврейки-матери, т. е., по еврейской традиции, он еврей. Вряд ли у инородцев есть какое бы то ни было право редактировать внутронациональные установления и традиции. Любая подобная попытка приводит к конфликту, и мы предпринимать этих попыток не будем, а напротив, с еврейской этой традицией согласимся безоговорочно.

Итак, Костик-еврей, авторская самоидентификация с которым из текста очевидна, отказывается от своей национальности. Более того, и в эмиграции он живет в нешире (ношrim - по словарю Зеэва Бар-Селла, - человек, отказавшийся от алии, т. е. от воцерковления в Израиль и после выезда из СССР направившийся на Запад). И еще круче: он атеист, активно осуждающий веру. Автор „Трамвая“, человек неверующий очевидно. Настолько неверующий, что даже в то, что другой может верить – поверить не может. Утверждая, что отец для него вне критики, любим им и прочая, его герой сообщает нам следующее:

„Действительно, отец был необыкновенно верующим человеком. По крайней мере, он никогда не пропускал возможности это подчеркнуть, выпить.“

Т. е., констатировав истовую веру отца, тут же подверг искренность этой истовости сомнению, подло бросив тень на якобы дорогое ему человека.

Однако заметим, что осуждая „единый всемирный лик веры“ автор ограничивает его круг верой „в коммунизм, в великую арийскую расу, в Магомета, Христа...“ Про упущенного Будду говорить не следует – мистицизм религии религий настолько оторван от проблем социальных, что не может служить показателем общественной позиции и свидетельствует скорее об отказе от всякой позиции, политической, нравственной, социальной и проч. Буддизм активно выступал против ритуальности и иных форм абстрактных спекуляций, выдвигая в качестве центральной, проблему бытия замкнутой в себе личности. И многого от постановки буддизма в социализируемый этот ряд автору получить не удалось бы.

Но вот что делать с „верой в великую еврейскую расу“? или с еврейской верой в Бога? И почему в приведенном выше ряду нет хоть каких-то модуляций этой идеи? Несправедливо! Ведь текст „имеет в виду еврейство“!

И тут я готов побиться об заклад, что еврей Костик относится к тому легко передвигающемуся, условно говоря, племени изгоев, которое, не веря ни в Бога, ни в кого-то (не хочу произносить всуе) иного, каждый Новый год поднимает тост „В будущем году в Иерусалиме!“ Но ни жить там, ни защищать свою историческую родину и свой народ с оружием в руках не хочет. В зависимости от обстоятельств это племя заявляет то „наш русский ум“, то „наша американская земля“ или что-то подобное. Но при этом и судит, и насмехается, и болью за бегло проговариваемое „наше“ не болеет, и все по-своему переделать норовит. (В скобках, осторегаясь грубых окриков „товарищей строгих судей“, я замечу, что и Льва Ракитина подозреваю в этой безвыходной прорухе, породившей и многочисленные его комплексы, и авторскую трусость сплошных недоговорок, и бесконечные самоодергивания и самоограничения, и многое другое, рядом с надругательствами и глумлением, о чем я охотно поговорил бы с

ним при встрече).

Главной характерной чертой этого племени является претензия на исключительность, на обязательность для всех остальных смертных с этой их (для нас не существующей) исключительностью согласиться. Чтобы не получить упрека в антисемитизме, или ином пачкающем „изме“, с их стороны, есть лишь один путь – признание права на некоторое дополнительное пространство жизни, на некоторую преимущественность в правах и предоставляемых им возможностях. И исходит это, как правило, от „веры в великую еврейскую расу“, когда можно отказаться от жизни со своей нацией (Израиль), от религии (иудаизм), но судить других и изгаляться (как это делает с русскими героями своего произведения Ракитин).

Не обладая ни национальной, ни религиозной привязанностью, а лишь пользуясь некоторыми освоенными признаками культурной традиции для своего самоутверждения, это племя (к которому принадлежат не только евреи по крови, но и Синявский-Терц, например) обосновывает своими произведениями возможность приспособить к своим интересам, к своим тщеславным и честолюбивым поискам, по сути дела, чуждую им культурную ситуацию. Но иного пути, кроме разрушения, у них нет. И как только та или иная коренная национальная или религиозная среда пытается свои традиционные ценности спасать от поругания и растления – тут же возникает слово „антисемитизм“. Точного значения которого, к счастью для племени, не существует. И поэтому это дает возможность щельмовать этим словом всех на свете, хоть бы и евреев, защищающих палестинцев.

Проблематика антисемитизма от его возникновения до определения границ терминологии и энциклопедизации вопроса, достаточно широко поставленная в Израиле, нам известна слишком поверхностно. Поэтому обратимся к тамошним источникам. В статье Давида Зафермана „Антисемитизм“ читаем:

„...факт существования распространенного по всему миру антисемитизма указывает, что евреи обладают особой

комбинацией свойств. Комбинацией, интуитивно чуждой другим народам.

Не все согласны с тем, что евреи – нация. Некоторые склонны полагать, что евреи – это только религия. А Жан Поль Сартр считал, что еврей – это ситуация“.

(«Панорама Израиля», № 246, 1988, стр. 34).

Подчеркнем, что свою интуитивную чуждость другим народам осознали, оказывается, сами евреи. Зафиксировали. Мнение это размножили. И тем, своими руками, сделали антисемитизм бессмертным. Только в 1988 году? Нет, процесс обособления, начатый Герцелем в конце XIX века, явился далеко не последней составляющей многих еврейских бед, связанных с бедами мировыми! Однако эту интеграцию евреи продолжают культивировать и воспитывать в детях. Что и заставляет меня пойти дальше Сартра и заявить, что, на мой взгляд, еврей – это воспитанная ментальность. В эпоху, когда исчезновение национальностей в ближайшем, скажем, двухсотлетнем будущем стало очевидным, евреи активно усиливают степень своей интеграции, с одной стороны, и активным образом способствуют разложению и приспособлению к своим интересам иных коренных национально-религиозных объединений, внутри которых они функционируют, с другой.

Опираясь на Зафермана, можно сказать, что эту „интуитивно чуждую другим народам комбинацию“ они решительно и безоговорочно навязывают, и в случае сопротивления возникает упрек в антисемитизме.

Будучи ортодоксальным христианином, я убежден в равенстве всех людей перед Богом, ибо писано: „...ни эллина, ни иudeя...“! И поэтому клеймо „антисемит“ считаю позорнейшим, но вкладываю в это понятие, вероятно, совсем иной смысл. Я сам готов применить термин „антисемитизм“ к человеку или обществу, оскорбляющему или ограничивающему права евреев, по сравнению с другими национальностями, только на том основании, что они евреи. Т. е. я осуждаю расистскую ситуацию. Но, к сожалению, в современном мире противоположная

традиция сформировалась не менее очевидно. И теперь все чаще и чаще чудовищное слово „антисемит“ применяется в пылу полемической борьбы или социальных схваток даже к тем, кто, не будучи агрессивным, точно так же, как евреи у себя, пытается отстаивать национальное достоинство и идентичность своего культурного наследия в своей стране и в своем доме. Точно те же мероприятия, проводимые евреями внутри своих объединений, оцениваются ими как антисемитские, если проводятся другими национальностями в оградительных целях.

Охранительная традиция, существующая у евреев, имеет место, хоть и в меньшей степени, и у представителей всех остальных народов земного шара. И эта традиция естественным образом приводит к тому, что общество, ни в коем случае не борясь против отдельных личностей, препятствует проникновению некоторых разрушительных для него идей. Защищает себя от глумления, разложения, изdevки.

И потому я прошу читателей рассматривать настоящую статью как акт самозащиты. Театрально манифестируемый, но социально необходимый.

А теперь взглянем на пару цитат, свидетельствующих о том, как этот русский Костик (а мы, не будучи расистских убеждений и не считая капель крови, как это делалось у нас в Одессе, оставляем за человеком право самому решать, к какой бранже ему лепиться) относится к его „родной национальности“.

В первом письме к Павлу Никаноровичу комплексы Ракитина-Костика вопиют дьявольском воплем:

„Мы страшная нация... Мы лицемеры... Мы ханжи... Нам кажется, что мы себя строим, – на самом деле, мы себя разрушаем... Мы терзаем свою плоть запретами... Мы боимся себя... Мы врем себе...“

С горечью и болью я вынужден констатировать, что в рецензируемой вещи предпринята злобная и истерическая попытка разрушения русского самосознания изнутри. Как бы в оправдание собственного заявления, что „мы себя разрушаем“, Л. Ракитин пытается заставить и читателя в

это поверить. Но нет! Этот волк не изнутри, а снаружи! Не может здоровый человек, ощущающий себя вместе с народом и принадлежащий к этому народу, так не только писать, но и думать. Ибо за границами самокритики это слишком уж далеко. Это противостоянно. И вся мировая литература об этом свидетельствует. По исключениям определяют людей нездоровых либо диверсантов. Так что же эта книга - болезнь или диверсия?

Вот что написано в произведении о Достоевском:

„... откуда в нем столько партийного гнева, столько державной гордости и этого жара душевных дежурных проповедей...“

Замечаете, читатель, какая оригинальность и глубина хода! Разделавшись подобным образом со многими национальными лидерами культуры, автор переходит к осуждению всего народного единства, всего народа целиком.

Оправдывая атеизм и атеистическую ситуацию в России, перемещая бремя ответственности с власти на народ, в открытую проговаривая многоместно, что

„...те, кто на самом деле, замучены, – замучены именно ею. Ею!.. Ею!.. Ею!.. Народной властью! Властью народа!“

в другом месте Л. Р. сообщает:

„Не власть, а грязь нас объединила, засоренные туалеты, помойные ведра, мат ссоры и драки, голод.“

Конец! Власть и коммунизм оправданы целиком! Во всем виноват русский народ.

А ну-ка еще тебе цитатку, читатель:

„И мы больны, и гении наши больны, и наши пророки, и все, все. И давно уже. И коммунизм – не источник нашей болезни, а следствие. Больна сама мысль наша. Раковый корпус построен, как будто, по законам современного зодчества, но толщина его стен, но его основательность – разве не видна здесь рука наших древних умельцев и умников?“

Ой, как похоже на Андрея Донатовича Терса! Нет, не в национальных делах тут собака зарыта. Или, во всяком случае, не только в них. И хочется мне здесь спросить читателей, знают ли они, какие контингенты жителей Израиля встали на защиту палестинского народа в

нынешнем конфликте на оккупированных территориях в этом удивительном арабо-израильском государстве? Кто участвует в геноциде, а кто – против, вопреки своим вроде бы очевидным интересам? И я отвечаю удивленно, что это – „леваки“ (в том числе все анархистские группировки) и верующие хасиды с Меа-Шаарим, фигулярно говоря, еврейское монашество!

Да ведь иначе и быть не может. Ибо главный мировой конфликт – между верой и безверием. Верой в силу и достоинство человека (не нуждающегося в гувернерстве) – анархизм, и веру в Господина нашего Бога, создавшего Человека по образу своему и подобию – монашество. Ну, а что правые, что либералы, государственную, т. е. земную власть, раздающую им за поддержку дополнительные блага и преимущества, выше власти божественной почитают. Да ведь и не знают они радости Господнего руководства. Поэтому и, в заблуждениях пребывая, подглуповатые софизмы из себя размножают...

Вот, что об этом думает наш Лёва Ракитин:

„Советская власть тоже, простите, держится на жупелах веры и мифа со всеми вытекающими отсюда последствиями, с выходами к религиозному экстазу, гонению на инакомыслящих, претензией на знание какой-то одной правды, абсолютное владение истиной и так далее, и так далее. И как раз этой неудержимой ее религиозностью, а не атеизмом, как Вам приятно думать, обусловлены и наше божие, и наше недоверие к церкви в целом.

Потому-то с таким ревностным ожесточением обрушаются служители коммунистического культа на церковь, что притязают на те же в структурном отношении ценности: безусловное следование догмату, запрет на сомнение, соборность (если не употреблять слова „стадность“)“

Тут я еще раз обращаю внимание на совпадение методов шельмования христианской веры:

У правых: православные русские люди „... бессмысленно толпятся на всенощную у церквей. Стадо.“ (С. Липкин „Картины и голоса“), и это приветствует В. Максимов. У левых: „столп и утверждение истины“, православную соборность наш герой называет *стадностью*, и это печатается в журнале, контролируемом А. Синявским.

Не будешь же в короткой статье объяснять, что советская власть – это форма государственного насилия, а вера в Христа – единственная возможность ощутить себя свободным без границ... Но констатировать подмену мы обязаны. Боязнь, нет, невыразимый страх высоты, чистоты, ясности, страх любого подвига и любой жертвы сквозят из каждой строчки этого агрессивно антихристианского произведения. Отсутствие ценностного уровня, бегство и трусость приводят автора к заявлению о том, что „подлинный атеист не станет убивать верующего“. Стоит ли говорить о том, насколько это заявление не соответствует исторической правде, или, допустим, о процентном соотношении исключений и правил.

И поэтому вместо катарсиса (искупительная смерть и мученичество) благодарный сын приводит по сюжетной линии любимого отца в стойло к блудодеям. Более того, ведь сам он „этого не знает“, но читатель хитрым поворотом сюжета вынуждается поверить дворовой проститутке. И отец – в грязи.

Заканчивая эту грустную для себя работу, мне хочется сообщить читателю, что я был бы необыкновенно огорчен, если бы узнал, что пафосом этой моей статьи видится со стороны некоторый национально-религиозный сепаратизм. А конкретнее – мое желание попытаться отлучить от русской культуры не известного мне Льва Ракитина или ему подобных. Я хочу лишь констатировать, что ими делается злая и античеловечная работа. Я хочу констатировать, что злопыхательская позиция «Синтаксиса», к счастью, не имеющая гуманистической, а лишь семейную значимость, позиция, не предлагающая никакой, взамен постоянно низвергаемых журналом ценностей, альтернативы и лишь усиливющая эффект враждебной миру позиции автора.

Мне хочется, чтобы автор и журнал знали, что защитники своего народа и своей веры очень часто видят и понимают недостатки нынешней их ситуации. И стыдятся этого, и болеют об этом сердечной болью, и молятся во избавление о Господе!

Но они должны также знать, что никакие народы, в том числе и русский православный люд, изгаляться над собой никогда не позволят. И на поругание где бы то ни было, в эмиграции, в лагере или на родной земле, „когда доской давили“ или славословили, своей чести и культуры не отдадут.

И с этим ни слабословому Льву Ракитину, ни чужебесому журналу «Синтаксис» поделать ничего не удастся. Ни ныне, ни присно, ни во веки веков. Аминь.

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

Е. Анцупов

Скорбная политика встреч

Газета «Русская мысль», не рискнувшая напечатать мою статью „Политика форумов и формулы подлинной политики“ (апрель – май 1987 г.), в течение прошедшего года сняла „горячую“ разоруженческую тему со своих страниц.

Правда, газета не отказалась себе в маленьком политическом хулиганстве: в № 3706 две Натальи, Горбаневская и Дюжева, дали „Общественно-политический календарь 1987 года“, где осужденная мной политическая ошибка Сахарова упомянута явно в положительном ключе: “14-16 февраля. Москва. Форум ‘За безъядерный мир, за выживание человечества’ с участием А. Д. Сахарова“.

Нате, мол, вам: вашу критику Сахарова мы кладем под сукно, тему сворачиваем, а через несколько месяцев, когда шок от вашей статьи и разоруженческих „успехов“ Горбачева несколько утих в наших душах, возвращаемся к позиции безоговорочного пиятета в адрес того, кто и „всемирно известный ученый“, и „создатель водородной бомбы“, и „Нобелевский лауреат“ (см. в том же номере открытое письмо Феликса Светова Алексию Адамовичу, где высылка Сахарова в Горький названа таким главным „позором нашей истории“, в котором Ф. Светов предлагает покаяться всем вместе и каждому в отдельности).

В том же номере газеты помещена статья Ирины Иловайской „Памяти Р. Г. Боннэр“, где московская квартира Сахаровых до высылки в Горький названа не менее, как „живым (и кровоточащим) сердцем России“.

Прекрасно, дамы и господа из «Р. М.»! Вы газету издаете, вы ей и вольные распорядители: Горбаневская у вас может **душить читателя** своими переводами с польского буквально из номера в номер; документы, статьи и письма с теоретическим душком социализма, демократии на дух не допускаются на страницы вашего сектантски христианизированного издания; соглашательскую и анти-русскую аферу С. Григорьянца (со всем его наглым незнанием грамматики) вы можете год выдавать за острие и вершину русского инакомыслия.

Прекрасно, дамы и господа! Вы предложили полемику по текстам выступлений Сахарова на форуме 1987 года – вы получили закономерный и давно назревший философский разгром сахаровских просоветских полуидей, скрыли этот разгром от своих читателей и занялись малопочтенной реанимацией трупов. Вольному воля, господа. Но тут, с волей, у вас явный просчет: в отличие от страниц «Русской мысли», она вам не принадлежит, вами не исчерпывается, не может быть цензурно запрещена.

Я вот перечитал свою „Политику форумов...“, убедился в силе и правоте своего политического анализа, **не каюсь**, что перерезал себе этим анализом триумф поездок по западным парламентам, пережил сказанное в лицо: „стиль Вышинского“, „полусумасшедший“. И все-таки мне **воля** осталась продолжать...

Прошел всего год. И смотрите, как поучительно сам Сахаров, именно Сахаров высек вас, дамы и господа из «Р. М.», в том же январе, который вы начали с порции очередных восхвалений в его адрес.

Февральский форум 87-го года не канул бесследно в Лету – нет, он обернулся и откликнулся январем 88-го года, **первой** прямой встречей Горбачева и Сахарова, учреждением „Международного фонда за выживание и развитие человечества“, куда Арманд Хаммер внес

миллион долларов и остатки своих жизней решили вложить С. Эйзенхауэр, Р. Макнамара, Д. Лихачев, Т. Заславская, Р. Сагдеев, Е. Велихов, митрополит Питирим... Ну и, конечно же он, наш обожаемый лауреат и водородчик. Форум, фонд, совет директоров, генсек, мировые информационные агентства – у-у-у, ну как тут не позавидовать большой политике больших людей, как не мечтать и самому попасть в этот сияющий мир... «Русской мысли», которая на цыпочках и на пуантах звонит „кровоточащей“ Е. Г. Боннэр, чтобы узнать эпохальные подробности, в каком месте приема и пресс-конференции Горбачев произвел на Сахарова очень хорошее впечатление способностями и динамичностью, в каком **Сахаров решил**, что стране „нужен в **этот** трудный момент“ именно **этот** руководитель, в каком, наконец, Горбачев говорил: „Вот Андрей Дмитриевич считает...“

Мне надо **каяться** перед «Р. М.», историей, США, еврейской диаспорой, так как я весь этот год без устали называл Горбачева бедой и трагедией России, истинным ставленником КПСС – КГБ – ВПК*, бесчестным политическим маньяком, который занят консервативным сохранением власти в руках своей партии, который во всех сферах политики, внутренней и внешней, беспринципно устраивает шумное опереточное каскадерство, призванное отвлечь внимание многоуважаемой публики от предкатасстрофных потрескиваний небесного свода над головой человечества.

Нет, мне точно **надо покаяться**, уже потому, что Сахаров при первой же встрече с Динамичным, когда и разговора-то „один на один не было“ (ничего, «Р. М.», утешься, родная: это у них на очереди, Сахаров тебе и эту свинью еще подложит!) сумел просветить генерального КПСС-аппаратчика аж по 9-ти „кровоточащим“ проблемам России.

Пикантности побоку, нюансики кухни – поварам; меня, чистой воды политолога-антисоветчика, интересуют

---

* ВПК – военно-промышленный комплекс СССР.

именно эти **голые** 9 пунктов, с которыми наш диссидентский академик отправился на свое **первое (!?) свидание** с КПСС.

В редакции Е. Боннэр и А. Гинзбурга (см. „Сломать или очеловечить?“ - «Р. М.» от 22. 02. 88) указанная голь выглядит так:

1. „Он говорил о необходимости изучения **всех** возможностей разоружения, а не только разоружения ядерного, о сокращении в одностороннем порядке приблизительно вдвое срока службы в армии, что вместе с соответствующим сокращением всех вооружений даст средства, необходимые для перестройки“.

Здесь явно в одном грамматическом предложении два самостоятельных разоруженческих. Разберемся.

Средства для перестройки нужны сейчас, сегодня, немедленно. Если односторонне сократить срок службы вдвое, то это, во-первых, никого не потрясет на внешней арене, т. к. во многих странах десятилетиями существуют более низкие сроки службы. Это, во-вторых, вызовет возражения работников военкоматов, ибо демографическая ситуация с молодыми поколениями до 2000 года будет переживать вторичную волну нерождений (как эхо 2-ой мировой войны), даст такие **провалы** и недостачи призывных возрастов, которые в случае сокращения сроков службы вдвое могут поставить военкоматы перед невозможностью выполнить разнарядки на призывников. Против предложения Сахарова будут, далее, армейские снабженцы, т. к. обеспечивать армию на **двойных** скоростях – это тоже не значит экономить деньги, по многим позициям это значит как раз обратное – двойные количества денег и ресурсов вкладывать и вбухивать в войну. Против предложения Сахарова выскажутся и многие низовые армейские командиры, знающие реальные сроки обучения современным военным специальностям и сроки серьезного закрепления навыков в обращении с военной усложняющейся техникой.

Вы думаете, милый академик со своей сверхакадемшей, что море молодой российской крови солдатики советские

пролили в Афганистане почему? Да потому, в частности, что вся военная машина СССР не успевала готовить горнострелковый спецназ для пополнения потерь 40-й армии, что по необходимости посыпали в Афганистан малообученных салаг.

В Генштабе советском сидят на этой проблеме аналитики опыта афганской войны. Так что вы думаете, они будут **не против** вашего сокращения сроков службы? Речь-то идет не о 25-ти, а о 2-3 годах. Надо пройтись по гигантскому списку военных специальностей, послушать практиков армии по каждой из них, чтобы сделать обоснованный вывод о подавляющем большинстве наиболее важных специальностей, о таком подавляющем большинстве, которое позволило бы рукой махнуть на оставшееся меньшинство и действительно чохом, сразу на всю армию ввести сокращение сроков службы „приблизительно вдвое“.

И еще наша Елена Георгиевна, инструктируя нашего Андрея Дмитриевича, не подумала о том, что сегодня советский рядовой получает в армии **позорные** 3 - 6 рублей в месяц, что если число рядовых за два года прогонять через армию двойное и при этом карманные деньги каждому солдату тоже увеличить вдвое, до позорных 12 рублей, то... со средствами на перестройку туто будет получаться.

Как видите, **факторов** много, факторы разнонаправлены, динамика их в совокупности такова, что выбирать срок сейчас для сокращения сроков службы в армии - задача для хорошего НИИ с десятком хороших американо-японских компьютеров. Тут на темпераментах жен собеседовавших генсека и академика дело не построишь, разве что из песка с кашей и кровью.

Под стать предложению о сроках службы была и вторая верноподданная рекомендация. Это - когда Сахаров „говорил (1) о необходимости (2) изучения (3) всех (4) возможностей (5) разоружения (6)“. Покамест от сотрясения воздуха под № 1 до практических дел под № 6 путь будет пройден в такой стране, как СССР, - много воды

выкипит и испарится в реках планеты...

Робко берусь напомнить в заключение, что обе первые рекомендации Сахарова поддаются оценке и с позиции **диссидентства**.

Если человек устал от засилья и разбоя военно-промышленного комплекса, знаком профессионально с размерами и трагизмом секретных и панических преступлений этого комплекса в **мирное** время; если опутанность жизни страны военным психозом, военной коррупцией стала нетерпимой бывшему военному академику, бывшему руководителю и организатору затрат на самое дорогое оружие современности; если наступательный характер советской армии и военной доктрины предстал перед взором „горьковского“ отшельника во всей своей отвратительной доказанности; если подготовка пущенного мяса из собственных граждан на существующих скопростях экспертно оценена мыслителем как безумная, античеловеческая (= антипланетная), если не демагог шел к демагогу, не милитарист к милитаристу, не военный службист шел потрафить главному начальнику войны... надо было предлагать **одностороннее немедленное безоговорочное сокращение армии точно на 50%**.

2. „К проблемам того же рода относится и его предложение о необходимости создания в Европе не „безъядерных зон“, а зон, **полностью свободных от всех видов вооружения и армии**“ (там же).

Зная хотя бы из советских газет, с какой результативностью 14 лет идут в Вене переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе; зная, какие города в Западной Европе объявили себя безъядерными (и **ни один** не объявил себя в Восточной); зная, как трудно пробивает себе дорогу идея „безъядерных зон“ прежде всего из-за размеров советского военного присутствия в Европе, из-за советской обструкции этой идеи, не надо ли было скромно предложить генсеку создать в одностороннем порядке „безъядерную зону“ на землях социалистических стран Восточной Европы, дать **обязательство** со стороны СССР, что воздушные про-

странства этих стран на высоту до 200 км не будут пересекаемы в случае войны советским ядерным оружием? Не пора ли на западных границах СССР обзавестись кордоном нейтральных, неприсоединившихся стран?

Не пора ли пересмотреть сталинско-рузвельтовский раздел Европы, перестать быть гарантом и творцом этого раздела, признать его так же надежно ведущим к 3-ей войне, как вильсоновский вывел ко 2-ой?

Не пора ли безоговорочно и односторонне удалить свои войска из Восточной Европы и заняться срочным созданием инфраструктуры обороны на собственной территории, строительством дорог, бомбоубежищ, больниц, созданием 10-кратных мобилизационных запасов продовольствия и медикаментов? Через меньшую армию не вдвое быстрее, а вдвое меньшее количество солдат надо пропускать, 30-кратно увеличив им зарплату.

Население же, граждан действительно надо школить открытыми и систематическими мероприятиями по обороне...

Это провокация и демагогия (и никаких наивностей, никаких прекраснодуший!) – предлагать чужой ФРГ избавиться от армии, даже не поднимая вопроса о воссоединении Германии.

Если же Сахаров планирует создание узких демилитаризованных зон, скажем, в 100-300 км, то это будет не менее, чем режим берлинской стены, протянутый через весь материк (см. учебники истории и зарубай на носу опыт Великой китайской). „Узкие“ зоны оба военных блока преодолеют и заполонят в первые же 1-2 часа войны, сделают их такой ареной военных действий, после которой нигде больше и не надо будет воевать. Но и жить вряд ли окажется возможным как минимум в „зоне“ от Атлантики и до Урала. Ибо по „узким“ коридорам, если нависнет угроза превращения их в поле боя, невероятно возрастет соблазн применить ядерное оружие с „отдаленных“ советских, французских и английских позиций. Да и морально ли подключать противника к созданию демилитаризованных зон, имея такую конфигура-

цию линии европейского противостояния и пользуясь в мире славой такого сверхвооруженного вероломца? Нужна вам стена, примут ее восточноевропейские народы – вот и давайте на своей территории в одностороннем порядке, отступя на 1 км от границы и еще 2 км превратив в ядерно-минные поля, навалитесь всем вашим соцлагерным миром и в месяц соорудите!

Даже в таком предложении было бы военной логики, человеческой морали, согласия с реальностью, плюшкянской заботы о средствах на маниловскую перестройку куда больше, чем в том, с чем побежал в Кремль с **допуском к ручке** награждаемый Сахаров, одержимый думнодьячей заботой угодить награждающему Горбачеву.

Восточная Европа полна страданий о границах, которые могут дать войну: Румынии – с Венгрией и СССР, Югославии – с Болгарией, ФРГ – с Чехословакией, Австрии – с Италией, Греции – с Турцией, Польши – с СССР.

И тут „кровоточащее сердце“ России является к очередному оседлавшему ее забубеному парт-пастуху и предлагает зоны, **свободные от армий**, учредить на чужих много проблемных огородах, односторонние свои, наиболее вооруженные и страшные, оставляя в качестве объекта для „изучения возможностей“.

И прекрасно ведь разбирается человек в перспективах и объемах миротворящей политики, которые таит в себе слово „односторонний“, знает что **умеренное и очевидное** надо с этим словом сопрячь, чтобы выглядеть в глазах принимающего этаким приемлемым, нестрашным, родственным политическим советником. Знает, например, „кошка“, что из „афганского“ блюдца молоко сегодня **можно** лакать.

3. „Ну и опять был разговор об Афганистане: он считает, что советские войска из Афганистана должны быть выведены без всяких предварительных условий“ (там же).

А кто, извините, кроме непосредственных **виновников** агрессии, желающих замести следы, в тайне сохранить свои имена, придать респектабельность и смысл учиненному варварству, смертям, – кто сегодня, когда **коммунизм**

в Афганистане бит и остановлен, берется так не считать?

Да надо ли носить за плечами и на плечах **такое** количество регалий, эпитетов, надежд, энтузиазмов, полномочий, иметь такую степень известности, авторитета, чтобы сопрягать, **когда от тебя ждут истины**, со словом „односторонний“ такие общепонятные банальности?

Что иное стоит за „афганским“ предложением Сахарова, кроме **освящения** бесславного исхода армии, кроме политической услуги, призванной помочь всей советской иерархии выбраться из опасных засосов авантюры с сохранением **власти и лица**? Уж не думал ли „штаб“ российского инакомыслия, готовя свой визит к Горбачеву, выступить в роли спасителя миллионов афганских и советских жизней? Или все-таки роль таких спасителей принадлежит сражающимся муджахидинам, завоевана маленьким гордым народом в беззаботной, безумной и победительной борьбе с крупнейшим милитаристом и агрессором? Не больше ли заслуг у пацифистов Москвы, у западных и восточных союзников Афганистана, у эмиграции и той же «Русской мысли», разоблачившей мерзости агрессии все восемь лет?

Уж если ты **совесть, сердце и штаб**, надо было связаться с Парижем, срочно получить все афганские корреспонденции «Р. М.», положить их перед Горбачевым и потребовать их издания в СССР миллионным тиражом, немедленно, до мая, до начала вывода советских войск. Жертвам афганской войны нужен **памятник**, советским военачальникам нужен **отрезвляющий позор**, духовному здоровью **запуганных и молчаливых** народов страны нужен **урок** гражданской совести, неподчинения, оппозиционным силам СССР нужен текущий, современный идеологический **рубеж для движения к власти**.

Слово эмиграции хотя бы по одной лишь афганской проблеме служит для всех этих целей бесспорным инструментом, лидирующим и подходящим кандидатом.

Так нет же, улица Чкалова идет в Кремль и мяллит в хвост событий о выводе без предварительных условий! Воображая при этом, что она действительно **всерьез** дис-

сидентствует, мыслит, кровоточит.

А она всерьез лишь **изменяет** оппозиции и соглашательской мельтешней лишь **укрепляет** власть КПСС, грозящую в ближайшие годы такими неисчислимymi бедами стране и человечеству, за которые проклята будет не только она сама, но и все, кому не хватило ума, чести и совести шеренговать не с ней заодно.

В целом группа „военных“ предложений Сахарова уже не удивительно, уже привычно убога и легковесна. Присстраиваться в хвост Сахарову, который так явно поплыл в хвост Горбачеву – занятие вредное политически, отступающее по морали, демобилизирующее как внешних, так и внутренних противников КПСС.

Ибо **военная программа** оппозиции совершенно ясно к слову „односторонний“ кладет и приставляет **антивоенные** сократительные акции: армию по численности и всем вооружениям уменьшаем на 50%, по ядерным – на 90%; выводим все войска и советников из всех стран, где они есть; принципиально **не помогаем и не торгуем** оружием; перестраиваем армию по **национальному** признаку; занимаемся созданием мощной гражданской обороны. И **судим**, – отлавливаем сотню высших партийцев, военных, ученых, хозяйственников, – и судим нашим внутренним Нюрнбергским судом за **преступления против человечности**, за предыдущую безумную милитаризацию страны, за авантюры Кореи, Венгрии, Кубы, Вьетнама, Чехословакии, Афганистана, за животную, звериную растрату триллионов, за жесточайший уровень эксплуатации, за бездорожье, нищету, в которой десятилетиями держались одно поколение за другим. Это – чтобы не было иллюзий, **как** относится оппозиция к военно-промышленному комплексу СССР и **что** она с ним намерена делать. Сахар и сироп сахаровских визитов – **не средство** предотвращения войны, но способ ее реализации и подготовки, отступающий наркотик, сродни уравнительному, тому, которым подготавливается психика больного перед операцией, будь у него шансы выжить или не будь...

Перейдем к группе „демократических“ предложений

Сахарова, академика и лауреата, изо рта которого который уж год грозит выскочить **птица спасения** размером с абсолютную истину.

4. „Сахаров много говорил о необходимости создания в стране климата открытого общества, в частности, изменения законодательства об эмиграции, создания законов, гарантирующих реальное право выбора страны проживания, законов, которые не обуславливали бы выезд из страны никакими вызовами“ (там же).

Среди **критериев** „климата открытого общества“ такая частность, как законы об эмиграции, право, не стоит тех многих слов, которые Сахаров прожужжал Горбачеву. В контексте других демократических мер, в комплексе с другими критериями, о первостепенности которых стонут десятки лет десятки миллионов, на месте скромном 22-ом среди трагедорассекающих деяний пристойно быть тому, с чего Сахаров начал перед динамичным **таким** Секом бить челом его недостойного раба.

Рисую фантастико-детективную картину... из жизни государства и народа Бурунди...

Приходит один политик к другому - и говорит: „Пardon, коллега, стар становлюсь, могу не успеть в жизни своей сделать венчающий ход. Да и времена у страны грядут кардинальные, тяжкие времена по **всему фронту**, где ваша партия, коллега скатилась в кровь, в убожество, в фиглярство... Нет-нет, милый, багроветь и в обморок вам рано. Главное я еще только скажу. Примите к сведению: у меня на квартире создан оргкомитет, заранее отпечатан и разослан в областные центры манифест, в течение года мы проведем учредительный съезд Либерально-демократической партии России“.

И вы думаете, мой читатель, что после такого заявления Сахаров вообще не ушел бы из Кремля? не ушел бы далеко? что его штаб-квартиру разгромили бы прежде его возвращения? что его высылка из страны не превратилась бы для КПСС в акт воспитания народа, политического самоубийства для правящей партии?

Вы думаете, что требования **манифеста либералов**, где

мог бы в кордебалетных туманах и задачах фигурировать и **свободный выезд**, при обморочном состоянии „руководителя страны“ не принял бы кто-нибудь из его референтов?

Вы думаете, что в параллель с либералами, после разгрома либералов, раньше либералов, рискнувших лишь начать, пользуясь выгодой сахаровского авторитета, активисты православия, те же Огородников, Осипов, Сендеров, Аксючиц, не подхватили бы **знамя плурализации**, не создали бы оргкомитет **Христианско-демократической партии**? Вы думаете, лозунг „Даешь Учредительное собрание!“ в этом случае можно было бы выжечь из сознания миллионов? что на это хватило бы ударных отрядов номенклатуры, что армия бы не колебнулась? не визжал бы от страха КГБ, самозакрывшись в камерах своих пустующих тюрем?

Вы думаете, мой читатель, что лозунг „Земля – крестьянам, заводы – рабочим, парламент – для всех“ не первое лепета об эмиграции?

Так вы **плохо** думаете и о себе, и о народах исстрадавшейся страны, не знаете **сил оппозиции**, накопленных до состояния 1000-процентной водородности; вы арифметику социальных движений **плохо** усмотрели в трудах общедоступного Ленина; вы позволяете себе **граждански** мещанствовать, не представляя, с каким риском, но и с какой смертельной непримиримостью планета готова сечь нашу с вами Россию за ее запойную капээсэнность...

Это надо сверхбояться политики, это надо потрясающее недострадать, это надо быть физически предрасположенным к дилетантству, чтобы спасительно **депутатствовать к коммунистической хунте**, когда у нее под ногами готова развернуться земля. И совершая оное... татствие, „много говорить“ об **открытости** страны на Запад (интерес лишь сотен тысяч людей), когда миллионы и миллионы в ней страждут от **закрытости** ее перед Западом.

5. „О пенитенциарной системе Сахаров сказал, что она должна быть изменена в соответствии с рекомендациями ООН“ (там же).

Не много же нашлось у Сахарова слов об этом **критерии** – открытого общества. А он, этот критерий, тоже касается интересов десятков миллионов людей (из которых три миллиона сидят, трижды три – рыдают, еще трижды три – паразитически кормятся и судят).

Рекомендации ООН так же расплывчаты, необязательны, исполнены противоречий и мелочей, заюридичены до пата, как и сказавший о них Сахаров. Рекомендации ООН **не выполняют** тюрьмы маленьких Израиля и Чили, средних – Ирана и Турции.

Что же касается такой **сверхимперии тюрем**, как СССР, то здесь может выправить дело только **ВСЕОБЩАЯ АМНИСТИЯ**, только увольнение всех нынешних пенитенциарщиков, только отмена всех законов, кодексов, инструкций, только **ШТУРМ** лагерей и тюрем по всей стране.

Иначе говоря, дело с карательной функцией государства изменить к **небольшому** лучшему, что предусмотрено в рекомендациях ООН, можно и то лишь произведя **предварительно** большой слом власти КПСС.

Допустим, что Сахаров в силу своей перманентной политической инфантильности до таких выводов пока-мест не дошел. А чего, кажется, проще – поезжай в «Известия», попроси письма-стоны, письма-исповеди, письма-рыдания о **юридических преступлениях** КПСС всего за один год. Но... не дорос, в том числе до того, чтобы для тебя тайные энтузиасты и помощники сделали такую работу в газетах и архивах страны.

Тогда остается мера иная: 100.000 экземпляров „рекомендаций ООН“ разосланы для хохота и изdevательского ржания в тюрьмы, лагеря, суды, прокуратуры, милиционерам, внутренним войскам? Да-да, тем самым **палачам и убийцам**, которые **раскаленным шилом прокалывают подследственным мошенки**, тем самым, кто ежедневно по всем тюрьмам страны организует работу пыточных „пресс-хат“.

И еще: поднята ли кампания в ООН, чтобы 100.000 экземпляров жалких ее рекомендаций были ее представителями розданы советским заключенным? И чтобы те же

представители собрали отклики. Нельзя ли было уже с **таким** материалом побеспокоить сиятельность **такого** руководителя страны?

Да мало ли по-настоящему гражданских, по-настоящему либеральных, по-настоящему правозащитных мер и шагов можно предпринять, если у тебя и впрямь о массах кровоточит сердце!

Когда-то Чехов высказал России весьма категорическую максиму: „В человеке должно быть все прекрасно...“

И она „послушалась“ милейшего доктора - на 30 лет взгромоздила себе на шею большого усатого таракана, в котором все было мерзко. И как же его опричники, его КПСС-фашисты, **промышленно** уничтожая миллионы людей, наблюдая в банях женщин-доходяг, дистрофичек веселились, вероятно, над прекраснодушием всех предыдущих чахоточных антош России: „в человеке“, „прекрасно“, „все“ да еще и „должно быть“!

А ныне Сахаров является к **той же партии**, не наказанной хотя бы отстранением от власти, с „грозным“ сообщением, что **та же** пенитенциарная система СССР нечто задолжала ООН... Мне даже не грустно.

6. „Об освобождении политзаключенных: в прошлом году были освобождены более 200 человек, но никто из них не реабилитирован. В заключении остаются многие, чьи обвинения – чисто (!) политического свойства, но и в тех делах, где политзаключенных (!?) обвиняли в реальных (!!?) преступлениях, необходимо разобраться (!!!) с привлечением... общественности (ух, знаков не хватает! – Е. А.), в частности журналистов“, из коих он наздвоих – Ольгу Чайковскую и Аркадия Ваксберга. Он передал Горбачеву список около 200 политзаключенных, осужденных по статьям 70, 190-1, 142 и 227 УК, а также сидящих в специальных и общих психбольницах. С этим списком, с его подготовкой была трехнедельная морока, чтобы и никого из известных не пропустить, и чтобы не попали туда и уголовники. Все равно список получился путаный. Этот список у Сахарова взял и положил перед собой какой-то человек, и Сахаров немного растерялся, не

гебешник ли. Горбачев увидел его растерянное лицо и говорит: „Андрей Дмитриевич, это мой референт по юридическим вопросам“ (там же).

М-да, и не знаешь, с какого конца укусить такой... слабительный политпирог. Ведь делаете же вы ПОЛИТИКУ, люди, даже откращиваясь от нее и притворяясь, будто заняты возвышенным, иным. А делаете грешную ее, делаете плохо и плохую.

Это великое ваше счастье, л-л-либеральствующие дамы и господа с улицы Чкалова, что вы живете в духовно недоразвитой стране. Ибо только в ней после **такого** можно оставаться на тех выдающихся ролях, на которые вас занесло.

В стране более зрелой тайная полиция сдирижировала бы широчайшую публикацию истории, **как** Сахаров „боролся“ перед Горбачевым за интересы политзаключенных.

В стране с менее вырезанной интеллигенцией (и с большей демократией) лучшего орудия провалить вас **на выборах**, чем этот факт „борьбы“, не мог бы придумать даже ваш изощреннейший противник.

Представьте, что один день по всероссийскому (pardон... всебурундийскому) радио передавали бы в последних известиях только этот эпизод из встречи Сахарова с Горбачевым.

В том числе **перед разводом на работу** в лагерях и тюрьмах страны...

Вы думаете, простили бы вам миллионы отбор четырех статей УК в редакции КПСС, которые были положены вами в качестве критерия для составления вашего списка? Вы думаете, сошло бы вам с рук участие такой общественности в пересмотре реальных (то есть уголовных?) преступлений в действиях тех, кто осужден советским (самым фашистским в мире) судом и кого вы удосужились царственно счесть **политзаключенными**?

Ваксберг и Чайковская слезливо паразитируют на частностях национальной юридической трагедии, ни один ваксберг (и вообще ни один член наблюдательных

комиссий, ни один народный заседатель) не застрелил ни одного рекункова за все 70 лет российского компромачения.

Она, КПСС, уничтожила десятки миллионов, искалечила жизни как минимум миллиарду человек на земле. Она, КПСС, написала несколько конституций, десятки кодексов, тысячи правил внутреннего распорядка – и все своего неестественного коммунистически-фашистского свойства.

Она, КПСС, воплотила в России худшие представления человечества об АДЕ. Она, КПСС, может сегодня уничтожить планету как минимум дюжину раз... И после общеизвестного этого находятся люди, которые **уполномочивают себя** исчерпать динамику политической борьбы в СССР двумя списками по 200 человек.

Политических оппонентов у правящей партии **больше**, нежели членов. Самый страшный для КПСС, самый неисчерпаемый и миллионноживой отряд – оппоненты **экономической** политике. С этими борется вся пенитенциарная советская система, скорбя от тщеты и задыхаясь; этих она не переборет даже в случае удесятерения своих мощностей. Не переборет, ибо сражается с природой человека, сама к ней принадлежа.

Ни установление в Кремле торжества омоловленной команды Горбачева, ни трехнедельная морока с „путанным“ списком, которой добровольно и страдательно подверг себя академик Сахаров, не остановят производство в стране БОРЦОВ за национальное освобождение, пропагандистов и защитников ВЕРЫ.

По каким бы статьям кодексов ни пыталась КПСС перемолоть своих врагов, „известных“ до улицы Чкалова или „уголовных“ до ближайшего районного суда, а процессы (плюралистического, многоукладного) развития страны идут и будут идти своим неумолимым путем. На этом пути и СССР не обладает качеством вечности, и КПСС подлежит переводу от власти к кондициям кошмарного воспоминания. На этом пути страна доживет когда-нибудь до... бурундийского уровня – чтобы юр-рефе-

ренты первого гебешника земли (Горбачева 10-го) принимали из рук растерянных лицом академиков манифесты о создании либерально-демократических партий. А если уж списки, то **жертв и палачей** одновременно, чтобы ясней было миллионам читателей, что же и с кем надо **НАРОДНО** учинить...

Картина из жизни. Парню 20 лет, рост 150, вес 35. Впервые арестовали за участие в групповых кражах 14-летним „малолеткой“. Провел в колониях, лагерях и тюрьмах 6 лет, сформировался и „воспитался“; десятки раз „опускали в трюм“ (сажали в штрафной изолятор), сотни раз бил и бил; полгода перед волей харкал кровью в лагерной больничке. Лишь после освобождения талантливый, умный и добрый облхирург отяпал вчерашнему зэку 3/4 легкого. И вернулся, значит, к маме сынок...

Через несколько месяцев (скучно стало!) матёро и матерски сколотил из подростков группу воров. Единственное „дело“ группы – в дни работы 26-го съезда КПСС грабанули особняк местного делегата.

Покамест делегат вместе с Горбачевым и всеми его нынешними перестрое-хунтистами подло поднимали **за Брежнева** „большевистский партбилет“, мальцы под руководством ожесточенного волчонка решили дать делегату возможность вторично купить в распределителе японский магнитофон. Волчонок **вторично** сел (Пенза, апрель 1981 года), почти восторженно возвращаясь в привычный и родной мир лагерей, привел в колонию для малолетних – наследников и смену. Сегодня, наверное, уже мертв...

Так что уголовнее, господа, голосовать за Брежнева или **чистить** голосованта от импортных тряпок?

Что там на этот счет рекомендует ООН?

Ведь явная уголовность делегатов 26-го съезда КПСС уже сегодня почти ясна **им самим**, с годами **для всех** будет становиться лишь яснее.

Если разграфить страницу надвое, с одной стороны дать список делегатов любого съезда КПСС, а с другой на эту же дату дать список „уголовников“ любой областной тюрьмы, если далее на языке международного

компьютера зашифровать вехи жизней, основные события до и после, выстроить индексы интеллектов, образования и СОВЕСТИ, сформулировать графу интересов и побудительных причин, – крупицы **положительной** уголовности у партделегатов будут лавинообразно сменяться **отрицательной**, у клиентуры же тюрем – наоборот.

Когда на улице Чкалова путаность „известности“ и „уголовности“ в судьбах всего лишь 200 человек обернулась дымом и паром трехдневной мороки, не усомнились там в серьезе, объективности и правомочии своего занятия, не вспомнили хотя бы, что людям Христос заповедал промежуточное право („Не судите, да не судимы будете“ – Мф. 7, 1-2), **окончательную** функцию отделения овец от козлов, по великой сложности ее, решительно оставив за Небом (Мф. 25, 31-46; ср. Кн. Пр. Исаи, 13, 9-16; Кн. Пр. Малахии 3, 1-5). Не учли на улице Чкалова и огромный опыт древних, который советовал скептически относиться к именам известным (*natus gloriosum*), ибо „нехорошо пахнет тот, кто всегда хорошо пахнет“ (*non bene olet, qui semper olet*).

Так нет же, испорченная почестями и впавшая в гордыню улица Чкалова по первому же зову преступного цезаря побежала к нему торговать именами избранных, не слыша, как **легионы** сбрасывают цепи и статуи, требуя свободы и вождя...

7. „А на пресс-конференции... он говорил и о крымских татарах – что необходимо решить эту проблему, дав возможность(?) заселить степной Крым. Может быть, следует провести референдум (!?) и таким образом, в зависимости от мнения большинства (??) населения, решить вопрос об автономии. Эта автономия может быть (*mersi, madam!* – Е. А.) и в рамках Украины, а Южный берег пусть будет (нет, ну каков ум, какая... госдоброта! – Е. А.) все-союзной здравницей“ (там же).

Государство в течение 40 лет, отобрав геноцидно у крымских татар их историческую территорию, создавало и создало там мощную иноплеменную диаспору; даже в случае возвращения татар они обречены будут утопать в

море иноверцев, утонуть в нем на протяжении жизни 2 - 3 поколений.

Выход в этих условиях – безоговорочно двойной возврат: Крыма – татарам, неокрымчан – на земли их предков.

Условия для референдума в Крыму на предмет автономии, выхода или невыхода из СССР должны быть воссозданы государством, **которое виновно**.

Чтобы референдум не был акцией имперского разбоя со стороны крупных народов в отношении малого. Чтобы через несколько лет, когда крымчане хотя бы немного залижут свои ущемления, когда они станут хозяевами Крыма, почувствуют в Москве власть настоящих, твердых демократов, когда возврат и расселение крымчан уже станет неотменимым фактом истории, мы имели бы право пригласить международных наблюдателей на референдум крымчан об автономии.

Если решат не выходить, мы спросим их, в составе какой союзной республики, Украины или РСФСР, они хотели бы продолжить свое автономное существование.

Если они выскажутся за Украину, тогда именно Украина проведет свой референдум, даст крымчанам свой ответ, свое согласие или отказ. И только потом, в третью очередь, имперообразующая нация русских получит право на свой референдум по поводу крымских татар, только в случае, если надо будет решать вопрос о вхождении Крыма в состав РСФСР.

Регулирующая функция демократической империи – так это выглядит и называется. „Право малого“ – „право среднего“ – „право большого“ у демократов имеют каждое свои объемы, способы и время выражения, не подменяются одно другим, не позволяют властствовать ни на почве исторических эмоций, ни от имени обыденного сознания масс.

Коммунистический Кремль **принципиально не способен** даже такие чистые случаи национальных дискомфортов, как проблема крымских татар, решать с позиций организованной демократии. Он может лишь подличать, гнать болезнь внутрь, показывать кукиш и кулак.

Сегодняшний Кремль дик, от него нельзя ждать государственного мужества и мудрости, к нему не надо обращаться до тех пор, пока в нем „царит“ КПСС.

Горькую эту правду оппозиция обязана сказать и крымским татарам, и любым другим народам, которые надеются серьезно изменить нынешние нетерпимости и боли, отправляя телеграммы в ЦК КПСС и разгуливая по площадям с портретами „солнца“-Горбачева.

Капризенко разрешить Южному берегу Крыма остаться всесоюзной здравницей – это не тон и стиль оппозиции, это лишь баловство великосоветских дам, приближаемых и приближенных. Разрешить могут татары, спрашивать будем только у них; и будем всей страной платить им арендную плату за здравницы и за военный порт Севастополь.

Именно **такую** политику, единственную такую политику может в качестве **альтернативных знамён** предлагать оппозиция. Если она **ОППОЗИЦИЯ**, если **ВОЗРОЖДЕНИЕ** духовного здоровья и авторитета, если историческое долголетие **ВЕЛИКОГО РУССКОГО НАРОДА** она поет и хочет утвердить.

8. „Представитель египетского журнала спросил А. Д. Сахарова, как он оценивает политику геноцида, которую проводит Израиль на оккупированных арабских территориях. **Ответ.** Это один из этапов трагедии, развивающейся здесь на протяжении уже нескольких десятилетий. Выход может быть найден на путях компромисса. Надеюсь, что такие переговоры состоятся, взаимоприемлемые решения будут найдены, а государственные интересы Израиля и арабских народов, в том числе палестинцев, соблюdenы“ (там же и в газете «Правда»).

Ведь человек предлагает от имени **очень** грамотной, авторитетной, **опытной** многонациональной России:

1. На Западном берегу реки Иордан воссоздать государство палестинцев; сектор Газа признать землей израильтян; Голанские высоты – демилитаризованной зоной;

2. Провести в Ливане дорогостоящее и справедливое

территориальное размежевание общин; и так провести, чтобы Израиль граничил с христианами или представителями иной дружественной конфессии, мог, при желании окружающих народов, создать федеративное государство;

3. Выплатить арабам под международным контролем 10-кратные суммы компенсаций, в которых Россия готова принять достойное ее участие;

4. Иерусалим и Кёнигсберг сделать ГОРОДАМИ ООН;

5. По согласованию между заинтересованными народами России, предположительно с центром в городе Одесса, создать Еврейскую автономную область; в принципе не исключая возможность создания арабской.

„Война камней“, которая происходит сегодня на арабских землях Израиля, – это не геноцид, не Сталин в Крыму, не коллективизация, не Гитлер в Польше, не уничтожение армян младотурками в 1915 году. Задавая вопросы и принадлежа к такой древней и цивилизованной нации, как египтяне, можно обойтись для обозначения скромной собственной боли большим эмоциональным ярлыком. Дабы не оскорбить память тех, кто действительно стал жертвой геноцида... Наконец, давно надо сказать: маленький народ с такой историей, как израильский, после такой войны, как 2-я мировая, уверовал, кажется, в силу автомата и брони. Это печальный и запоздалый курьез, до первого большого историко-демографического взрыва; начнись такой ураган (а он на пороге), и будут израильтяне первыми на планете, кто упрекнет себя в служении не своему естеству... .

Так ГОВОРИЛА БЫ наша Россия, желающая участвовать в конференции по Ближнему Востоку, если бы имела на то хотя бы клочок моральных и политических прав. Но их у страны сегодня нет даже для решения собственных внутренних проблем, будь то Крым или вопрос армяно-азербайджанской границы...

Мне известно, что в эти дни академик Сахаров обратился с письмом к Горбачеву с просьбой „решить проблему Нагорного Карабаха“ (формулировка центрального

телевидения Западной Германии)... Да и сам Сахаров в газете «Московские новости» (3. 4. 88) вновь демонстрирует великолепное искусство ходить **но поводу и сзади** событий, выдавать рекомендации умеренные и нерешиительно передающие решение в руки властьпредержащих.

Решат, господа, не волнуйтесь, СССР это вполне по силам, милитаристским как суть коммунистической системы, имперским как способ и масштаб ее идеологического выражения, темным, как не бывают ночи над Ереваном и Баку.

Но как бы вам не пришлось обнаружить, что опытная, сильная и беспринципная Москва сумела соблюсти не вашу, а собственную выгоду, играючи перехитрила и тут, больше взяла, чем отдала, оставила ситуацию в таком недорешенном положении, на котором в будущие времена она опять сможет паразитировать.

Сегодня вы уже на место виновности азербайджанцев и КПСС сделали попытки поставить вину **плохих непрестроившихся русских**.

Когда вас постигнет разочарование, вы станете делать это с утроенной силой зла. А РУССКИЕ, господа, как и любые другие народы, при разных правительствах вернее могут быть разными, чем при одном континуитетно-горбачево-коммунистическом... Том самом, которое вас так грубо обольщало и по поводу которого вы так охотно и наивно обольщались.

По поводу методов решения национальных проблем, внутренних и внешних, что предлагает сегодня улица Чкалова, должен сохранить в силе мой общий вывод: **оппозиция с растерянными лицами** – таковы ваше имя и суть, ваши искусства, взгляды и потенции...

Мне остается в заключение сказать: к чести «Русской мысли» и лично Александра Гinzбурга, они поместили информацию о встрече Сахарова и Горбачева в большой статье, где фактами повседневной конфронтации инакомыслящих и КГБ **убийственно опровергли** все сахаровские рецепты и па, с которыми его сомнительно понесло в Кремль.

Статью под сильным названием „Сломать или очеловечить?“ А. Гинзбург закончил словами, которые стоит помнить больше одной недели: „Крымские татары, политзаключенные, выезд без вызова – все, о чем Сахаров говорил Горбачеву. Те же идеи – и столь разные пути. Сломать или очеловечить? Скопом или в одиночку? Российским грохотом или западным компромиссом? Ответа на это не даст (!? – Е. А.) победа (зэки на свободе, пятидесятники уехали, татары вернулись в Крым), ибо ее, каждый своим путем, добивались все. А поражение, что сегодня гораздо реальнее, – это уже конец самой идеи компромисса и очеловечивания“.

Узковато представляет себе ведущий журналист «Русской мысли» масштабы победы, во имя которой иная Россия ведет с КПСС упорную и непримиримую борьбу, борьбу во имя **спасения страны**, чтобы завершающие преступления КПСС не потянули и СССР – Россию в пропасть предстоящего партийного небытия.

И напрасно с такой легкостью, с таким дипломатизмом А. Гинзбург выдает индульгенции за „свои пути“, которые, мол, спишет общая победа. Мы не дети в политике, чтобы не понимать толк в путях, чтобы не видеть вред отсрочек, который таят в себе пути встреч, форумов, фондов, компромиссов...

Наконец, не вижу возможности и вероятности такого поражения, которое бы могло вначале остановить или замедлить развитие оппозиционного движения в стране, а затем уже благотворно перестроить его на более боевой лад; движение на самом деле лавинообразно растет, закалено преступностью врага, само таит в себе силы отбросить на политические обочины нынешних романтиков либерализма, сломать скопом и с грохотом диктатуру КПСС, выполнив тем самым расплатное предназначение истории, которое она единственno для коммунистов накопила...

И еще раз о войне.

Новой ступенькой приближенности и приручения наградил Сахарова Кремль за „удачу“ договора РСД-РМД,

на „риск“ которого „антипакетный“ Сахаров **советовал** пойти в феврале 1987 года. Будет на то Божья воля – разберемся отдельно и в договоре по РСМД, и в ожидаемом договоре о 50-процентном сокращении стратегических вооружений.

На протяжении 40 лет две сверхдержавы, обладая полярно противоположными политическими системами, довольно согласованным тандемом сеяли ЗУБЫ ДРАКОНА.

Теперь они обе признают, что высекано было слишком много, что высекать больше – и дорого, и разума нет.

Американцы достаточно цивилизованный народ, чтобы самим разобраться с теми, кто был причастен у них к **безумиям ядерного сверхзасева**.

Что же касается нас, российской оппозиции, то мы **своим параллельным безумцам**, даже если они страдают комплексом вины на манер Эйнштейна-Оппенгеймера-Сахарова, политической и юридической пощады давать не собираемся. **ДРАКОНЫ ВОЙНЫ** так бурно сегодня просятся, что говорить уже надо только **ОТ ИМЕНИ ЖЕРТВ...**

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

В. Ковалёв

Ненависть к России и невидимая рука социализма *

Последний очерк книги Безансона (он называется „Анатомия одного призрака“) особенно любопытен. Написан он со знанием советской системы, содержит интересные обобщения. Безансон утверждает, даже постулирует: главная функция идеологии после прихода ее к власти состоит в создании ирреальности, миража.

Идеология действительно продуцирует (если продуцирует вообще) ирреальность, то есть идеологические установки, согласно которым следует все понимать буквально. Идеология социализма в данном случае не исключение. Безансон говорит о советской экономике как экономике-фикции, призраке. Дескать, советской экономики на самом деле нет, есть только нормальная капиталистическая экономика, которую не допускает идеология.

Опасное заблуждение. Дело ведь не только в том, что со времен „Коммунистического манифеста“ многое изменилось и бывший „призрак коммунизма“ завоевал более половины мира, воплотившись не только в государственные системы, но также в танки и ракеты. Главное заблуждение в наивном утверждении, заключенном в слове

---

* Окончание. Начало см. «Вече» № 29.

„призрак“. Социализм, как бы говорит нам Безансон, сегодня так же призрачен, как и 150 лет назад. Самого по себе его нет, как нет, к примеру, социалистической экономики, и если она и работает, обслуживая человеческую жизнь, то только в той степени, в какой идеология допускает капитализм. Увы, это-то как раз и неверно. Если быть точным, то работает не только капиталистическая новая экономика, впитавшая в себя все накопленное человечеством в своем социальном развитии. Например, банки „изобрел“ не капитализм. Как и налоги. Достаточно вспомнить римскую „декуму“, которую взимали римляне с колонизированных народов. Она составляла десять процентов производимой колонией продукции. Так что капитализм содержит в себе только часть социального опыта человечества. Большую и наиболее положительную, но всего лишь часть. В этот опыт входит также и экономика социализма – как негативная, короткая еще и наиболее драматическая глава. Если же говорить о какой-то особой очищенной экономике, которую, видимо, подразумевает Безансон, то ее вовсе нет. Ведь сказано же: экономика – это человек. И то, что построено в Советском Союзе, есть самый настоящий социализм с настоящей реальной экономикой.

Профессор Шафаревич в книге „Социализм как явление мировой истории“ убедительно показал, что всякий социализм (ранний французский, итальянский, испанский или поздний немецкий) ведет к уничтожению духовной сущности человека. В отличие от Шафаревича, Безансон говорит в основном о советском социализме или русском коммунизме и ни слова, например, о французском или немецком социализме. И вероятно неспроста. Делая упражнение на призрачность социализма, каким он стал в Советском Союзе, Безансон невольно все запутывает и как бы говорит нам: такой социализм – не социализм вовсе. И напрашиваются как минимум два вывода: или социализм сегодня вообще нельзя построить, или его не удалось построить в Советском Союзе, потому что Россия помешала. Оба вывода смущают. Убеждение, что социа-

лизм сегодня нельзя построить, невольно предполагает другое – время настоящего социализма не пришло.

Трудно себе представить, что Безансон хотел быть так понятым. Он ведь стоит на позиции социального гуманизма, утверждающего, что во всем виновата среда, калечащая человека, а не сам человек. А если допустить, что время настоящего социализма не пришло, то нужно будет согласиться с тем, что современный человек еще не готов принять его, потому что своими действиями он „опошляет“ идеальные устремления социализма. Вряд ли такого понимания желает Безансон. Ведь тогда утверждение о том, что в Советском Союзе построить социализм Россия помешала, отпадает само собой, поскольку, если сравнивать не с чем, то и говорить не о чем.

На самом же деле, и социализм, и социалистическая экономика (какими они стали в Советском Союзе) не призрачны, а до ужаса реальны. Это на благополучном (пока еще) Западе, где социализм не воплотился totally, легко заниматься анатомией призраков. В стране же, где этот „призрак“ не только реализован, но уже проглотил в свое ненасытное чрево более 60 миллионов человеческих жизней (а Безансон об этом хорошо знает!), само слово призрак вряд ли будет правильно воспринято. Разве только теми, кто уже занял прочные места у партийного корыта. Такие и вправду начинают постепенно перестраиваться, работать в неожиданных направлениях, не без влияния западных советологов. Одна из последних новинок из арсенала лекторов ЦК звучит даже экстравагантно: социализм труднее строить, чем капитализм. Отсюда, дескать, и все наши трудности. Правда, возникает законный вопрос: зачем тогда строить этот социализм? Не проще было бы построить, например, капитализм с социалистическим лицом? Впрочем, это время еще придет. К социализму, но с капиталистическим лицом, Горбачев вот-вот приступит.

Однако напрасно мы будем искать в книге Безансона серьезные обоснования „призрачности“ советского социализма. Их нет. Это свое „открытие“ Безансон просто пос-

тулирует, а профессор М. Геллер в предисловии к книге, эту мысль подхватывает и хвалит Безансона и закрепляет за ним это „открытие“. Ничего нового в этом нет. Один вещает, другой подхватывает и закрепляет, чтобы не сомневался читатель в „гениальности“ преподносимого.

Почему же Безансон так настойчиво пишет о „призрачности“ советской экономики? Напрашивается ответ: чтобы лишний раз лягнуть Россию, которая даже нормальный социализм не могла построить. Но не только. Есть еще одно весьма пикантное обстоятельство. Безансон не хочет „обижать“ своих социалистов, западных, которые и сегодня думают, что у них, то есть во Франции, Германии, Испании, Португалии, все будет по-другому. Подспудно и сам Безансон, вероятно, в это верит, но не вера все же движет им, а страх.

Попробуем все же разобраться, как на самом деле обстоит с „призрачностью“ советского социализма и с „фиксациями“ советской экономики. Не преминем при этом воспользоваться помощью того же Безансона, который иногда называет вещи своими именами.

„Уничтожив собственность*, товарный обмен и даже на какое-то время деньги, – пишет Безансон, – Сталин сделал немыслимыми даже те формы экономической жизни, которые на его языке именовались феодализмом, рабовладельческим строем и первобытным коммунизмом...“ Однако хозяйственная жизнь не умерла, но следовала она вовсе не основному экономическому закону социализма, сформулированному Сталиным, а как бы вопреки ему, потому что ни о каком „обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей“ не могло быть и речи. Люди, что называется, едва сводили концы с концами, поскольку социализм не торопился строиться, а разруха, в которой находилась страна, диктовала свои собственные законы – законы выживания.

И все же, основной экономический закон социализма

---

* Личную собственность Сталин все же не уничтожил.

был сформулирован, стало быть (и это диктовала идеология) этому закону нужно было следовать. И ему следовали. В результате, единственными событиями, на которые обращалось внимание, стали события социализма. А поскольку социалистическая доктрина не признавала безработицы, несчастных случаев на производстве, эпидемий, катастроф, преступности, то они, как по мановению волшебной палочки, исчезли из советской жизни, вернее, из советских средств массовой информации. Даже наводнения, неурожай и пожары замалчивались или использовались пропагандой для демонстрации советской героики, либо для борьбы со „скрытыми“ врагами социализма. Сложилась ситуация, в которой строительство социализма стало „делом всех и каждого“, а производственные и экономические показатели превратились в политические факторы.

По мере развития социализма выяснилось, однако, что только на директивы и постановления ориентироваться партии нельзя, поскольку это может привести к потере власти. Стало быть, безудержный энтузиазм нужно притормаживать, давая место той реальности, которая разрушилась во имя социализма, то есть неидеологизированной естественной жизни.* Ленин объявил нэп, ибо почувствовал угрозу советской власти со всех сторон. Страну мучили разруха, беспорядки и голод.

По мнению Безансона, подлинным мастером большевистского искусства управления советской экономикой был и остается Ленин. В 1921 году он отверг один за другим все планы Троцкого по полному уничтожению капитализма в молодой советской республике. Последовательным ленинцем проявил себя Сталин, который своей статьей „Головокружение от успехов“ по-существу прекратил безудержность коллективизации, ввергнувшей в тюрьмы и лагеря миллионы лучших представителей крестьянства. Самым плохим ленинцем оказался Пол Пот, зашедший в строительстве социализма так далеко, что разрушил

---

* Ее-то Безансон и называет капитализмом.

собственную партию и потерял власть. Но самый последовательный и самый верный ленинец – бесспорно, Горбачев.

„Советское экономическое искусство состоит в поисках компромисса, – пишет Безансон. – Компромиссы заключаются на всех уровнях – от самого скромного предприятия до Совета Экономической Взаимопомощи. Эти компромиссы непрочны, так как строительство социализма немедленно вступает в свои права, как только компромисс исчерпал свои благотворные эффекты“. Прямо скажем, не очень свежая мысль. Реальная жизнь вообще основана на компромиссах, в том числе экономическая жизнь капитализма. Например, постоянно возобновляющийся компромисс между рабочими и работодателями. И точно так же, если компромисс исчерпал свои возможности, он исчезает со сцены, и тогда ищется новый, более подходящий. Что же касается советской экономической игры в допущение неидеологизированных элементов в повседневную жизнь, или, по терминологии Ленина, – нэпа, а по терминологии Безансона – капитализма, то весь ее смысл основан на ленинском пророчестве о веревке и капитализме, о том, что именно капиталисты совьют ту веревку, на которой их повесят коммунисты. **При этом нужно особо подчеркнуть, что Ленин имел в виду не только капитализм внешний, но и внутренний, поддерживаемый или нелегально существующий в рамках социализма.** Китай, кстати, следовал этому правилу еще более основательно, разрешив своим внутренним капиталистам существовать в условиях социализма. Может быть, иногда это правило теряло свою силу, например, в годы „культурной революции“, но никогда не отменялось. Не потому ли при Дэн Сяопине так быстро оживились частное предпринимательство и частная торговля?

Получается, что Безансон повторяет лишь зады идеологов коммунизма, то, что Ленин и Мао Дзэдун „чуяли“, что называется, нутром без особых мудрствований и философских формулировок. Кроме того, и Ленин, и Мао Дзэдун прекрасно понимали, что просто так, ради великой

цели, народ не заставишь работать. Во всяком случае, продолжительное время. Мало того, они отдавали себе отчет в том, что процессом построения социализма нужно управлять. Управлять с помощью специальных людей, которые находились бы в обществе в привилегированном положении. Каждый из них решал эту проблему на свой манер. Ленин, например, верил в профессиональных революционеров. Но их было мало. Они даже физически не могли бы занять все ответственные посты и все держать в своих руках. И это мучило Ленина. М. Восленский в своей книге „Номенклатура“ пишет о том, что вождь „с растущей тревогой всматривался в неудержимый процесс, развернувшийся в советском обществе. Это была волна рвавшихся к власти и выгодным местам нахрапистых карьеристов и мещан, наскоро перекрасившихся в коммунистов“. Но как бы ни ненавидел Ленин этих новых коммунистов „из простых“, он понимал, что профессиональные революционеры должны властью делиться с другими, потому что страной и народом нужно было надежно управлять. Так возникла „номенклатура“. Шульгин, убежденный монархист, депутат Думы, следующим образом комментирует происшедшие перемены: „Вернулось неравенство... Мертвящий коммунизм ушел в теоретическую область, в глупые слова, в идиотские речи... Появилась социальная лестница. А с ней появилась и надежда. Надежда каждому взобраться выше“.

То есть, и **введение номенклатуры было уступкой капитализму, но уже более серьезной** – в сфере идеологии, а не экономики, потому что этим нарушался принцип равенства. Определенной части населения страны, причем очень небольшой, были созданы условия для нормальной жизни, чтобы она управляла всей остальной массой народа, строящего социализм.

„В социалистической системе потребление не подчиняется воле частного лица, – пишет Безансон, – которое само решает, что и как приобретать или потреблять, исходя из тех возможностей, которые ему предоставляет рынок. При социализме структура потребления опреде-

ляется политическими органами власти еще до того, как начинается процесс производства". Справедливости ради надо отметить, что в современном капитализме происходит нечто подобное. Если вещь не имеет шансов быть проданной, то ее никто производить не будет. Иначе говоря, и при капитализме оценка шансов потребления предшествует производству. Разница (и весьма существенная) состоит только в степени зависимости производства от представлений о потреблении и, наоборот, потребления от производства. При капитализме эта зависимость очень гибкая, при социализме – жесткая, директивная. Сначала декларируется „правильное“, то-есть социалистическое потребление и только после этого спускаются специальные директивы, то есть план. Естественно, под припев „максимального удовлетворения постоянно растущих“ материальных и других потребностей.

Может возникнуть вопрос, а как же декларируются эти „правильные“ социалистические потребности? Увы, этот вопрос повисает в воздухе. Плановики, составляющие часть номенклатуры, и думать не думают о том, будет ли потреблено все произведенное или нет. Так же как и производители. Главное – план должен быть выполнен. Ведь план при социализме – закон. А что происходит с произведенными товарами реально, никого не интересует. В плановых показателях никак не отражается, ржавеет ли продукция на складе или под открытым небом или с выгодой используется. Только иногда срабатывает обратная связь – „производство – потребление“ – когда ее можно использовать для сведения личных счетов или для наказания особо строптивых. Но это происходит не часто. Однако одно несомненно: **номенклатура никогда не введет такие плановые показатели, по которым можно будет составить отчетливое представление о выполнении плана.** Это не в ее интересах, да и никто от номенклатуры этого не требует. Главное – чтобы сохранилась существующая система, власть.

Советская система экономики функционирует при одном непременном условии – если человек полностью

обезоружен, лишен своих защитных оболочек, поставлен в постоянную зависимость от внешних обстоятельств. О чем и заботится номенклатура. Об этом пишет и Безансон: „Собственность или даже простое обладание какой-либо вещью, окружает простого гражданина своего рода защитной оболочкой, тем более плотной, чем более многочисленны, изобильны и разнообразны те блага, которыми он обладает. Советское государство вовсе не намерено ни позволять этой оболочке укрепляться, ни разрешать своим подданным окружать себя защитной прослойкой денег, сбережений или съестных припасов. Отдельный домик, окруженный зеленою лужайкой, с кладовой, наполненной разнообразной снедью, с низкотемпературным домашним холодильником для хранения замороженных продуктов, с одним или двумя автомобилями, расположенный неподалеку от торгового центра, – это отнюдь не советский пейзаж и быть им не может“.

Безансон прав. Это не входит в намерения номенклатуры, которая сама все это имеет или при желании может иметь. Привилегии номенклатуры не ограничены только доступом к материальным благам. Сюда входят закрытые больницы и поликлиники, комфортабельные дома отдыха, закрытые учебные заведения для номенклатурных отпрысков, поездки за границу, доступ к запрещенной литературе и даже свобода в высказываниях. Если же и простому гражданину дать немного от такого благополучия, то номенклатура как бы лишается стимула жизни. Да и простой гражданин станет защищеннее, и по этой причине на него труднее будет воздействовать.

Однако номенклатура не может допустить и обратного – превращения маленького человека в совершеннейший винтик идеологической машины. Достигается это с помощью компромисса, которым развитой социализм научился владеть почти виртуозно, открыв для себя необозримое поле деятельности: новую эру – эру дефицита. А в ней главный рычаг – очередь. Имеется в виду не очередь за хлебом. В этой очереди нет фальши. Очередь же как инструмент развитого социализма изощреннее. Она работает

(и неплохо), когда распределяют квартиры, путевки, рабочие места, в том числе и места у партийного корыта, премии, продают золото, драгоценные камни, проводят профилактические чистки, осуществляют партийные решения и т. д.

И в удовлетворении привилегированных (номенклатурных) потребностей тоже появились перебои, характерные для всей советской системы. То не хватает канадского лука, то французской туалетной бумаги, а то и серебра, и тогда врачи четвертого управления начинают экономить на рентгеновских снимках. Дело не только в том, что чего-то нет на самом деле, а в привычке. Разросшейся номенклатурой тоже надо управлять, и как тут не воспользоваться испытаным оружием: дефицитом и очередью, чтобы „обезопасить“ старую номенклатуру от рвущихся к власти ловкачей. А разбухание номенклатуры за счет прихода „новеньких“ ведет к тому, что и сама номенклатура постепенно превращается в „муравейник“. Иначе говоря, в ловушке оказываются все: и ведомые, и ведущие, и народ, и номенклатура.

Отрадное следствие. И отменить его не может никакая идеология. Если же теперь вспомнить утверждения Бензансона о том, что социалистическая экономика – всего лишь фикция, призрак, то нельзя не пожалеть того доверчивого читателя, который ему поверил.

*

Остановимся подробнее на новом феномене. Для этого обратим наше внимание именно на номенклатурщиков и воспользуемся для этого свидетельством скульптора Э. Неизвестного, который неплохо их знал. В особенности тех, кто был близок к семье Хрущева. Скульптору они помогали, чем могли. Благодаря их стараниям он имел заказы от „почтовых ящиков“, как известно, самых богатых предприятий в Советском Союзе. В результате, Э. Неизвестный не только жил припеваючи, но и стал богатым человеком, конечно, по советским стандартам. Я

знаю это из первых рук.

Э. Неизвестный дает интересное описание номенклатурщиков. Номенклатурщиков старых он называет „красненькими“, новых „зелененькими“. „'Красненькие‘, – пишет Неизвестный в своей книге „Говорит Неизвестный“, – как правило, крестьянский тип людей (тип грубого крестьянина, а не ладного аристократического мужика). Хорошие костюмы сидят на них нелепо; пенсне, очки – все как-будто маскарадное, украденное, чужое. Они как-то странно и неестественно откормлены... Эти люди – „красненькие“ в прямом смысле слова. На щеках у них играет утрированный багровый румянец... Плоть, раскормленная сверхкалорийной пищей и не усмиряемая полезной деятельностью, разрослась. Но при этом они не теряют карикатурного достоинства. По всему видно, что они-то и есть начальство“. Иное дело „зелененькие“. Сначала Неизвестный даже не мог их выделить в той „однорожей“ толпе, сытой и антиперсональной, которую он наблюдал, околачиваясь около входа в ЦК в ожидании своего приятеля, тоже, естественно, номенклатурщика. „Но присмотревшись, – пишет он, – ты замечаешь, что часть близнецов обладает большим воображением в жестах и поведении, и уже по одному этому видно, что это какие-то затруханные интеллигенты, которым никак не удается достичь сценического совершенства 'красненьких'. И как ни скрывай, видно, что ты – из университета, из журналистов, из философов, откуда настоящий человек появиться не может... 'Зелененькие' в сравнении с каменной повадкой 'красненьких' – юрки, нервны. И против киновари 'красненьких' они бледноваты, хотя едят ту же пищу; но эта пища не идет им впрок“. В общем, типичные партийные интеллигенты, которые должны угадывать желание „красненьких“ и переводить их мычание в членораздельную речь, но так, „чтобы коллективный мозг признал формулировки своими, как если бы 'красненькие' сами их создали“.

С приходом к власти Горбачева „красненькие“ отошли на задний план, во всяком случае, типичные „краснень-

кие“. Выдвинулись „зелененькие“. Но вождем только „зелененьких“ Горбачева считать нельзя. Он – вождь тех и других. Однако несомненно, ставку Горбачев сделал на „зелененьких“, которые при Брежневе были париями номенклатуры и „ищачили“ на „красненьких“ не покладая рук. Но если всерьез задаться вопросом, несет ли освобождение обществу восстание „зелененьких“, то ответ вряд ли будет положительным. При „зелененьких“ вынужденное балансирование между социализмом и капитализмом приобретает такой мелочный характер, что как бы сразу пропадает вся радость от победы. Идеология ведь остается нетронутой, а это значит, что и разрешается очень немногое. Чуть-чуть частной инициативы, чуть-чуть свободы в выборе руководителей и много свободы в средствах информации, которая пока ничего не дала, ибо „красненькие“ разгадали „гласность“ и эти средства перестали быть такими действенными, как раньше. Если тричетыре года назад фельетон или критическая статья в «Правде» были наравне с директивой, исходящей от ЦК, то сегодня партийная бюрократия заняла круговую оборону, включив „на полную катушку“ бумажную и другую волокиту. Даже в приемной ЦК сегодня можно услышать: „Мало ли что там говорит ваш Горбачев“.

Конечно, нельзя говорить, что „восстание зелененьких“ ничего не дало. **Изменилась к лучшему атмосфера в стране, люди стали свободнее дышать, не боятся думать и высказывать свои мысли вслух.** Вообще, жить стало интереснее, появилась надежда. И уже поэтому можно радоваться приходу Горбачева. Но... кардинально ничего не изменилось – ни в обеспечении народа правами, ни, тем более, материальными благами. В то же время мы знаем (кто от родителей, кто от бабушек и дедушек), что даже в первый год ленинского нэпа чувствовались изменения. Мелкая частная торговля процветала, и уже не было голодных. А еще через год частная предпринимательская инициатива создала совершенно нормальные условия жизни.

Мне могут возразить, что мы сегодня имеем дело с

иной реальностью, народ стал инертным и безынициативным, потерял стимулы. И по этой причине „перестройка“ требует времени и времени. Все это верно, но главная причина не в народе, как таковом, а в том неуловимом на первый взгляд, что осталось незыблемым – в идеологии. И народ это чувствует и соответственно реагирует. Например, в последнее время в стране оживилась деятельность патриотического объединения „Память“, представителей которого даже принимал Б. Ельцын в бытность его первым секретарем МГК КПСС. Но на вопрос представителей „Памяти“ о возможности формальной регистрации объединения, он ответил: „Вокруг вас много спекуляций. Многие вас охаивают. Но вы даете к этому повод близкими к антисоветским высказываниями. Мы рассмотрим вопрос о регистрации, но на истинно патриотической основе“. Совершенно ясно, что под истинно патриотической основой Ельцын понимает советский патриотизм. Не русский, во всяком случае. Так что, если говорить о „перестройке“, то она идет пока только в номенклатуре. И это вполне естественно – к власти пришли „зелененькие“. Но и они ни от каких своих привилегий отказываться не будут. А идеологией „зелененькие“ пропитаны, возможно, еще сильнее и основательнее, чем „красненькие“. Ведь это „зелененькие“ выдумали все последние новшества – и „реальный социализм“, и „развитой“, и „сложившийся“, и то, что социализм труднее строить, чем капитализм. Иначе говоря, идеология сидит у них внутри, они с нею свыклись, ею пропитались, а это куда страшнее, чем политическое ловкчество Ленина. Так что одна теперь надежда – на дефицит и очередь, а еще на социалистический реализм и научный атеизм; опираясь на которые „зелененькие“ строят новый социалистический муравейник. И трудно сказать, сколько еще нужно времени им для того, чтобы понять, что в опоре только на науку и технику, на мелочный рационализм, на Идеологию (даже с большой буквы) нельзя создать достойной человека жизни, какие бы благие цели при этом не преследовались и сколько бы

жертв при этом ни приносилось.

Но одно несомненно: приход „зелененьких“ к власти все же обнадеживает. „Красненькие“ могли только мычать в „правильном“ направлении, да „страшать“, да „не пущать“. Они были безнадежны. Они даже не понимали, куда они идут, а о том, куда ведут, просто никогда и не задумывались, – конечно, к „зияющим вершинам“. „Зелененькие“ тоже умеют и „не пущать“, и „страшать“, но в своих устремлениях они последовательнее, даже быстрее „красненьких“. Конечно, и они плетут идеологическую паутину, запутывая в нее не только народ, но и самих себя, но при этом они в состоянии думать об идеологии (они образованные), а стало быть, рано или поздно могут оценить ее возможности. А это уже дает основание надеяться, что идеология может быть преодолена изнутри, так сказать, своими силами. Впрочем... Жить по-старому уже никак нельзя. Лучшие из „красненьких“ это начали понимать. Такие, как Громыко, например. Они-то и помогли „зелененьким“.

*

Зададимся, вместе с Безансоном, вопросом: обладает ли социалистическая система советского типа каким-либо внутренним стимулом роста? Отвечая на этот вопрос, Безансон пишет: „С самого своего возникновения социализм выступал против совета и призыва Гизо: 'обогащайтесь'. Оказавшись у власти, он приводит не к обогащению, а к обнищанию... Вместо роста мы наблюдаем упадок, вместо расцвета – пустыню. Если социализм овладеет всей планетой, то гибель его неминуема. Когда ему нечего больше завоевывать, он, в конце концов, угасает, как тлеющий костер, в котором все дрова уже превратились в пепел“.

Так ли это? Когда вдумываешься в вопрос и в ответ, то ловишь себя на ощущении, что чего-то весьма существенного Безансон не заметил. Небезызвестное „Радио Ереван“ спрашивают: „Что произойдет в пустыне, если там

построить социализм?“. „Радио Ереван“ на это отвечает: „Сначала ничего не произойдет, а потом обнаружится дефицит песка“. Злая шутка. Но только ли шутка? Зададимся вопросом более прямым: действительно ли без капитализма социализм существовать не может? И действительно ли, распространившись по всему миру, он угаснет, как считает Безансон? Достаточно вспомнить жизнь за „железным занавесом“ при Сталине в Советском Союзе и при Энвере Ходжа в Албании, чтобы усомниться в правоте Безансона. Ведь не с капитализмом в основном боролись за „железным занавесом“, а с „недобитыми меньшинствами“ и троцкистами, с „врагами народа“ всех мастей и разновидностей.

Прав ли Безансон, когда говорит, что если отпадет необходимость „догнать и перегнать“, то социализму нечем будет жить? Верится в такое с трудом. Такой безансоновский социализм меня не очень пугает. Куда страшнее социализм Солженицына, который держится не на социализме как таковом, а на зле, сидящем в человеке. Капитализм, конечно, тоже держится на зле, но он не так опасен для человека и человечества, как социализм, зло которого сильнее, ибо социализм обвиняет зло капитализма, но борется с ним тоже злом – „грабь награбленное“.

Поставим теперь вопрос: действительно ли социализм сознательно паразитирует на капитализме? Прямо ответить на него трудно, потому что и современный социализм, и современный капитализм изменились. Ленин, говоря про веревку, понимал ситуацию однозначно. Социализм должен обманывать капитализм, должен паразитировать на нем, чтобы победить. Но в те времена ведь еще и социализма не было. Ни развитого, ни реального, ни сложившегося – никакого. Да и капитализм был, можно сказать, более „настоящий“. Чего не скажешь про сегодняшнюю ситуацию. Расстояние между двумя мирами сокращается стремительно. И сокращает его современный способ производства, то есть индустриализм, благодаря которому более полутора веков назад родился про-

летариат, а вместе с ним и „призрак коммунизма“. Безансон говорит, что социализм без капитализма немыслим. Но можно сказать, что и капитализму без социализма будет „скучновато“. Это, конечно, шутка, но есть в ней рациональное зерно. Даже в самом начале нашего века, когда капитализм, казалось, достиг наибольшего своего развития (как новый образ жизни), нашлось немало публицистов (Макс Нордау, Освальд Шпенглер), которые писали о конце уставшего западного мира, в основном, европейского. Иначе говоря, капитализм тоже не обеспечивает полноты жизни сам по себе. Вообще, ни одна идеология (а капитализм имеет тоже свою идеологию, идеологию индустриализма) не может обеспечить полноты жизни. Это подвластно только Богу, это обеспечивает только вера человека в Бога.

*

„Если меня спросят, – говорил Солженицын, – хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшний Запад, как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашей страной в этом веке – западная система в ее нынешнем духовно-истощенном виде не представляется заманчивой“. Чтобы убедиться в справедливости этих слов, достаточно вспомнить о религиозном возрождении, которое происходит сегодня в атеистическом Советском Союзе. В то же время, на благополучном Западе религия формализуется настолько, что проповеди становятся либо пустой формальностью, либо превращаются в шоу, выхолающая изнутри. То есть, дистанция между двумя мирами сокращается по всем направлениям. Катастрофа в Чернобыле показала, что мир на самом деле еще теснее, чем мы могли это себе представить.

Но если оба мира действительно сближаются, то неизбежно возникает вопрос: в какую сторону склоняется этот

процесс? И склоняется ли он вообще в чью-то сторону? Однозначный ответ на этот вопрос очевиден: все склоняется в сторону индустриализма. А восточный и западный мир сблизились настолько, насколько сделал их похожими современный способ производства. Однако такой ответ тоже недостаточен, ибо индустриализм при капитализме и социализме не одно и то же. Академик А. Сахаров говорит, что возможна конвергенция. Но если это так, то за чей счет? Ведь если, как пишет Безансон, социализм не может существовать без капитализма, и это известно лидерам социализма, то, следовательно, они не могут быть заинтересованы в гибели капитализма. В то же время известно, что основной постулат социализма – победа его во всем мире.

Сегодня капитализм нужен и Горбачеву, и Дэн Сяопину, потому что они хотят видеть свои страны сильными и процветающими. А без ставки на благополучие своих граждан, серьезных успехов в этом не достигнешь. Но, что будет завтра, никто толком сказать не может. Одно кажется несомненным: и Горбачев, и Дэн Сяопин всецело верят в идеологию социализма, в то, что в неуспехах системы виноват человек, несущий в себе пережитки прошлого, но не система и не идеология. Но если тот же Горбачев, благодаря ряду чисто pragmatических мероприятий (развитие частного сектора хозяйства, предприятия со смешанным капиталом, демократизация общественной жизни и т. д.) даст своей стране благополучие, то оно, возможно, и явится тем лекарством от социализма, которое уже более 70-ти лет ищет разумное человечество. Возникает надежда, что на определенное время идеология все же может быть отодвинута на задний план.

С трудом верится и в обратное – в полную победу капитализма. Ведь не секрет, что так называемый реальный социализм становится очень похожим на госкапитализм. Именно с этим связывает свои надежды Запад, отчасти и Безансон. Однако так ли они реальны?

В свое время министр финансов Александра III, Витте, пустил в ход систему (об этом пишет Безансон) благо-

даря которой Россия приобрела возможность получать от своих союзников кредиты на развитие экономики и укрепление обороны. В системе скрывалась, с одной стороны, угроза шантажа (России со стороны Запада), и, с другой стороны, опасность для союзников России ее банкротства. Однако этого не случилось. Поступление иностранных капиталов способствовало развитию общества и рыночной экономики в России. Социализм сегодня тоже охотно берет кредиты на Западе, но как пишет Безансон, это ведет только к усилению социалистического государства – в ущерб обществу. По простой причине: социализм не боится оказаться банкротом. Но Запад идет на это, потому что, как говорил Киссинджер, с русскими желательно подписывать как можно больше договоров, которые для будущих советских руководителей являются своего рода „капиталовложениями“ в хорошие отношения с Америкой. На самом деле подобные представления – иллюзорны. Не неся никакой ответственности перед обществом, советское государство не рассматривает кредиты как плату за включение в „мировой политический и экономический круговорот“. Тем более, уточняет Безансон, что Запад покупает не активную военную силу СССР, а лишь видимость его хорошего поведения. А это никакой гарантии не дает, в особенности в условиях, когда все определяет не здравый смысл, а идеология. Надежда на возникающие в связи с кредитной политикой новые экономические структуры, обрастающие людьми, связями, денежными обязательствами, институтами и бюрократической техникой и придающие этой политике как бы необратимый характер, – всего лишь надежда. Никакой гарантии в ней самой нет. Идеология и эту политику может легко отменить. В конце концов, идеологии безразлично, на чем паразитировать – на капитализме, буржуазном социализме или первобытном коммунизме. Иначе говоря, создается впечатление, что Безансон подсластил пиллюю. Если и нужен капитализму социализм, то наверное, не вообще, а только на определенном этапе.

В конце своей книги Безансон пишет: „Идея социа-

лизма появилась на свет, чтобы свергнуть благодетельный гнет невидимой руки капитализма, чтобы установить на земле царство свободы, царство чистого разума, торжествующего над слепой необходимостью. Теперь, столетие спустя, когда иная невидимая рука, враждебная, бессмысленная и непостижимая, давит все живое своим еще более тяжким мертвым грузом, мы знаем – это идея социализма, воплотившаяся в жизнь“. Интересные слова, в которых многое пережитой людьми правды, но к сожалению, не вся правда.

Дело не только в том, что слова эти Безансон помещает в маленькой главке, где пишет о сталинской экономике и дает нам понять, что речь здесь не о западном социализме, а именно о социализме русском. Смущает словосочетание: „благодетельный гнет невидимой руки капитализма“ и убеждение, что эта „невидимая рука“ осталась такой же, как и во времена Адама Смита. Характеризуя рыночный обмен, Адам Смит писал о том, что индивидуум, „имеющий в виду лишь собственную выгоду, как бы направляется невидимой рукой и содействует осуществлению цели, которая не входит в его намерения. Более того, преследуя собственные интересы, он зачастую содействует интересам общества более эффективно, чем если бы действительно намеревался бы это сделать. К сожалению, „невидимая рука“ становится все более и более видимой. Капитализм все чаще прибегает к планированию, регулированию цен. Создается впечатление, что в Западной Европе происходит это не без помощи „невидимой руки“ социализма.

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

ЛЕВ

01 АГНИВЦЕВ Н. - „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ - Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ - Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. - Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. - Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. - Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. - Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. - Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. - Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. - Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. - Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. - Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. - Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. - Шаляпин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. - Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. - На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. - За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. - Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. - Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. - Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. - Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. - Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. - Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. - Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. - Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. - Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша - Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша - Румянная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша - Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша - Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. - Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. - Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ - Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

CHOCHOLOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

Юрий Штейн

О судебном процессе в Иерусалиме

В потоке недавних событий, поглотивших внимание читающей публики, промелькнуло одно, о котором стоит напомнить, осветить его трезво, ответственно. И беспристрастно.

В иерусалимском Дворце Наций завершился судебный процесс, длившийся более года, аналогичный по всем статьям памятному процессу Адольфа Эйхмана. То же инкриминируемое обвинение - преступления против еврейского народа и против человечества. Тот же обвинитель - государство Израиль. Тот же состав военного трибунала - трое судей во главе с членом Верховного суда Израиля. Но в отличие от процесса Эйхмана, мельчайшие детали которого чуть ли ни ежедневно заполняли страницы тогдашней прессы, подробности нынешнего процесса скрупулезно дозируются прессой сегодняшней.

Обвиняемый в упомянутых преступлениях - Иван Демьянюк, украинец, бывший автомеханик завода „Форд“ в Кливленде.

Вспомним историю возникновения „дела Демьянюка“.

В 1979 году в министерстве юстиции США был учрежден отдел по расследованию нацистского прошлого американских граждан. В январе следующего года от совет-

ской военно-архивной администрации на адрес отдела пришло из Москвы письмо, в нем – ксерокопия свидетельства об окончании курсов охранников, выданное в 1942 году канцелярией немецкого тренировочного лагеря в Травниках военнопленному Ивану Демьянюку. Свидетельство удостоверено подписью коменданта лагеря Франца Штрайбля.

К моменту получения упомянутой ксерокопии в отделе имелось уже досье, переданное из иммиграционного ведомства, где указывалось, что Демьянюк был опознан по фотографии в израильской полиции г. Яффы тремя бывшими узниками Треблинки как истязатель, прислужник газовых камер, снискавший в лагере кличку „Иван Грозный“.

Расследование обнаружило, что при подаче прошения о въездной визе в США Иван Демьянюк скрыл факты службы в советской армии, плена в мае 1942 года и дальнейшего своего пребывания в немецких концлагерях. Сокрытие этих биографических данных Демьянюк мотивировал следующим: как бывший советский военнопленный, он опасался быть выданным администрацией лагеря перемещенных лиц, где тогда находился, карателям КГБ. Версия сама по себе правдоподобна. Многие бывшие советские граждане, оказавшись к концу войны на оккупированной территории, поступили подобным образом. Если еще и учесть, что к моменту прихода союзников Демьянюк служил уже в армии Власова, то его опасения можно понять как достаточно основательные.

Обвинение в сотрудничестве с лагерной охранкой и какое-либо отношение к упоминаемому следствием садисту Треблинки „Ивану Грозному“ Демьянюк категорически отрицал. Отрицал он и факт самого пребывания когда-либо в Треблинке. Кстати, документального подтверждения этого факта органы следствия США и Израиля не разыскали и до сих пор.

Но – ход делу был дан. И в феврале 1981 года Иван Демьянюк привлечен был к суду в Кливленде.

Обвинение выставило ряд свидетелей, бывших узников

Треблинки, опознавших, как они утверждали, в 60-летнем Демьянюке того самого „Ивана Грозного“, который, по их словам, приводил в действие дизельный мотор газовой камеры, штыком заталкивал туда заключенных, а то и собственноручно приканчивал.

Надо сказать, что к тому уже времени от добровольных расследователей преступлений нацистов поступали сигналы, свидетельствовавшие о том, что садист, известный в Треблинке по кличке „Иван Грозный“, был убит восставшими в лагере заключенными в 1943 году. Трое уцелевших узников, проживающих в Польше, на фотографии Демьянюка не увидели сходства с „Иваном Грозным“, облик которого запечатлся в их памяти. Они уверяли, что знали „Ивана Грозного“, были очевидцами учиненной над ним солагерниками расправы и выразили готовность выступить на суде свидетелями защиты. Правительство Ярузельского отказалось им в визе на поездку в Кливленд.

В июне 1981 года суд в Кливленде вынес решение лишить Демьянюка американского гражданства и выслать за пределы США.

В феврале 1986 года решение суда в Кливленде было утверждено американским Верховным судом. А еще до того, в ноябре 1983 года, когда приговор кливлендского суда рассматривался апелляционными инстанциями, правительство Израиля обратилось в министерство юстиции США с просьбой выдать Демьянюка израильскому правосудию на основании соглашения о выдаче нацистских преступников. На этот раз, вдохновленное решением Верховного суда, министерство юстиции США откликнулось на просьбу Израиля. И в марте 1986 года выдача Демьянюка состоялась. В аэропорту Бен-Гуриона израильский полицейский, по установившейся традиции, вместо снятых американских наручников, надел ему свои, отечественного производства. И препроводил в тюремную камеру.

Спустя год, в феврале 1987 года, Иван Демьянюк предстал на судебном процессе в Иерусалиме, обвиняемый в преступлениях, караемых смертной казнью.

Так уж случилось, видимо, не было интереса у прессы или притупилось чувство ответственности, но сведения об этом процессе просачивались на страницы печати не часто, и малыми дозами. Четкую картину происходящего представить себе по отрывочным данным трудно. Но и в разрозненных сообщениях прослеживается пренебрежение со стороны коллегии судей элементарными правилами ведения судебного действия. Некоторые детали процесса – метод допроса и подбор свидетелей обвинения, взаимоотношения суда и защиты, экспертные критерии оценки документации – не могут не вызвать у наблюдателя по меньшей мере недоумения.

Проследим ход судебного разбирательства на материале беглых отчетов из зала суда, появлявшихся время от времени на страницах американской, в том числе русскоязычной, прессы.

Среди трех ключевых свидетелей, представленных обвинением, – бывший узник Треблики Элиягу Розенберг. Он стоял у истоков „дела Демьянюка“. Он первым, в 1977 году, опознал палача „Ивана Грозного“ на предъявленной ему иммиграционным ведомством фотографии Демьянюка. Многое ранее, в 1947 году, тот же Розенберг заявил под присягой расследователям злодеяний в Треблинке, что палач „Иван Грозный“ был убит заключенными во время лагерного восстания в 1943 году. На процессе в Иерусалиме Розенберг повторил показания, данные иммиграционному ведомству.

Другой ключевой свидетель обвинения, бывший узник Треблинки 88-летний Иосиф Чарный, из-за почтенного возраста не смог дать суду сколько-нибудь вразумительных показаний, и после того как стал путать места своего недавнего проживания и даже свой нынешний адрес, прокурор согласился прекратить допрос.

Третий ключевой свидетель, бывший узник Треблинки Пинхас Эпштейн, из Петах-Тиквы, уверенно подтвердил версию обвинения, что сидящий на скамье подсудимых Иван Демьянюк и есть тот самый садист из Треблинки „Иван Грозный“. Правда, эта его уверенность, удосто-

веряющая, через четыре с половиной десятилетия, идентичность личности нынешнего подсудимого и встреченного в годы далекой молодости лагерного садиста несколько озадачивает.

Всего, как было объявлено, обвиняемого опознали в суде пять свидетелей, в их число оказался включенным и упомянутый Иосиф Чарный. Далее сообщалось, что прокуратура продолжит допрос свидетелей обвинения в Германии. И нить сообщений на какое-то время прервалась. Были ли, не были допросы в Германии, неясно. А любопытно. Среди обещанных свидетелей обвинения фигурировал бывший эсэсовец, служивший в Треблинке и осужденный впоследствии судом ФРГ как военный преступник.

На волне сегодняшней гласности правительство Ярузельского разрешило выпустить на процесс трех бывших узников Треблинки, заявивших себя очевидцами казни „Ивана Грозного“ и пытавшихся выступить свидетелями защиты еще на суде в Кливленде. Выехало, как стало известно, двое – Евгений Самуэль и Юзеф Вуек. О их появлении на процессе сообщений не было.

Атмосфера, царившая в зале суда, была накаленной, пристрастной. Это особо отметил в отчете о своем выступлении на процессе английский военный историк Николай Толстой. Говорилось о том же и в сообщениях из Иерусалима информационного агентства ЮПИ. Корреспондент ЮПИ Дэвид Мулд писал, что судьи часто прерывают защитников, не дают им задавать вопросы свидетелям обвинения, а тем, в свою очередь, отвечать на вопросы защиты. Адвокат Марк О'Коннор, возглавлявший до недавнего времени защиту Демьянюка, оповестил суд о том, что следователь Алекс Иш-Шалом угрожает его подзащитному, в камере Демьянюка круглосуточно горит свет, камера не отапливается. „Все это следовательская техника, которую используют во всем мире“ – ответил О'Коннору судья Дов Левин.

В американском суде подобная „техника“, будучи обнародованной, привела бы к немедленному прекращению

дела и к столь же немедленному освобождению подсудимого из-под стражи.

Полицейский инспектор Арье Каплан, киевлянин, недавний эмигрант из СССР, говорящий свободно по-украински, был подсажен „насадкой“ в камеру Демьянюка. Выступая в качестве свидетеля обвинения, Каплан доложил суду, что Иван Демьянюк в разговорах с ним допускал оскорбительные выражения насчет евреев. Большего откровения из своего доверительного общения с соседом по камере Каплан не извлек.

Адвокат Марк О'Коннор не раз обращался к Верховному суду Израиля с жалобой на предвзятость судей.

Но все же решающим, головным доказательством виновности Демьянюка оставалось свидетельство об окончании курсов охранников, полученное из СССР и охарактеризованное защитой как фальшивка, изготовленная в КГБ. Защита отказалась рассматривать документ в ксерокопии. По запросу судебных властей Израиля из Москвы был доставлен оригинал документа. И доставил не кто-нибудь, а Арманд Хаммер, известный своими давними агентурными связями не только с нынешней госбезопасностью, а начиная еще с Чека. Так именно и утверждается в заявлении по этому поводу протесте защиты.

Экспертное исследование оригинала было поручено Амнуону Базалели, возглавляющему лабораторию документации управления полиции Израиля. Он и представил суду доказательства подлинности документа: напечатано на машинке немецкого производства 30-х годов; бумага, использованная для свидетельства, применялась в Германии в 40-е годы. На вопросы защиты об аутентичности подписей на документе эксперт Базалели ответить не смог.

Старший из судей, член Верховного суда Израиля Дов Левин считал результат экспертизы достаточно обоснованным. И суд приобщил документ к делу как вещественное доказательство.

Защита отказалась признать доводы экспертизы достаточными для подтверждения подлинности оригинала и

пригласила со своей стороны двух видных американских экспертов.

Эдна Робертсон, одна из десяти ведущих графологов США, исследовав документ, пришла к заключению, что он фальшивый. Подпись Демьянюка подделана. Фотография смешена, что говорит о ее чужеродности на данном бланке свидетельства. Г-жа Робертсон не признала подлинной и подпись коменданта лагеря Штрайбля, так как усматривает расхождение с образцом его подписи, полученным из архива в Берлине. Но судья Дов Левин, ссылаясь на то, что эксперт Робертсон, будучи графологом, не является в то же время специалистом-химиком, способным произвести физико-химический анализ чернил, расценил ее экспертизу как профессионально некомпетентную.

Анита Причард, специалистка по видеосканирующему анализу документов, из Хьюстона, штат Техас, тоже не признала оригинал подлинным. Фото Демьянюка подделано, и по ее мнению. Скомпановано из двух фотографий при помощи световой ретуши. Но с г-жой Причард, в ходе двух ее в суде появлений, произошла, судя по сообщениям в прессе, трудно объяснимая метаморфоза. На втором заседании Анита Причард фактически зачеркнула все те выводы экспертизы, которые отстаивала на первом, согласившись к тому же и с замечанием судей о своей полной профессиональной несостоятельности.

Через несколько дней после этого ее признания иерусалимская полиция сообщила о совершенной 40-летней американкой г-жой Причард попытке самоубийства. Адвокаты Демьянюка застали ее в гостиничном номере перерезавшей вены и заглотавшей целый флакон болеутоляющих таблеток. Нежданные посетители, видимо, и привели ее в чувство.

В комментариях на это событие высказывалось предположение, что поводом к попытке самоубийства Аниты Причард послужило то обстоятельство, что своим профессионально беспомощным анализом документа она дисквалифицировала себя как эксперт. Все может быть.

Но вот в ноябре прошлого года защита Демьянюка пригласила исследовать документ профессора лондонского университета Джулиуса Гранта, всемирно известного эксперта-криминалиста. Именно он несколько лет назад дал заключение о подделке „дневников Гитлера“, опубликованных как подлинные немецким журналом «Штерн». Его профессиональная компетентность вне подозрений.

И Джулиус Грант, исследовав документ, пришел к выводу, что он фальшивый. „Фотография на свидетельстве заменена. Подпись Демьянюка подделана“, — таков оказался диагноз эксперта.

Но экспертиза суда, представленная Базалели, осталась непоколебленной. 18 апреля в Иерусалиме было объявлено решение судей: Иван Демьянюк признан виновным по всем пунктам предъявленного обвинения.

Ему угрожает теперь реально смертная казнь.

Непредвзятый анализ судебного разбирательства „дела Демьянюка“ показывает, со всей очевидностью, что вина обвиняемого не доказана.

На карту поставлена жизнь человека. И сейчас, на стадии обжалования приговора, еще есть какое-то время, еще остается возможность уберечь осужденного от эмоционально пристрастного, волевого решения.

Вл. Степанов (Русак)

Главы из книги *

РЕКВИЗИЦИЯ МОНАСТЫРЕЙ

Вскоре после издания декрета от 20 января 1918 года, большевики приступили к повсеместной конфискации монастырских имуществ и „национализации“ самих монастырей. Эта акция на деле вылилась в разбойничий поход против монастырей.

На начало 1918-го года в России было 1.253 монастыря. Сюда входили, кроме собственно монастырей, архиерейские дома (82), подворья (50), мелкие скиты (75).

Специального декрета об упразднении монастырей советская власть не принимала. Планомерное осуществление этой цели началось задолго до издания декрета об отделении, а наиболее интенсивно происходило в 1918-1919-ом годах.

По поводу закрытия монастырей и монастырских храмов прекрасные слова написал в то время член Собора проф. Н. Д. Кузнцов.

---

* Владимир Степанов (Русак) „**Свидетельство обвинения**“, часть I. Multilingual Typesetting, Valley Cottage, N. Y. 10989, 1987, ISBN 0-9616413-2-0.

„Монастыри начали возникать в России вскоре после ее крещения и существуют уже 1000 лет. По отчету обер-прокурора св. Синода за 1914 год в России находилось 550 мужских и 475 женских монастырей. Многие из них, как например, Соловецкий, Валаамский, Лавра Киево-Печерская, Троице-Сергиева и Почаевская, приобрели известность и за пределами России. Что же, все они обязаны своим вековым существованием полной их ненужности для народа и стремлением монахов собирать с народа деньги? Неужели же русский народ настолько глуп, что в течение 1000 лет не мог понять всего этого и может сделать это только теперь с появлением в России людей, назвавших себя народными комиссарами?..

Кто способен думать о целой России и о себе самом не под влиянием затуманивающей ум классовой ненависти и алчности, тот, хотя бы он был малообразован, должен понимать, что вопрос о таких вековых явлениях, как монастыри, не только легкомысленно, но и преступно решать с плеча, слушая лишь людей, наполненных враждой и злобой к монастырям.

Каждый благоразумный человек, особенно призванный к государственной деятельности и строительству, обязан по всем таким вопросам обращаться к истории и спросить: что свидетельствует она?“

А свидетельствует она не в пользу большевиков. У цитированного автора и у многих других, назовем историка В. О. Ключевского, есть глубокие, научные, монументальные работы о неоценимом общественном значении монастырей России. Большевикам до этого дела нет. Закрывали и уничтожали все церковное.

Начиналось с национализации монастырских имуществ.

В связи с национализацией монастырских имуществ весьма примечательный запрос в ноябре 1918-го года поступил из Ярославля. Местный отдел по ликвидации церковных и монастырских имуществ запрашивал Наркомюст, может ли он (отдел) самостоятельно производить обыски в храмах, а также в кельях монастырей „на предмет поисков благородных металлов“? Наркомюст на этот

вопрос ответил утвердительно.

Судьба монастырей, этих „нелепых и уродливых анахронизмов“, как и в случае с храмами, полностью зависела от усмотрения местной власти.

Монастырские храмы с самого начала подлежали ликвидации на общих основаниях. Некоторые губадотделы („губернские административные отделы“) вообще приравнивали монастырские храмы к домовым, что значительно ухудшало их перспективы на будущее.

И все же, в течение 1918-го года национализация монастырских имуществ, как в центре, так и на периферии Советской России, происходила медленно.

К концу года поступили сведения лишь из некоторых губерний, в том числе из Костромской, где национализация монастырских имуществ началась за несколько месяцев до издания инструкции НКЮ от 14-го августа 1918-го года и даже до издания декрета 20-го января.

Якобы в целях „упорядочения церковных дел“ и осуществления национализации церковных и монастырских имуществ (скорее всего ради именно этой цели) во многих губерниях в то время была учреждена должность „комиссара по монастырям“.

Они несли явные военно-диктаторские функции, во избежание „антисоветских“ выступлений монашествующих. Осуществляли контроль хозяйственной жизни монастыря, подписывали приходные и расходные хозяйственны документы; визировали заявки на поставку дров, разрешения на отпуск церковной утвари из ризниц монастырей во временное пользование в других близлежащих приходских храмах; следили за движением монастырского населения, за распределением жилой площади и т. д.

Словом, „комиссар был полномочным представителем советской власти в монастыре, осуществлявшей административный и политический надзор за бытом и деятельностью монастырского населения“. т. е. фактически руководил всеми сторонами монастырской жизни.

Это явное и беспардонное вмешательство и регламен-

тация советской властью церковной жизни продолжалось, к счастью, не так уж долго. Институт „монастырских комиссаров“ не получил широкого распространения, хотя по мнению советских историков, он сыграл положительную роль.

В силу ряда обстоятельств национализация монастырских имуществ растянулась на несколько лет и завершилась в основном только в 1921-ом году, хотя первоначально исходили из того, что ее можно осуществить в течение нескольких месяцев.

В 1918-ом году национализация церковных имуществ была проведена лишь в нескольких губерниях.

Обеспокоенный этим, VIII Отдел НКЮ в декабре 1918-го года напомнил губисполкомам, что в инструкции по проведению в жизнь декрета предписывалось провести национализацию церковных (в том числе и монастырских) имуществ в двухмесячный срок со дня опубликования инструкции (30-го августа 1918-го года), а между тем от большинства губисполкомов на то время не поступило никаких сведений о „проведении этой акции“.

Подогретая директивой центральной власти, местная власть закатала рукава.

Начало 1919 года. Калужский отдел юстиции сообщил, что из всех 16 находящихся в пределах губернии монастырей и общин монахи и монахини выселены.

Курский отдел юстиции также сообщил, что монахи и монахини постепенно выселяются из занимаемых ими помещений.

Монастырское имущество передавалось учреждениям просвещения, здравоохранения, социального обеспечения. Трудоспособных монахов зачисляли в „трудовые формирования“, нетрудоспособных – в дома призрения.

Пермский губисполком дошел в своей ревности до того, что на полном серьезе запросил VIII Отдел НКЮ: „Должен ли в дальнейшем существовать монашеский институт?“ (Если нет – выполним!).

В Москве из большей части монастырей монахи были выселены к середине 1920-го года.

По решению Моссовета все бывшие монастырские помещения должны были поступить исключительно в пользование Отдела народного образования.

Но на практике монастыри использовались для самых различных нужд; общежительные корпуса занимались, как правило, под учреждения, „имеющие общеполезное значение“.

В богатейшем Спасо-Андрониевском монастыре, например, были устроены пролетарские квартиры для рабочих Рогожско-Самсоновского района. Новоспасский монастырь превращен в концентрационный лагерь. Страстной монастырь был занят Военным комиссариатом, в Кремлевском Чудовом монастыре разместился кооператив „Коммунист“.

Была закрыта (за „активную контрреволюционную деятельность“) Троице-Сергиева Лавра в Сергиевом Посаде, который переименовали в Загорск.

В общей сложности к концу 1920-го года – началу 1921-го года по сведениям VIII Отдела НКЮ, в Советской республике было ликвидировано 673 монастыря, в 1921-ом году – еще 49, т. е. всего – 722 монастыря. Монахи большей частью из всех монастырей были выселены.

В большинстве из них, несмотря на распоряжение, обязывающее использовать монастыри исключительно для нужд народного образования, расположились советские (в 287) и военные учреждения (в 188).

Национализация монастырских имуществ и ликвидация монастырей признается советской прессой (иногда), как „сложный и во многом драматический процесс“.

Национализация монастырских имуществ и ликвидация монастырей, скажем мы, – одна из самых жутких, кровавых и антихристианских акций.

Большевики не гнушались никакими мерами. Кощунство, наглость, алчность и насилие – всегда были орудием революционеров. Здесь они нашли себе полное применение и выражение.

В целях выживания в таких условиях монастырям необходимо было найти новую форму существования. Нена-

долго она была найдена. Это – „монастырские коммуны“.

Многие монастыри в начале 20-х годов пытались противостоять процессу „социализации“, реорганизуя свои общини в трудовые коммуны на общих со всеми основаниях.

Пункт первый Крестьянского наказа (декрета о земле) предоставлял монашествующим возможность заниматься сельскохозяйственным производством на монастырских землях, конфискованных в пользу государства.

Основной закон о „социализации“ земли (19-го февраля 1918-го года) давал возможность монастырям сохранять монастырские хозяйства путем перехода на устав сельскохозяйственной артели.

В статье 4 подчеркивалось, что право пользования землей не может быть ограничено: ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством. Поэтому, если церковный притч или монастырская братия выражали желание обрабатывать землю личным трудом, то им предоставлялся надел на общих с другими гражданами основаниях или оставлялась в пользование часть церковной или монастырской земли.

Еще в 1918-1919 гг. земотделы получили массовые ходатайства монастырского населения с просьбой признать за монастырскими общинами право юридического лица, о регистрации их как организации земледельцев, с правом получать субсидии, землю, постройки и т. д., наряду со светскими, крестьянскими союзами.

Необходимо отметить, что монастырствующее население искони жило коллективно. Монастырский быт – это коллективный быт. Монастырские уставы предписывали монашествующим трудолюбие, коллективный труд и коллективное потребление. Это был осуществленный христианский социализм.

Монастырские хозяйства были образцовыми и показательными. Никитский монастырь в Тульской губернии, преобразованный в 1919-ом году в трудовую артель, в 1921-ом году решением Тульского губисполкома был ликвидирован. Насельники монастыря обратились во ВЦИК с

жалобой. Проверкой было установлено, что „артель зарекомендовала себя вполне трудоспособным деятельным коллективом“. Комиссия ВЦИК 27-го ноября 1921-го года отменила решение губисполкома о ликвидации артели, т. е. удовлетворила просьбу насельников о предоставлении им прав трудового коллектива.

Аналогичный случай произошел в Богородице-Владимирской женской пустыни в Крапивенском уезде той же губернии. Комиссия ВЦИК признала хозяйство артели образцовым. Решение губисполкома было отменено. В определении комиссии отмечалось также, что все обязанности перед государством эта артель выполняет своевременно и полностью.

В Костромской губернии, по данным на февраль 1921-го года, действовали еще 22 монастыря, правда, на урезанной экономической базе.

Приблизительно такое же положение было и в Симбирске, где некоторое время существовал свой „Совнарком“. Здесь не особенно спешили с национализацией монастырских имуществ, с осуществлением декрета об отделении Церкви от государства.

В редких случаях относились к существованию монастырских и приходских общин по-человечески. Но такие случаи все же были.

В Ярославле, например, местный губисполком еще до известного „контрреволюционного“ мятежа разослал по уездам директиву о привлечении монахов и монахинь на службу в отделах Совдепов по проведению в жизнь декрета от 20-го января 1918-го года. Затем – мятеж, национализация монастырских имуществ в Ярославской губернии на первых порах вообще не проводилась.

„Народный комиссариат по национальным и религиозным делам“, организованный в „Калужской Республике“, тоже проводил довольно здоровую политику в вопросе национализации монастырских имуществ. Это, конечно, не могло понравиться ортодоксальным большевикам.

А уж случай в Рязанской губернии, где сельский совет

села Горлово на заседании 8-го февраля 1919-го года постановил полным составом войти в приходской совет местной церкви, вообще не укладывался в их умах.

Осуждению со стороны центральной большевистской власти подверглась и позиция Троице-Рославльского волостного исполкома (Моршанского уезда Тамбовской губернии), который постановил оставить метрические книги у духовенства.

Не получила одобрения и тактика Костромского горисполкома, который допускал духовенство в комиссию по охране памятников искусства и старины. VIII Отдел НКЮ „разъяснил“ костромчанам, что „при создании комиссий по охране памятников искусства и старины на местах не следует привлекать церковников“.

С самого начала социализации монастырей была принята принципиальная установка – последовательно и настойчиво ликвидировать монастырские общинны.

30-го октября 1919-го года Наркомзем и Наркомюст дали соответствующие указания в форме циркуляра земотделам. Предлагалось строго отличать объединения хозяйствственные от религиозных организаций, имеющих богослужебные цели, отказывать в регистрации производственных и вообще хозяйственных объединений из монашествующих, лишать их права надела инвентарем и землей. Устанавливалось, что членами коммун, трудовых артелей и товариществ монахи и священнослужители, как лишенные избирательных прав, быть не могли. В состав трудовых объединений могли входить только послушники.

В резолюции „Об отделении Церкви от государства“ III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции (июнь 1920-го года) признавалось „недопустимым и противоречащим интересам революции предоставление религиозным коллективам особых прав и привилегий“ (прав земледельческих коммун, производственных коммун).

В конце 20-х годов центральные и областные газеты еще сообщали иногда о монастырских делах, „напоминая читателям, что этот реликтовый институт

(разрядка наша – В. С.) в стране еще существует”.

Так, в июне 1928-го года «Правда» опубликовала статью, посвященную монастырским колхозам. В ней сообщалось, что монастырские колхозы существуют и, в частности, в Тверской губернии они пользовались всеми льготами, наравне с остальными колхозами.

Наркомзем РСФСР, в связи с этим, разъяснил, противореча всем принятым до этого постановлениям и многолетней практике, что в советских законах не содержится каких-либо изъятий для монастырских колхозов, что они должны иметь ту же поддержку со стороны земельных органов, что и все прочие колхозы.

Однако, в период осуществления массовой коллективизации судьба монастырей и монастырских трудовых артелей в нашей стране была окончательно решена, как всех „социальных институтов, чуждых социалистическому образу жизни“.

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Начало 20-х годов. „Смутное время“, гражданская война, заплесневелый хлеб, уличные самосуды, расстреляны, – характеристика того времени.

Эпоха бесконечных голодных очередей, „хвостов“ перед пустыми „продовольственными распределителями“, эра гнилой промерзшей падали, заплесневелых хлебных корок и несъедобных суррогатов. Французы, пережившие четырехлетнюю нацистскую оккупацию, привыкли говорить о ней, как о годах голода и нехваток. Ю. Анненков, свидетель положения в гражданскую войну в России, прожил немецкую оккупацию в Париже. И вот что он пишет: „Немного меньше одних продуктов, несколько худшее качество других, поддельное, но все же ароматное кофе, чуть сокращенная электрическая энергия, чуть

сокращенное пользование газом. Никто не умирал на обледенелых тротуарах от голода, никто не рвал на части пальм лошадей, никто не ел ни собак, ни кошек, ни крыс“.

А Виктор Шкловский, убежденный защитник футуризма и вообще формализма в искусстве, обнищавший в годы гражданской войны, с красным от холода носом, с распухшими от голода веками, в статье „Петербург в блокаде“ изобразил страшную картину умиравшего от голода города.

Наиболее сильно страдали от голода районы Поволжья. В этих условиях советская власть пошла на удивительный шахматный ход, решив разом „убить двух зайцев“: накормить голодающих и подрубить жизненную основу Церкви.

Началась особая страница нашей печальной церковной истории – изъятие церковных ценностей. Это была вторая волна изъятия. Первая прокатилась в предыдущем, 1921-ом году, так сказать, „неофициально“.

Еще 27-го декабря 1921-го года был издан декрет, которым изымались ценности, находящиеся в церквях и монастырях. Это „законодательное беззаконие“ явилось развитием произвола основного „церковного“ декрета – об отделении Церкви от государства.

Первым декретом церковные ценности, церковное достояние было „национализировано“, вторым – изъято. Железная логика и завидная последовательность.

Фактически же, церковное имущество еще до выхода обоих декретов конфисковывалось властью на местах и продавалось в целях наживы тем же группам верующих, у которых оно было отнято.

Советские историки создали очень простую и внешне убедительную схему: советское правительство, мол, обратилось к Патриарху Тихону с просьбой передать часть церковных ценностей в фонд помочи голодающим Поволжья. Заметим здесь, потому что это ключевой факт: такого обращения правительства к Патриарху не было!!!

И после этого – поворот: „Русская Православная Цер-

ковь устами Патриарха Тихона отказалась помочь тысячам людей, умирающим от голода в Поволжье“. Вот схема атеистов, рассчитанная на невежественные умы, но к несчастью захватившая и многих более подготовленных.

Русская Церковь, которая на протяжении всей многовековой истории русского народа всегда была поддержкой и прибежищем для него, и она отказалась помочь своему народу, который составлял ее и судьбы которого были основой и целью бытия Русской Церкви? Она отказалась?

Необъяснимо, но нашлись люди, которые поверили даже в эту гнуснейшую ложь и нелепейшее и абсурднейшее утверждение.

Патриарх Тихон еще осенью 1921-го года – до декабрьского декрета – выпустил специальное воззвание к верующим, призывая их к пожертвованиям в помощь голодающим, а духовенство – к содействию этому. В короткий срок было собрано около 9 миллионов рублей. И этот процесс своим естественным ходом должен был ускользнуть в дальнейшем.

Однако такое положение вещей большевиков не устраивало. Они не хотели ждать „милостей от природы“. Взять их у нее – вот задача большевиков. И они пошли этим, „активным“ путем. Один декрет (в декабре), второй 23-го февраля 1922-го года. Вопрос о церковных ценностях уже был поставлен и решен на самом высоком правительственном уровне. Добровольной помощи Церкви большевики не захотели. И вот здесь-то и начинаются сложности.

Окончилась межклассовая гражданская война, началась гражданская война с Церковью. Люди в кожаных куртках шли в храмы, чтобы силой изъять золотые и серебряные вещи, украшенные драгоценными каменьями церковные сосуды. Возбужденная, иногда до фанатичности настроенная, церковно-народная толпа бросилась на защиту этих ценностей.

Звон набата, вопли женщин, гул толпы, нередко глухие удары – таков был аккомпанемент изъятия церковных

ценностей из храмов.

И Патриарх Тихон, который в специальном послании по поводу февральского декрета допускал возможность приходским советам использовать драгоценные вещи, не имеющие сакрального значения, для нужд страны и народа (подвески, цепи, браслеты, ожерелья, золотые и серебряные оклады икон и др.), Патриарх Тихон, который только что сам призывал к пожертвованиям, видя как насилиственно отнимается у Церкви ее священное достояние, как святотатственно совершалось то, что Церковь обязана, могла и хотела сделать сама, 28-го февраля, т. е. буквально вслед за декретом об изъятии, издал новое послание, другого характера. В нем он уже призвал к защите церковного достояния.

С аналогичным призывом обратился Московский архиепископ Никандр. Благочинным московской епархии он дал распоряжение: „Ценностей не отдавать, в комиссию по изъятию своих представителей не выбирать, в случае прибытия представителей советской власти для изъятия, явиться всем незанятым членам общины для отстаивания церковного имущества“.

Начались столкновения между мирянами, прихожанами и комиссиями по изъятию. Едва показывались „представители власти“, как собирались толпы народа с явно „недоброжелательным“ настроением. Пассивное сопротивление стало выливаться в более активную форму. Столкновения принимали физический характер, появились жертвы со стороны верующих, случалось, что и некоторые члены комиссии по изъятию подвергались насилию, были случаи их убийства.

Возле храмов стали собираться возбужденные толпы верующих, встречавших представителей власти враждебными криками и угрозами. Все чаще доходило до кровавых эксцессов.

По признанию официальной прессы, в связи с изъятием церковных ценностей, в России произошло 1414 кровавых эксцессов. Большая часть из них приходится на март 1922-го года.

Почти полторы тысячи кровавых эксцессов, десятки тысяч человеческих жизней. Таков итог насилиственного изъятия советской властью церковных ценностей.

Масштабы сопротивления были грандиозными. Но о чём говорит этот факт?

Говорят он против советской власти, а не против Церкви. Действия Патриарха Тихона в тех условиях вполне понятны и были достойны всякого одобрения и поддержки. Просто невозможно представить, чтобы Патриарх, ответственный за судьбы и состояние Церкви, поступил в подобных условиях иначе.

Ведь сопротивление – это естественная (можно сказать инстинктивная) реакция на насилие. Иными словами, если нет сопротивления, то не может быть и насилия. Вернее так: если насилие не встречает сопротивления, то оно не может квалифицироваться как насилие. А организм, который не оказывает сопротивления насилию, в таком случае, большой организм (любой: в том числе и Церковь).

Известный Бонч-Бруевич задает в связи с этим вопрос: „Как это можно произвести по всей России почти одновременно 1414 кровавых эксцессов, подстрекателями которых были приходские батюшки, если бы само духовенство не сочувствовало контрреволюционной работе?“

Мы же поставим более естественный и более логичный вопрос: как могли произойти 1414 кровавых эксцессов, если бы сам народ не был против осуществления декрета об изъятии церковных ценностей?

Возмущение народа действительно было велико. Возмущение и зъят и е м. Но в работах советских историков это возмущение превращается в возмущение трудящихся масс против Церкви. Согласно им, и многочисленные судебные процессы над активными участниками и организаторами сопротивления изъятию церковных ценностей состоялись „по требованию“ того же народа.

Для справки: всего по республике было организовано около 250 судебных дел по поводу сопротивления изъятию. И между прочим, из числа всех, привлеченных к

ответственности и расстрелянных, священнослужители составляли только третью часть. А уж надо думать, что советская власть не преминула воспользоваться подходящим случаем и „пустить в расход“ как можно больше „попов“. Таким образом, сопротивление властям в изъятии церковных ценностей оказывал сам народ. И вот почему:

Во-первых, потому, что государство начало свои мероприятия по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим Поволжья не с той стороны. Собственно, само название „изъятие“ говорит не в пользу государства. Почему „изъятие“, а не „призыв к пожертвованию“? Почему не создали особую комиссию по учету церковных ценностей и распределению хлеба, купленного на них, в которую на равных началах входили бы и церковные представители?

Скажут: „Церковь никогда не рассталась бы с этими ценностями“. Чепуха! А пробовало государство обратиться к Церкви за помощью? Нет, ни разу. Оно сразу начало с изъятия. Почему в Церкви, которая из народа и которая для народа, надо видеть не союзника, а врага народа?

Лилась кровь этого самого народа, во имя которого, якобы, и совершалось насилие.

Во-вторых. Простим государству его демоническую ненависть к Церкви и его нежелание идти с Церковью на компромисс, даже во имя народа. Изъятие, так изъятие. Пусть не „мы даем...“, а у „нас взяли“... Был бы сыт народ Поволжья. Так не смирился православный народ. Почему?

Очевидец событий епископ Антонин Грановский (не какой-то, с позволения сказать, историк, который спустя много лет конструирует идеи и факты истории) в свое время подчеркнул, что эта правительственная мера не вызывает (мягко говоря) сочувствия у православных масс не потому, что верующие не хотели помочь правительству в борьбе с голодом или отдать эти ценности запрещала им их религиозная совесть, а единственно и исключительно потому, что у этих масс нет

решительно никакого доверия к лозунгу, под которым проводилась эта мера. Верующие тревожились, что церковные ценности могут пойти на иные, чужды их сердцам цели.

Это были совершенно справедливые опасения. Как показали дальнейшие события, к комиссии по изъятию церковных ценностей примазались уголовники, коррупционные элементы, о чем достаточно выразительно говорят такие судебные процессы, как процесс Павлицкого, контролера Госхрана, изымавшего церковные ценности в Рогожско-Семеновском районе. Церковные ценности потекли на черный рынок. Наживали миллионы. В Москве. А что говорить о провинции?

Покажите нам хотя бы один документ, согласно которому на такие-то и такие-то церковные вещи было приобретено столько-то и столько-то пудов хлеба за границей, которые были отправлены голодающим Поволжья. Во всю мочь кричали (и до сих пор кричат) советские идеологи о том, что церковные ценности изымались в пользу голодающих, но ни в одной работе за все годы советской власти ни один документ об этом опубликован не был.

В связи с изъятием из церквей ценностей в пользу голодающим верующим было предоставлено право выкупа некоторых предметов, подлежащих изъятию. Такие случаи возникали. Отдел управления Новгородского губисполкома, например, 16-го мая 1922-го года обратился в V Отдел за разъяснением:

„В настоящее время по губернии насчитывается несколько случаев выкупа верующими, группами и единолично, предметов, подлежащих изъятию, и многими из них возбужден вопрос о том, чтобы имущество (т. е. то, за которое дан выкуп) не было занесено в опись имущества, сданного коллективу верующих по договору в бесплатное и бессрочное пользование по мотивам, что имущество это (выкупленное) составляет теперь собственность не Республики, а частных лиц“.

Как быть? – V Отдел разъяснил, что „взнос эквивалента при изъятии ценностей из храма не создает права собст-

венности на вещи, оставленные в пользование группы в данном храме (разрядка наша – В. С.). При ликвидации храма судьба вещей определяется в общем порядке ликвидации“.

Человек с нормальным образом мышления, исходя из того общепризнанного факта, что сопротивление изъятию церковных ценностей носило массовый повсеместный характер и исходило как раз со стороны православного верующего народа, что также бесспорно, придет к выводу, что политика изъятия не то чтобы не имела поддержки в широких народных массах, но встречала сопротивление с их стороны.

Советских исследователей не смущает императивный характер логического мышления. Не смущает их и измена исторической правде в том или ином вопросе. Для них главное – привести историческую действительность в соответствие с положениями их догматической историографии.

Впоследствии советские историки „отшлифовали“ историческую действительность и представили это жуткое насилиственное изъятие церковных ценностей так, будто бы передать на нужды голодающим Поволжья церковные ценности было решено советским правительством „по требованию трудящихся масс“. Оставим это утверждение на их совести (если она у них есть).

*

Ко времени издания декрета советской власти об изъятии церковных ценностей огромной их части Церковь была уже лишена.

Атаман Мамонтов, при бегстве захватил с собой огромную добычу, основу которой составляли драгоценные ризы, иконы, кресты, чаши, паникадила, лампады, все это в дорогих каменьях, которые он награбил в храмах центральной России.

В середине 1922-го года по приказу Врангеля в лом (для продажи американцам; непонятно только, зачем уни-

кальные по своей художественной работе предметы из драгоценных металлов превращать в лом) были обращены ценности „Петроградской ссудной казны“ – около 10.000 пудов, на сумму около 150 миллионов франков. Значительный объем этих ценностей составляли церковные предметы.

Чехословацкий корпус, после разгрома Колчака, вывез в Чехию через Владивосток два полных железнодорожных состава золота на сумму 200 миллионов довоенных золотых рублей. И опять же среди этих драгоценностей было много вещей церковного назначения.

Мы не говорим о тех, не поддающихся подсчету, церковных драгоценностях, которые вывозили с собой во время массовой эмиграции отдельные лица.

И все же в Церкви оставались огромные ценности.

Было подсчитано (большевики любят и по сей день считают церковные денежки):

а) если собрать ценности из всех существовавших тогда в республике храмов, то ими можно было загрузить поезд длиной в 7 верст,

б) если все церковные богатства того времени (золото, платина, бриллианты и другие драгоценные камни) перевести в серебро, то получилось бы 525.000 пудов. На них можно было бы в то время купить столько же (525) миллионов пудов зерна.

Продовольственный дефицит пострадавших от голода (1921-1922 гг.) районов Поволжья составлял около 200 миллионов пудов, т. е. 3,2 миллиона тонн зерна. Население этих районов составляло 31 миллион 714 тысяч человек, из которых на 1-ое апреля 1922-го года голодали 20 миллионов 113,8 тысяч человек.

Нужны были 200 миллионов пудов (3,2 миллиона тонн) хлеба. А что дало изъятие церковных ценностей?

К 1-му июля 1922-го года в фонд центральной комиссии помочи голодающим поступило:

34 пуда золота (по другим сведениям – 26 пудов 38 фунтов),

прочих ценных металлов – 82 пуда 10 фунтов,

бриллиантов и алмазов – 33.456 штук, весом 1313 каратов, (по другим сведениям – 15 тысяч штук),
жемчуга – 10 фунтов 76 золотников,
прочих драгоценных камней – 72.383 штуки, весом 1 пуд 29 фунтов (по другим сведениям – 1 пуд 14 фунтов),
золотых монет на 1595 рублей,
серебряных монет – 19.064 рубля,
вещей с драгоценными камнями 49 пудов 24 фунта.
В целом „операция“ по изъятию церковных ценностей к сентябрю 1922-го года принесла большевикам сумму, выражавшуюся космической цифрой – 8.000.000.000.000 рублей (в дензнаках того времени).

Но сентябрем 1922-го года операция не окончилась. Изъятие продолжалось весь тот год и следующий.

К 1-му апреля 1923-го года большевики „наскребли“ в Церкви еще кое-что:

золота – 26 пудов 8 фунтов 36 золотников,
серебра – 24.565 пудов 9 фунтов 51 золотник,
серебряных монет – 229 пудов 34 фунта 66 золотников,
изделий с жемчугом – 2 пуда 29 золотников,
бриллиантов и других драгоценных камней – 1 пуд 34 фунта 18 золотников.

Необходимо помнить и о международных проявлениях солидарности с голодающим русским народом.

Американская благотворительная организация в 1922-ом году раздала в России продуктов питания и товаров на сумму в 66 миллионов долларов, католики – на 2 миллиона. Помощь оказывали и другие зарубежные организации.

Большевики еще до наступления голода 1921-го года, в 1920-ом году успели изъять у Церкви 7.150.000.000 рублей на территории, исключая Украину, Кавказ и Сибирь.

И что же? На эти средства (за все изъятые ценности – В. С.) было куплено за границей 3 миллиона пудов хлеба и некоторое количество других продуктов питания.

Всего лишь 3 миллиона!!!

А ведь на ценности, изъятые только до 1-го июля 1922-го года можно было бы купить столько хлеба, что во

много раз был бы покрыт дефицит голодных районов. На эти средства можно было купить столько хлеба, чтобы целый год кормить не одно Поволжье.

Изъятые у Церкви средства использовались на нужды голодающих Поволжья всего лишь на **один** (даже того меньше) процент! Куда же пошли церковные ценности?

Куда, например, исчезло Евангелие, которое пожертвовала Наталья Кирилловна Нарышкина (вторая жена Алексея Михайловича) Большому Успенскому собору, и которое Екатерина II оценила в 2 миллиона рублей?

Куда исчез оклад из **чеканного золота** и серебра пятиярусного иконостаса Троицкого собора в Сергиевой Лавре?

Куда исчезли две митры из Киево-Печерской Лавры, каждая из которых оценивалась в 50.000.000 рублей? Ответа на эти вопросы нет, как не было их и в то время.

Еще 14-го мая 1921-го года представитель Ватикана писал Чичерину, что Папа готов купить предметы культуры, изымаемые советской властью у Церкви. И что же?

Ответа долго не было, а когда он пришел, то в нем содержалась многозначительная фраза: невозможно, поскольку никому не известно, где эти предметы находятся.

На самом же деле, как справедливо пишет Г. Я. Штеле, многое стало жертвой фанатичных иконоборцев или просто дельцов черного рынка.

Воспоминания сестры Русака Владимира Степановича Марии о брате*

Володя родился в 1949 году, когда мне было уже девять лет. Рождение его в нашей семье было радостным событием. Только скорбела мама, может быть, предчувствуя будущее Володи. Мама была серьезно больна (суставной полиартрит после родов старшего брата). Воспитанием его в основном занимался отец, который был портным и шил на дому. Он-то и преподавал Володе и всем нам уроки честности, порядочности и бескомпромиссности. Мама наша была глубоко верующей женщиной и с появлением нас на свет Божий прививала любовь к Богу и Церкви. Она всю свою жизнь пела в церковном хоре. У нее был чудесный голос, который сохранился до конца жизни. И когда шла она в церковь, то обязательно вела с собой и нас: моего старшего брата Петра, меня и Володю. Мы со старшим братом учились петь в хоре, а Володю наш приходской священник о. Николай Винцукевич вел к себе в алтарь. Так с 5 лет он стал непосредственно участвовать в богослужении. Каждое воскресенье и праздники святые он находился в храме. Когда отец Николай выходил со Святым Евангелием или с чашей, то впереди со свечой шел маленький Володя.

В то время и произошел случай, повлиявший впоследствии на его здоровье. Поскольку мама наша была очень верующим человеком, она и отцу нашему никогда не разрешала что-либо делать в воскресенье или празд-

---

*Из Приложения к самиздатскому журналу «Российские ведомости» № 9, Москва, 1988 г.

ничные дни. Но время было тяжелое, 1954 год. Отцу нашему посчастливилось взять где-то лошадь. А с топливом у нас была проблема. И отец решил привезти с болота ранее добытый и просущенный торф. Был воскресный день. Мама очень переживала и просила, чтобы эту работу отец сделал в другой день, только не в воскресенье. Папа же решил сделать это именно в тот незабываемый для нас день. До обеда он привез торф и поставил лошадь во дворе, чтобы поесть. Володя в это время вышел на улицу. И вскоре мы услышали крик. Выбежав на улицу, увидели лежащего Володю. Он был залит кровью. Лошадь ударила его копытом около правого глаза и разбила нос. Отвезли его сразу в больницу, где сшили все разбитое, но не совсем удачно. Поэтому, когда он был уже студентом, пришлось делать операцию по удалению слезного мешочка. Хроническое заболевание ушей и слабое зрение, видимо, результат этого случая. Мама наша до конца дней поучала нас и просила, чтобы в праздники и воскресные дни старались идти в храм, а не делать какую-то работу...

Володя рос милым, добрым ребенком. В семье у нас он был всеми любим. Когда пошел в школу и научился читать, то детские игры перестали его интересовать. Страсть к книгам была, можно сказать, у него нездоровой. Читать он мог и днем и ночью. Когда ложились спать и гасили свет, он брал фонарик под одеяло и продолжал читать. Мама, опасаясь за его здоровье, всегда ругала его, чтобы ложился спать. Иногда были такие моменты, что книги у него забирала и не возвращала. Он был очень способным учеником в школе. В школу ходил обычно только с тетрадками. Прослушав объяснение учителя, мог сразу ответить на любой из вопросов. Мама всегда просила меня сходить в школу и поинтересоваться его учебой, так как на родительские собрания пойти не имели возможности ни отец, ни мама. Когда я приходила в класс, учительница могла говорить о нем долго и слушать ее было интересно. Книги из библиотеки он читал и на уроках. Учительница рассказывала: „Вызываю

ученика к доске, тот чего-то не знает, молчит. А Володя, вижу, под партой читает книгу. Поднимаю его, прошу ответить. Спросив товарища по парте, каков был вопрос – сразу дает правильный ответ. На редкость способный ученик“. В воскресные и праздничные дни школу он не посещал, а шел в храм. Много имел на этот счет инцидентов с учителями.

Когда Володя окончил школу, ему было 17 лет и назрел вопрос – куда пойти учиться? В духовную семинарию он поступить не мог, так как брали туда с 18 лет. И тогда он поступил учиться в Минский педагогический институт на физико-математическое отделение. Но мысль о поступлении в духовное заведение не покидала его. И вот с 3-го курса института он поступает сразу на 2-й курс в Московскую духовную семинарию. Способности его и там были замечены. Одновременно с учебой в семинарии он был зачислен учеником в редакцию «Журнала Московской Патриархии». Совмещать и то, и другое было нелегко. Иногда целыми днями приходилось быть голодным, так как питаться в семинарии регулярно он теперь не мог. Но Володя выдержал, и один из двадцати отобранных в редакцию учеников доучился до конца.

Когда Володя приезжал домой, его приезд всегда был радостным событием в нашем доме. Все любили его и ждали с нетерпением. Особенно любили его мои две дочери. Кстати, он крестный отец моей младшей дочери Татьяны. И старшая дочь Елена, и Татьяна ждали его приезда как чего-то необыкновенного. Обе они учились в музыкальной школе. Володя тоже любит музыку. Поэтому к его приезду они всегда готовили новый репертуар. Он всегда слушал внимательно пение девочек и часто не мог обойтись без слез.

Приезжал он всегда на денек-другой, так как времени у него не было. С собой всегда привозил много книг, которые читать мог везде: в дороге и дома, используя каждую минуту.

Дальше были его учеба в Духовной академии (которую он закончил по 1-му разряду 1-й категории) и работа

в «ЖМП». Вначале был редактором, затем главным редактором. Неоднократно сопровождал владыку Питирима в зарубежных поездках.

Володя имел пропуск в библиотеку им. Ленина, где, работая по заданию редакции, случайно наткнулся на мате-риалы, весьма его заинтересовавшие, которые впоследствии и были положены в основу его работы „История Русской Православной Церкви“, которая посвящена отношениям Церкви и государства после 1917 года.

Узнав о том, что он пишет эту работу, мы все очень переживали за его будущее, потому что знали, чем это может кончиться. Предупреждали о последствиях, но Володя говорил, что кому-то же надо это делать, чтобы люди знали правду. Мама предвидела и говорила: „Сгниют твои косточки за эту правду“, – но он стоял на своем и говорил, что писать об этом нужно. И продолжал упорно работать.

В 1982 году умирает наша мама, умирает практически на руках у Володи. А вскоре нам пришлось пережить еще один страшный удар! Узнав о Володиной работе, владыка Питирим отстраняет его от работы в «ЖМП» и от служения. Будучи в сане диакона, без права служения в церкви он вынужден был искать себе хоть какую-то работу. Гражданские власти тоже работы не давали. Наконец смилиостились. Взяли в охрану на овощную базу. Но видеть, как начальство на глазах вывозит фрукты машинами, а рабочих наказывают за пару яблок – было противно. Он ушел с этой работы. Устроился дворником и работал им до последнего дня перед арестом.

А потом тюрьма. 7 + 5 – такой срок определил суд. Невозможно передать того, как мы были потрясены всем случившимся, хотя давно уже ждали этого с величайшим страхом и трепетом, и в то же время надеялись, что минует его эта ужасная чаша, эти величайшие муки, которые ему суждено испытать. Единственное, что хоть как-то успокаивает, – это то, что он готовился к такому испытанию.

Не права была мама лишь в том, когда говорила, что никто не узнает об этой правде. Доказательство тому - людская благодарность и память многих и многих людей, которые поистине христианской любовью и помощью окружили не только „того, кто жизнь свою не усомнился положить за други своя“, но и не покинули в столь тяжелый час и его родных.

Спаси и сохрани вас всех Господи, всех, кто принимал и принимает непосредственное участие в его судьбе!

С низким поклоном к Вам

**Русак Мария,
племянницы Елена и Татьяна**

Справка.

В настоящее время В. Русак находится на политзоне в Пермской области. Из его писем родным известно, что в январе - феврале он болел и лежал в санчасти (радикулит, резкие боли в затылке, падает зрение). В феврале вышел на работу, плетет сетки для картофеля, работа приводит к раздражению оболочки и воспалению глаз. Срок выхода в ссылку - 1993 год.

Адрес политзоны:

618610 Пермская обл., Чусовский р-н,
ст. Всесвятское, ВС - 389/35

Михаил Назаров

Может ли атеизм поумнеть? По страницам советской печати

Одно из важных проявлений активности здоровых сил общества в ходе идущих перемен – пересмотр отношения к религии. Речь уже идет не только о положительной оценке православия в истории и культуре России, но и о положительной оценке роли Церкви в современной жизни. Речь все чаще заходит и о самой сущности религии. В СССР уже почти не встретить по-настоящему талантливого художественного произведения, в котором не содержалось бы размышлений на религиозно-нравственные темы – с неизменным положительным отношением автора к христианским идеалам. Таковы книги Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова, Владимира Солоухина (последняя, «Смех за левым плечом», не вписалась даже в „перестройку“ и вышла в 1988 году в «Посеве»). Не стесняется называть себя христианином и давать религиозное толкование смыслу художественного творчества Андрей Битов. „Дорогу к христианскому Храму“ предлагает в своем фильме „Покаяние“ Тенгиз Абуладзе. А другой известный кинорежиссер, Эльдар Рязанов, заявляет в телепередаче: „Мы все атеисты по незнанию, по невежеству...“

Но, как известно, господствующая идеология считает

религию „невежеством“. И эту атеистическую идеологию пока что никто не отменял. Более того: писатели и реформаторы вынуждены действовать формально в ее русле, оправдывая каждый свой шаг в сторону тем, что, мол, раскрывают истинное содержание марксизма. В этих-то условиях и разгорелась в последние годы в Советском Союзе самая настоящая „религиозная война“, линию фронта и победы в которой можно увидеть, лишь принимая во внимание условия и правила игры реформаторов.

Первым впечатляющим событием в этом отношении оказался роман Ч. Айтматова „Плаха“, в который, как бы по образцу М. Булгакова, введен параллельный евангельский сюжет и образ Иисуса Христа. Правда, именно эта часть произведения оказалась художественно слабой, некомпетентной в вопросах религии – что было отмечено С. Аверинцевым и А. Адамовичем («Литературная газета», 15. 11. 86 и 1. 1. 87), которые справедливо отвергли сниженное, небожественное толкование Христа в „ренановской“ традиции. Однако в условиях перестройки роман Айтматова сыграл важную роль в возникновении открытой дискуссии на религиозные темы. Ибо в романе, впервые в советской печати, устами главного героя было сказано о необходимости „познания Бога как высшей сути собственного бытия“, о том, что человеку необходима вера, над которой „трудиться надо тысячелетиями и ежедневно“.

Айтматов, впервые в официальной литературе, попытался примирить государственный атеизм и религию, сделав атеизм более терпимым, а религию, как ему казалось, менее догматической. В сущности, писатель предложил расширение толкования материализма, вместив в его рамки Бога как необходимый продукт человеческого мышления. Однако последовавшая бурная полемика в советской прессе внесла в проблему новый акцент: впервые в СССР было предложено сдвинуть официальную точку зрения от воинствующего атеизма к агностицизму, то есть к признанию невозможности решить вопрос о существовании Бога путем научного доказательства.

Одним из первопроходцев здесь оказался ныне покойный академик Я. Зельдович, написавший в журнале «Наука и жизнь» (№ 12, 1986): „Во все времена религия играла роль хранителя истины. Библия описывает сотворение мира, жизни, человека. Пусть ответы кажутся сегодня наивными – ценность заключается уже в самой постановке вопроса. Человек нуждается в диалоге на вечные, самые простые, самые глубокие и волнующие вопросы. Человек, которого нисколько не волнуют эти вопросы, теряет свое нравственное начало“. И далее, говоря о достижениях современной науки, академик сказал: „В какой-то мере... представление о том, что все законы природы едины, получается из одного принципа – такое представление родственно религиозному чувству“.

Еще более четко о необходимости перехода от воинствующего атеизма к агностицизму написал критик Андрей Нуйкин в «Новом мире» (№ 4, 1987). Уверенность в том, что религия отомрет сама по мере роста грамотности, была „одна из капитальнейших иллюзий“ просветителей-основоположников, – говорит А. Нуйкин. „Статистика, характеризующая рост атеизма в нашей стране, честно говоря, особого доверия не вызывает“. Для наших крупнейших писателей Бог – „элемент народного сознания или отчаянная попытка хоть как-то аргументировать необходимость добра, совести, любви, милосердия...“ Спор о Боге „всегда уводил и будет уводить в те сферы, где человек знает недостаточно, где гипотезы не проверить практикой“, поэтому нам „явно придется еще раз пройти тот круг исканий, проверок, сомнений и споров, который не раз уже проходило человечество в обсуждении вопросов: есть ли Бог и нужен ли он, если его нет?“

В этой статье А. Нуйкин разделяется с двумя наиболее видными воинствующими безбожниками, Крылевым и Калтахчяном, которые в споре о религиозных темах современной советской литературы пригрозили писателям цитатами из Ленина («Комсомольская правда» 30. 7. 86 и 10. 12. 86). Критик выражает надежду, что это – „один из последних окриков догматического атеизма,

который в условиях недостаточного демократизма и гласности присваивал себе монополию на конечную истину“.

Однако, вопреки надежде Нуйкина, число атеистических окриков в советской печати не уменьшилось. Причем авторы их, как правило, не знакомы даже с основами того религиозного мировоззрения, которое они критикуют. Даже, например, академик Александров в интервью все той же «Комсомольской правде» (25. 8. 87), наряду с правильной констатацией падения веры в марксистские идеалы, утверждает, что религиозная мораль лишена подлинного нравственного содержания, ибо она „требует от человека следовать ей потому, что... за добро Бог наградит, а зло накажет. Так нравственное поведение оказывается не самоценным, а вынужденным из страха Божия. ...Взгляд, можно сказать, коммерческий. Не низменно ли это! Социалистическая мораль выше, так как зовет следовать ей не за награды, а ради высоких целей“.

Высокие цели социалистической морали, позволяющие Александрову полемизировать с идейным противником, у которого кляп во рту, – оставим в покое. Но, „пришивая религии 'аморалку'“, академику следовало бы знать, что в христианстве важно не только предупреждение о потустороннем возмездии за злые дела (каким оно будет – мы не знаем, но если таково устройство мира, то почему же предупреждать о нем – „низменно“?). Важнее основной призыв творить добро ближнему, именно не ожидая награды, а лишь веря в то, что добро и любовь – превыше всего, ибо они-то и есть Бог, который есть высшая мера добра и любви. Стремление к этому идеалу, к духовному совершенствованию – вот главный стимул для христианина делать добро. Здесь же присутствует и уважение к человеку как к носителю искры Божией, как к равному перед Богом – поскольку каждый создан „по образу и подобию Божию“...

Еще один типичный опровергатель религии – заместитель генерального директора объединения „Кибернетика“ Узбекской академии наук Муминов. В газете «Комсомолец Узбекистана» он полагает, что „мощным ударом по

религиозным доктринальным догмам явилось возникновение кибернетики“, „думающих машин“, творец которых не Бог, а сам человек. Уважаемый ученый, вероятно, никогда не слыхал о том, что отец кибернетики Норберт Винер был глубоко верующим человеком и писал о близости религиозного и научного знания, определяя первое как основополагающее, а второе – как прикладное. Церковь же, вопреки утверждению Муминова, „ринулась в атаку“ не на кибернетику, а на превратное ее толкование в духе Муминова. Ведь говорить, что компьютер „думает“ – художественное преувеличение, гипербола. Электронная вычислительная машина – всего лишь усовершенствованные счеты, собственным разумом не наделенные. Только в деревянных счетах движутся костяшки по стержням, а в компьютере по печатным платам. И движутся, разумеется, быстрее, надежнее, со множеством новых возможностей – которые, однако, представляют собой лишь неживое отражение человеческого разума.

Не знаком этот ученый и с христианским понятием свободы воли, дарованной Богом человеку. Бог не нарушает ее именно потому, что ни Бог, ни человек – не машины. Норберт Винер пишет, что свобода воли приводит к более сложным, как бы игровым отношениям между Богом-творцом и его творением – человеком. И человек, в силу своего несовершенства и подпал под воздействие сил зла, также существующих в мире, – часто поступает вопреки замыслу Творца... Представление же заместителя генерального директора Муминова о Боге – тоже как о некоем генеральном директоре, который управляет миром посредством принуждения. И поскольку это явно не получается, то „с кибернетической точки зрения Бог просто не может существовать“, – демонстрирует отсутствие познаний в области христианской религии один из ее опровергателей эпохи перестройки. Его не смущает, даже приводимый им в статье факт, что с такой вульгарно-атеистической трактовкой своей профессии и с вредностью религии согласились лишь 40 процентов опрошенной молодежи в руководимом им объединении

„Кибернетика“.

Однако все рекорды усердия и невежества в борьбе с религией побила, пожалуй, сотрудница «Комсомольской правды» Е. Лосото. Ее активностью и объясняется, очевидно, то, что эта газета стала оплотом коммунистического мракобесия, воскрешающего в эпоху перестройки антирелигиозный пыл 20-х и 30-х годов. И свои лавры лидера она, похоже, ни с кем не хочет делить, даже с Крывелевым и Калтахчяном: 21. 10. 87 в очередном окрике она не удержалась от похвалы, что была редактором их статей - от которых, по признанию профессора атеизма В. Шердакова, даже большинство профессиональных атеистов „отмежевывается самым решительным образом“ («Социологические исследования» № 4, 1987).

Невежество Е. Лосото в религиозных вопросах поистине поразительно для сотрудника газеты. Так, она почему-то полагает, что принцип „око за око и зуб за зуб“ общий и для иудаизма, и для христианства, - как будто Христос не призвал в Новом завете отвергнуть месть и жить в любви даже к своим врагам. К **своим** врагам, но не к врагам правды Божией - об этом другом христианском принципе Е. Лосото, похоже, тоже никогда и слыхом не слыхивала, ибо рассуждает о христианской „раздавленности и неспособности действовать“ в непротивлении злому. В отличие от Айтматова, Зельдовича, Нукина - Елене Лосото далеко и до прозрения высот религиозного духа; для нее, как и для Ленина, что религия, что сивуха: „для одних бегство в бутылочку, для других - в боженьку“, - кощунствует она, видимо, сама не подозревая об этом. Как она не подозревает и о религиозном значении слова „лукавый“ (чорт), когда выдает один из своих незабываемых перлов: „Создание идеологии на базе идеализма - от лукавого“.

Но если число подобных „аргументов“ в советской прессе пока и не уменьшилось, то все же стало гораздо больше статей с выводом, что „нашему атеизму пора поумнеть“, - как выразилась Ольга Чайковская в газете «Советская культура» (26 и 29. 9. 87).

„...С тех пор, как он (атеизм – М. Н.) стал авторитарным, не допускающим дискуссий, он на практике сильно ослаб: мировоззрение, не снисходящее к спору, борьбе, теряет мускулатуру. И вот перед нами сегодня, увы, случай беспомощного, малодушного атеизма, который без милиции защитить себя не может. Мне даже начинает казаться, – пишет Ольга Чайковская, – он боится, будто у его философских противников все козыри на руках, а потому никак не хочет вступить в настоящий открытый спор. Помнит, конечно, что за противником тысячелетние традиции, огромная литература, богатство эмоциональных переживаний, гром органа или церковного хора, мощь собора или лирика сельской церкви, взгляд Владимира Богоматери, а у него, у бедняги? Брошюрки и книжечки, где содержатся клятвенные уверения, будто Христа на свете не было (почему бы ему и не быть, был же Магомет и другие основатели новых религий), а в бога верят одни дураки?“

„'Гагарин летал, бога не видел' – подобный довод вряд ли может убедить даже простодушных, – пишет журналистка, – ибо „...религиозная мысль давно шагнула за рамки подобного примитива“.

„Религия – это философия жизни, спор с ней должен идти не на уровне 'у попа-те рукава-те'...“ Должна быть не „игра в одни ворота“, а „истинная сверка позиций“, которая „полезна обеим сторонам“, – убеждена Ольга Чайковская: „В ходе спора встанет немало проблем, таких, например, как религия и нравственность... А мы? сколько мы наслушались в недавние еще времена безапелляционных суждений о том, что нормы морали относительны (у каждой-де эпохи своя), что нет в мире общих для человечества этических констант – разве не чреваты они опасностью нравственного релятивизма? Пора бы, кажется, очистить от вульгарных трактовок, от теоретической путаницы такой важный вопрос, как соотношение общечеловеческого и классового в нашей морали. Нам бы оберегать накопленный веками и тысячелетиями золотой фонд этических принципов, а не перепиливать его, как это

бывало не раз, лезвием насмешки, разъедать кислотами скепсиса и цинизма, подобное остроумие дорого нам обходится (а религия, кстати, с величайшей серьезностью трактует все эти проблемы)“.

Еще более откровенно пишет кандидат филологических наук Константин Кедров в «Известиях» (9. 1. 88):

„Близится значительное событие – тысячелетие крещения Руси. И может быть, стоит в преддверии этой весьма значительной даты по-новому взглянуть на очень сложную взаимосвязь истории, религии и культуры. Ведь и сегодня сплошь и рядом можно услышать от бойкого экскурсовода, что в образе Богородицы художник изобразил не царицу мира, а некую „простую крестьянку“, а храмы – покрыты неким „декоративным орнаментом“, а не чем-то более важным и значительным, нежели простой декор. Им хочется напомнить слова Лермонтова: ’Так храм оставленный – все храм, кумир поверженный – все бог‘, а затем и слова Ключевского: ’Священные тексты и богослужебные обряды складываются исторически. Можно придумать тексты и обряды лучше; но они не заменят нам худших‘. И еще мысль, для многих спорная, но высушаем ее по крайней мере: ’Не смущайтесь этими терминами: религиозное мышление или познание есть такой же способ человеческого разумения, отличный от логического или рассудочного, как понимание художественное; оно только обращено на другие, более возвышенные предметы. Человек далеко не все постигает логическим мышлением и, может быть, даже постигает им наименьшую долю непостижимого‘. К сожалению, многие наши штатные атеисты сплошь и рядом не способны отличить это высокое эстетическое чувство от суеверия или фанатизма. Это непонимание нанесло громадный ущерб всей нашей культуре“.

Столь обширные цитаты приведены здесь, чтобы устами официально печатающихся литераторов зафиксировать и жалкое состояние атеизма в стране, и несостоятельность ленинских утверждений об относительности (классовости) морали, и пробивающуюся апологетику

религиозного мировоззрения. Особенно уверена и достойна в этом отношении, без реверансов в сторону „необходимости совершенствования атеистической пропаганды“, статья Кедрова.

Однако в большинстве других статей, направленных против „примитивного атеизма“, эти реверансы есть. Есть и некоторые утверждения о религии, с которыми трудно согласиться. Так, например, нет оснований выдавать за христианское – презрение к земной жизни как к чему-то второсортному, как это полагает Чайковская, считающая себя (если это у нее, как и у А. Нуйкина, не правила игры) атеисткой. Видимо, все же и она с христианской философией недостаточно хорошо знакома. И снова возникает проблема религиозного образования участников полемики. Точнее – проблема допущенной в СССР мировоззренческой границы образования.

„Почему у нас мало образованных людей?“ – этому вопросу была посвящена интересная дискуссия на страницах «Литературной газеты» (13. 5. 87). Как сказал в этой дискуссии биофизик, член-корреспондент Академии наук Волькенштейн, – „истинная образованность корениится все-таки в знании искусства, литературы, истории, философии, то есть гуманitarной сферы как непосредственно связанной с нравственностью“. А доктор филологических наук Макашин уточнил: „...постойте в Эрмитаже перед „Блудным сыном“, шедевром мировой живописи. Экскурсанты смотрят на него с недоумением. Они не знают, что это такое, потому что Библия им неизвестна. Между тем искусство на протяжении многих веков было связано с библейской мифологией. Если вы не знакомы с ней, как вы можете понять легенду о Великом инквизиторе – одну из величайших страниц мировой литературы?“

И специалист по проблемам управления академик Раушенбах заключает, что необходимо „издать в серии ‘философское наследие’ русских философов-идеалистов, которые прославили в XIX и XX веках Россию, – Владимира Соловьева и других. Нельзя считаться образованным человеком, не зная даже имен этих философов.“

Классическую русскую философию нельзя ограничить Герценом, Чернышевским и т. д.“

„Конечно, пора издать наших философов-идеалистов“, – поддерживает его Макашин: „Школа и вузы дают сведения только о деятельности“ революционеров, „а с кем и почему они спорили, боролись – это остается неизвестным“.

Однако выдержит ли подобную честную полемику государственный атеизм, привыкший к игре в одни ворота с органами госбезопасности в роли судьи? Александр Нежный справедливо пишет в «Московских новостях» (29. 11. 87), что – „Нравственная уязвимость господствующей идеологии побуждала ее не к взыскательной переоценке собственных устоев, а к насилию, к стремлению подавить всякое другое мнение, и наступившую исполненную ненависти и ужаса тишину объявить верным признаком всеобщего согласия“.

И здесь стоит сказать уже несколько слов о том, по каким правилам игры в идущей „религиозной войне“ действуют власти.

Вот уже и антирелигиозный министр Харчев каётся в «Правде» (27. 1. 88): да, „было массовое и необоснованное закрытие молитвенных зданий, произвол в отношении служителей культа, игнорирование законных прав верующих и их религиозных чувств“.

И главный теоретический орган КПСС, журнал «Коммунист» (№ 4, 1988), признает: „Настала пора навсегда положить конец подозрительному и неблагожелательному отношению к верующим и к таким исповедуемым ими идеалам, как гуманность, любовь, нравственное самоусовершенствование. Надо помнить, что общечеловеческие моральные нормы первоначально были выражены 'окольным путем' (Маркс) – в религиозной форме, в свое историческое время закономерной... Для верующего религия не просто совокупность абстрактных догм о тайнах мироздания, не просто мировоззрение. Это и конкретная нравственная программа, 'наука жизни' и определенный тип повседневной деятельности, отношения к единомыш-

ленникам. Это и душевное состояние, 'святая святых' внутреннего мира, совокупность достаточно интимных чувств и раздумий. Отсюда следует, что атеистические аргументы, минующие эмоциональную сферу жизни, не достигнут цели, сколь бы безупречно логическими они не были".

Но все эти признания „перегибов“ и призывы к умеренности, идущие сверху, пока что преследуют цель „сделать атеистическую пропаганду более эффективной“.

Как признает тот же журнал «Коммунист», слова Луначарского, что „у религии есть политическое жало“, актуальны для коммунистов и сегодня. Только раньше это жало пытались обломать слишком уж прямолинейно. Сегодня приходится смириться с тем, что уничтожить религию даже террором невозможно. Разумнее обезвредить это жало мирным путем, „задействовав“ религиозные чувства в „социалистическом русле“, создав – по примеру других соцстран – „многоплановые отношения социализма и религии“ («Коммунист»), вплоть до того, что „...в последние годы отчетливо наметился переход от провозглашения принципов социальной нейтральности религии к пропаганде идей о ее социальной значимости“ («Правда», 2. 2. 88, А. Акулова).

Однако, как же тогда быть с „чистотой идеологии“? Ведь в одном Е. Лосото, надо отдать должное, совершенно права – когда цитирует Ленина: „Марксизм есть материализм. В качестве такового, он... беспощадно враждебен религии“. И если принимать призыв Горбачева – „назад к Ленину!“ – всерьез, то Лосото в своих сегодняшних писаниях ближе к истине о Ленине, чем генсек. Беда только в том, что она („заставь дурака молиться...“) понимает этот призыв слишком буквально. Партии сегодня нужен другой Ленин. Не тот, настоящий, который чуть ли не в конвульсиях корчился от слова Бог и который в секретном, до сих пор не опубликованном в СССР письме членам Политбюро писал 19 марта 1922 года: „...произвести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... с такой жестокостью, чтобы они

не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше“ (опубликовано в «Вестнике РХД» № 98).

Партии сегодня нужен хотя бы один рукопожатный – а поэтому сильно ретушированный – основатель режима, чтобы легитимировать преемственность власти сегодняшнего руководства. Нужен Ленин, который „...категорически предостерегал от авантюр политической войны с религией, в корне противоречившей духу и букве декрета“ о Церкви («Коммунист» № 4, 1988).

Конечно, это лицемерие. Но оно уже не то бесстыдно-нахрапистое, когда утверждали, что храмы закрываются „по просьбе самих верующих“. **Сейчас это лицемерие власти, отступающей перед натиском здравого смысла и стремящейся скрыть факт отступления.** Признание за Церковью и религией права на место в социалистическом обществе – сдача марксизму позиций в его важнейшем постулате. Ценой частичной деидеологизации партия стремится сохранить власть, пытается приручить главного идеиного противника. Она, конечно, сознает, что в условиях раскрепощения независимых общественных сил это приручение может стать для КПСС оружием обороноострым. Но, перед лицом явного поражения своей 70-летней политики и при надвигающемся кризисе системы, иного выхода у партии, похоже, просто нет.

В трудные времена коммунисты всегда проявляли чудеса изобретательности, ставя цель сохранения власти выше, чем сохранение идеологической девственности. Известнейший пример – знаменитое сталинское „Братья и сестры...“, возвращение со „свалки истории“ ранее отброшенного русского национализма и суворовских знамен, а из лагерей – уцелевшего духовенства...

Важно, чтобы потом, окрепнув, партия не могла обернуть все вспять. Гарантия этого – становление независимого гражданского общества, и в этом отношении основания для оптимизма сегодня кажутся более реальными, чем когда бы то ни было. Потому что за разворачивающи-

мися в стране событиями все отчетливее проступает давление исторической необходимости демонтажа социализма, которую радостно ощущает мыслящая часть общества, и которой вынуждены во многом подчиняться даже те, кто все еще мним себя повелителями истории.

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

GLOBUS

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisko, CA 94118
T. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО
(кроме воскресенья)
С 10 до 6 ч.

ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ

К предстоящему в 1988 году ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ Западно-Европейский Комитет ознаменования этого юбилея выпустил отчеканенную на Парижском Монетном Дворе памятную медаль.

На лицевой стороне медали изображен Св. Князь Владимир и даты „972 г. – 1015 г.“ (годы рождения и смерти Св. Владимира) и „Киев 988“. Под ободком текст: „Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир“.

На обратной стороне изображен Русский Православный Крест и даты „988 г. – 1988 г.“, а под ободком: „Тысячелетие Крещения Руси“. Композиция обеих сторон медали выполнена художником А. Б. Серебряковым.

Диаметр медали 68 мм., вес – 170 г.

Стоимость медали с пересылкой:

Бронзовой – 260 фр. фр.(50 ам. долл. или 90 нем. марок).
Позолоченной – 350 фр. фр. (70 ам. долл. или 120 нем.марок).

Заказы и деньги посыпать председателю Финансовой Комиссии Комитета:

A. SCHMEMANN, 12, rue Parent de Rosan, 75016 Paris.

Чеки выписывать на имя:

A. SCHMEMANN – MILLENAIRE.

И. Д у г а с

**Летописное „Сказание“
о
путешествии апостола Андрея
по русской земле**

В связи с великой юбилейной датой важно обратить внимание на начала проникновения света Христова в землю, которая позже станет Русью – Россией. Этому и посвящена статья.

В зарубежной литературе остались неподчеркнутыми размеры творческого застоя в исследовании вопросов христианизации в советское время. Отсутствие гармонии в деле развития исторических наук не могло не оказать отрицательного влияния и на всю древнерусскую историю...

В дореволюционное время в России существовал постоянный и живой интерес к церковной истории, были опубликованы замечательные труды, из числа которых нельзя не назвать талантливые работы митрополита Московского Макария (Булгакова) „История русской церкви“, Е. Е. Голубинского – под тем же названием и с обилием

труднодоступных переводных текстов, отдельные работы А. А. Шахматова и В. Т. Василевского.

После революции пульс биения научно-исторической мысли резко ослабевает. Ведущая историческая школа М. Н. Покровского долгое время считала принятие христианства реакционным явлением, оказавшим лишь незначительное влияние на культуру Руси. Но в 1936 году последовал окрик партии изменить курс и считать, что крещение: „...в действительности было положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры.“

Замечу, что новая партийная установка вовсе не сигнализировала изменения в политике искоренения религии вообще. Наоборот, именно в это время достигла апогея волна уничтожения церквей и культурных ценностей народа. А черный 37-й год стал началом массового террора, в котором погибло или пошло на муки большинство еще уцелевшего духовенства.

В духе новых кремлевских установок были написаны статьи С. В. Бахрушина, И. У. Будовница, Б. Д. Грекова и других. В их работах, наряду с признанием положительности факта крещения, подчеркивалась классовая сущность религии.

На скучность работ по церковной истории жаловался М. Н. Тихомиров в статье „Начало христианства на Руси“, помещенной в сборнике „Древняя Русь“, вышедшем в 1975 г., десять лет после смерти ученого. М. Н. Тихомиров, вспоминая дореволюционные монументальные труды по церковной истории, писал: „За последние же годы выходили только статьи, затрагивавшие отдельные вопросы истории христианства на Руси. Даже в известных трудах Б. Д. Грекова, посвященных истории Киевской Руси, только кратко говорится о крещении Руси в 989 г.*“

И дальше: „Поэтому новейший исследователь истории христианства на Руси находится в более неблагоприятных

---

* Интерполяция Б. Д. Грекова.

условиях по сравнению с другими исследователями, изучающими иные вопросы истории Руси IX–Х столетий.”

М. Н. Тихомиров, конечно, не мог указать на причины отталкивания ученых от названной тематики, а они определились климатом, созданным усиленной антирелигиозной пропагандой, преследованием верующих и общей духовной несвободой. Не посмел также сказать ученый, что выпадение каждого сектора духовной истории народа окажет сугубо отрицательное влияние на изучение всей нашей ранней истории.

Со временем 60-х годов положение существенно не изменилось. Вопросы христианизации по-прежнему в загоне. Между тем среди советских ученых имеются достаточно квалифицированные силы для преодоления отсталости. Примером может быть А. Н. Сахаров, автор монографии „Дипломатия Киевской Руси“, вышедшей в 1980 г. А. Н. Сахаров использовал большое количество источников и создал ценный и талантливый труд. Но заглавие книги вводит в заблуждение. Автор, подойдя вплотную к интереснейшей теме – деяний князя Владимира, – мало-душно останавливается. Он, повидимому, опасался, что правдивый рассказ о крещении Руси, да еще на пороге тысячелетнего события, не придется к партийному двору и повредит его карьере. История еще раз приносится в жертву политике...

Только в преддверии юбилея крещения были выпущены пропагандные книги: Гордиенко „Крещение Руси – факты против легенд и мифов“, Ипатова „Православие и русская культура“, Котляра „Введение христианства в Киевской Руси“ и некоторые другие. Замысел этих книг –нейтрализовать возможный подъем религиозных и национально-патриотических настроений среди широких слоев населения. Критика этих книг не входит в задачи моей статьи.

Итак, мы подошли к отчетному рубежу тысячелетия русской культуры с кровоточащими ранами на духовном теле русского народа...

Сказание об апостоле Андрее

Обратимся к древнейшему событию, связанному с христианизацией и оказавшему большое влияние на религиозное и политическое мышление русских людей, – к путешествию апостола Андрея по Русской земле, рассказ о котором помещен на первых страницах „Повести временных лет“. Трудами апостола были предприняты первые шаги к христианизации Скифии – территории, которая теперь называется Украиной.

Целью предлагаемой статьи является подведение общих итогов исследования „Сказания“ и его места в „Повести временных лет“. Содержание „Сказания“ несложно, но тем не менее очень затруднительно для анализа по причине отсутствия твердых отправных точек. Анализ еще более усложняется недостаточной изученностью самой „Повести временных лет“ и ее текстов. Кроме содержания „Сказания“, ученых интересует время его включения в летопись и ряд других деталей.

Несколько слов о „Повести временных лет“. Согласно схеме А. А. Шахматова, принятой большинством исследователей, первая редакция „Повести“ была закончена около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря преп. Нестором-летописцем. Как показали текстологические исследования, она включала по меньшей мере три предыдущих летописных свода. Первый вариант редакции, в свою очередь, подвергся дважды редактированию и дошел до нас не в несторовском оригинале, а в этих двух редакциях. „Повесть временных лет“ делится на две неравные части: древнейшую – недатированную – и датированную, начинающуюся с 852 года, со времени, когда по мнению Нестора, Русь впервые была упомянута в византийских источниках. „Сказание“ помещено в недатированной части сразу же после описания пути из Варяг в Греки и вместе с ним разрывает рассказ о полянах на полуслове. К сожалению, схема А. А. Шахматова по причине ранней смерти гениального ученого в 1920 г. осталась незавершенной.

Действительно ли посещал апостол Андрей Киевские горы?

В том, что нога апостола ступала по Русской земле в границах ХХ века сомневаться трудно. Но вот, доходил ли апостол до Киевских гор, остается вопросом веры. Б. Д. Греков, например, считал это возможным. Летописец, предшествовавший Нестору, отрицал посещение апостолом Руси. Под годом 983 в рассказе о варягах-мучениках сказано: „телом апостоли не суть сде были“. Под 988 годом – то же самое: „сде не суть учения апостольска“. С этим согласен и Нестор. В „Чтении о св. Борисе и Глебе“ он отмечает: „Не беша бо ни апостоли ходили на Русь“. Эти пассажи находятся в прямом противоречии с текстом „Сказания“. О причинах коллизии речь будет ниже.

Но независимо от того, совершил ли апостол путешествие по Руси или нет, ученые считают „Сказание“ полноценным историческим документом, возникшим в результате глубоких духовно-исторических размышлений и отразившим взгляды древнерусского общества на процесс христианизации Руси. Ценность „Сказания“ этим не ограничивается. „Сказание“ – важнейший источник знаний о методах работы летописцев и происхождении летописных сводов.

Содержание „Сказания“ в русском переводе следующее: „Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим и поплыл в устье вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей“. И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в

страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: „Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добывают, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем не мучимые, но сами себя мучают, и то совершают омовение себе, а не мученье. Те же слышав об этом удивились; Андрей же, побывав в Риме, пришел в Синоп“.

Несколько пояснительных слов. Синоп – греческий город на южном берегу Черного моря (Понта Евксинского). Центр миссионерской деятельности апостола. Синоп апостол покидал три раза. Один раз – для свидания с братом-апостолом Петром ездил в Иерусалим, второй раз – для проповеди вокруг Черного моря и третий раз – для поездки в Патры на Ахайи (Греция), где принял мученическую смерть около 70 г. Посещение Руси апостол мог совершить во время второй поездки. Корсунь (Херсонес) – греческая колония в Крыму. Развалины находятся вблизи Севастополя.

„Сказание“ делится на две трудно совместимые части: „киевскую“, в которой речь идет о посещении апостолом Киева и „новгородскую“ с рассказом о купальных обычаях славян-новгородцев. Авторство первой части бесспорно принадлежало киевлянину, второй – трудноопределимо.

Самой заметной особенностью „Сказания“, его характерной чертой, можно назвать отклонение содержания от греческих и других образцов, в которых речь идет о больших деяниях апостола: проповеди христианского учения, крещении язычников, основании церквей и совершении чудес. В русском „Сказании“ апостол совершает малые, с церковной точки зрения, дела: ставит крест на Киевских горах и предсказывает великое будущее этому месту. На остальном же пути в Рим нет и этих дел.

Автор (авторы?) „Сказания“ стояли перед тяжелым выбором: было бы очень соблазнительно признать древнеапостольское крещение полян, но с другой стороны, очевидным и бесспорным фактом было крещение Руси князем Владимиром. В середине XI века, когда, предположительно, было создано „Сказание“, некоторые стражители Киева могли даже помнить это великое и эмоциональное событие. Поэтому выбор был предопределен: апостол ограничился посещением Киевских гор и то не специально, но заездом по пути в Рим. Осторожный и сведущий в церковных делах автор „Сказания“ не упомянул славян на Киевских горах. Крестить было некого.

Любопытно, что отсутствие славян предполагает их проживание в согласии с летописной концепцией на Нижнем Дунае. В этом отношении „Сказание“ не ошиблось. По данным археологии, славяне появляются на Среднем Днепре только в VI - VII вв. после Рождества Христова. В I в. апостол не мог встретить там славян.

Предыдущие замечания относятся к первой „киевской“ части „Сказания“. Во второй части, в которой речь идет о купальных обычаях, обнаруживается вопиющее противоречие - проживание на севере славян новгородских! Откуда могли появиться там славяне, если их нет еще на Киевских горах и живут они на Дунае общеславянской жизнью?

Убедительный ответ дал Л. Мюллер. Он считает вторую часть „Сказания“ более поздним и чужеродным включением.

Позаимствуем у Л. Мюллера любопытный рассказ о северных банях, но еще не новгородских...

Живший в XVI веке иезуит Дионисий Фабрициус сообщает в своей „Истории Ливонии“ следующий рассказ о монастыре Фалькенау в Лифляндии, относимый к XIII веку. Монастырь, считавший свои доходы слишком низкими, посыпал к папе в Рим двух монахов с поручением сообщить о тяжелом материальном положении братии и просить помощи. Для подкрепления просьбы монахи рассказали об исполнении ими тяжелого аскетического

обряда: каждую субботу монахи горячо натапливают печь в бане так, что человек едва может выдержать жару. В бане монахи раздеваются, стегают себя прутьями, затем обливаются холодной водой, чтобы побороть в себе таким образом всякие страсти.

Для проверки этих сведений из Рима в далекую Ливанию был послан итальянский монах, ставший на месте свидетелем этой процедуры. Вернувшись домой в Рим, монах подтвердил исключительный аскетизм монахов монастыря, и папа удовлетворил их просьбу.

Оба рассказа – ливонский и новгородский – удивительно близки друг другу. Единственным серьезным расхождением является подчеркнутая ирония ливонского рассказа над южанами и абсолютное отсутствие насмешки в „Сказании“, в котором выражено только простодушное удивление странным обычаем северян.

Но родство двух рассказов не прямое. Согласно Л. Мюллеру существовал общий прототип для ливонского рассказа и новгородской версии, в котором действующими лицами были славяне. Прототип уже имел основные черты: Рим, как место, где удивляются купальным обычаям северян, и ирония над южанами, составляющая соль рассказа.

Мюллер считает, что соединение двух сюжетов произошло на севере. Он пишет: „С именем апостола Андрея этот рассказ (новгородский – И. Д.) связали, повидимому, позднее, когда киевский вариант сказания об Андрее стал известен в Новгороде“. И дальше: „Совершенно естественно, что странствующий анекдот, в котором рассказывается о связи между районом распространения парных бань и Римом, соотнесен в Новгороде с именем апостола Андрея, как только там узнали, что он однажды проезжал через Новгород, направляясь в Рим. Это был первый путешественник, который из Средиземноморского района пришел к берегам озера Ильмень, то есть первый, кто увидел удивительные и почти непонятные для южных народов купальные обряды ‘словен’.“

Объяснение Л. Мюллера страдает схематичностью, но

оно лучшее, что есть в специальной литературе.

Нелегко также понять логику путешествия апостола в Рим окружным путем через „страну варягов“ и вокруг всей Западной Европы.

Популярно следующее объяснение. На Руси знали о двух путях в Рим. Избрание северного варианта для поездки в Рим объясняется тем, что в Древней Руси не было четкого представления о расстояниях. Поездка через Варяжское (Балтийское) море могла казаться даже короче южного маршрута.

С этим взглядом невозможно согласиться. Русские люди XI - XII вв. определенно разбирались в расстояниях и географии Европы. Для доказательства можно сослаться на ту же „Повесть временных лет“, удивительно хорошо знавшую и Западную и Восточную Европу. В Киеве бывали купцы из многих стран Европы и от них легко можно было получить нужную информацию о расстояниях. Да и сами русские люди посещали многие углы Европы, в частности Царьград, откуда рукой подать до Италии.

Еще сложнее загадку решает Л. Мюллер. Он пишет: „Если считать Синоп непосредственной целью этого обратного пути, то трудно объяснить крюк через Киев. Точно также мало оснований было включить хождение по Руси в маршрут апостола из Синопа в Византию. Напротив, если считать Рим промежуточным пунктом на пути между Корсунем и Синопом, то киевлянину, знавшему о двух путях в Рим, но имевшему туманные представления об истинных расстояниях, могло показаться возможным, что апостол изберет северный путь, который так подробно был описан летописцем (имевшим, очевидно, тоже смутные представления о расстояниях)“.

Объяснение Л. Мюллера, опять-таки, сводится к незнанию русскими людьми расстояний и является еще более искусственным, чем предыдущее.

Решение загадки маршрута апостола или, по меньшей мере, внесение некоторой ясности в этот вопрос, зависит от правильности прочтения текста „Пути из Варяг в Греки“, с которым тесно связан рассказ о путешествии

апостола. Следует обратить также внимание на ключевое значение устья Днепра: только оказавшись в устье Днепра апостол „восхотел“ посетить Рим.

Как известно, Путь из Варяг в Греки, в свою очередь, представляет историческую загадку. Поэтому необходимо попытаться сначала приоткрыть тайну этого Пути.

Путь из Варяг в Греки

Разрывая рассказ о полянах, летописец пишет:

„...бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и вверх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти вниз в Ылмер озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьеское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море в не же втечет Днепр река“. Отрывок требует только небольших пояснений. Озеро Нево – Ладожское озеро. Река Нева в древности считалась частью озера Нево – его устьем. Варяги – жители Варяжского моря, занимавшиеся военно-морской и торговой деятельностью. К числу варягов летописец причисляет шведов, норвежцев, готчандцев, русов и англов (датчан). Согласно описанию, Варяжское море омывало всю Западную Европу и включало Северное море, Атлантический океан и Средиземное море.

В науке утвердилось мнение о том, что первая часть текста Пути „бе путь из Варяг в Греки“ является названием этой международной магистрали, а вторая – „из Грек“ – действительным описанием Пути. То же самое пишет акад. Б. А. Рыбаков в книге „Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи“: „...следует признать, что заголовок отрывка о кругосветном плавании не соответствует его содержанию – в летописи нет пути „из Варяг в Греки“, а есть только путь „из Грек“.

Необходимо допустить, что слова „из Варяг в Греки“ являются вставкой, нарушающей логику самого изложения. Без этой вставки отрывок приобретает стройность и

логическую последовательность: „...бе путь из Грек по Днепру и верх Днепра волок...“ и т. д.“

Б. А. Рыбаков, как и некоторые другие ученые автоматически приурочивает Путь к Киевской Руси. Отчасти это понятно: летописец пишет историю Киевской Руси, да и в месте включения текста Пути речь идет о полянах, ставших ядром Киевской Руси. Настороживает одно отсутствие упоминания Киева и союз „и“, соединяющий „название“ пути с его „описанием“.

Прежде, чем согласиться со смелым предположением ученого об исправлении летописного текста - операции обычно недопустимой в науке без тщательной проверки, следует попытаться понять, что говорит летописец.

В тексте следует различать две части: первую – из Варяг в Греки и вторую – из Грек в Варяги. Части эти следует считать равнозначными т. к. они связаны союзом „и“. В первой части говорится о морском пути из Балтики вокруг всей Западной Европы в Рим и Византию. Во второй части описан возвратный путь в Варяжское море по рекам и озерам Восточной Европы. Две части представляют изображение кругового пути из Трек в Варяги или же по целевому содержанию из Варяг в Греки.

Препятствием к такому решению загадки пути стала несбалансированность двух частей. Первая, целевая часть пути, указана только начальным пунктом – „Варяги“ и конечным – „Греки“; в то время как вторая часть пути – возвратная – описана с большими подробностями с помощью топографических объектов. Почему так случилось, будет объяснено немного ниже.

В новом естественном понимании – ничего не надо исправлять. Совершенно ясно – речь идет не о торговово-войной дороге Киевской Руси или славянских племен Восточной Европы, но варягов Балтики. Правильность такого понимания формально подтверждает и путешествие апостола Андрея против часовой стрелки.

„Разновесомость“ двух частей объяснить не трудно. Дело в том, что полное описание Пути из Варяг в Греки до его включения в „Повесть временных лет“, имело оди-

наково распространенный вид, как для западной, так и для восточной частей и содержало племенные и топографические названия. Но летописцу названия западной части пути были ненужны, и он их исключил, оставив только голый скелет этой части. Топографические и географические названия второй части уцелели, т. к. они касались Киевской Руси. Но и эта часть утеряла ряд объектов. Исчезло, например, описание днепровских порогов, сохранившееся в сочинении византийского императора Константина Багрянородного „Об управлении Империей“ (Х век). Подозреваю, что описание порогов не было включено в летопись потому, что пороги лежали за границами Руси в Половецком поле.

Путь из Варяг в Греки соединял Север Европы с богатым и культурным Средиземноморьем. По нему плавали варяги Балтики в торговых и военных целях.

Какое же варяжское племя плавало вдоль многотысячекилометрового полного маршрута Пути? Намек на племенную принадлежность авторов-составителей Пути дает язык. Судя по этническим и топо-географическим названиям, дорожник был составлен на славянском, точнее, славяно-русском языке и должен был принадлежать варягам-русам, обитавшим на южном славянском берегу Балтики. С большой долей уверенности можно утверждать о существовании письменной копии дорожника: запомнить все ориентиры, перевалочные станции, ночевки, волоки и тому подобное не представляется возможным. Кроме того, грамотность купцов на международных торговых дорогах является наущной необходимостью для сложной купеческой бухгалтерии.

Текст дорожника мог быть принесен в Киев Олегом или же попал при оседании варягов-русов в городе в более поздние времена. Как бы то ни было, в руках раннего летописца был документ всеевропейского культурного значения.

В начале XI века гибнут и обрываются древние контакты вдоль Великого волжского пути и Пути из Варяг в Греки. Прекращает функционировать вся сложная система

торговых центров, дорог, волоков. Консолидирующаяся Киевская Русь захватывает внутреннюю дорожную сеть. Торговые связи Балтики в большей степени переориентируются на Запад. Германский „дранг нах остен“ коренным образом меняет этническую ситуацию южного берега Балтики. Исчезает не только Балтийская Русь, но и память о ней и о ее свершениях...

„Сказание“ и летописец

Выше были подчеркнуты главные особенности Пути из Варяг в Греки: его начало в Балтике и следование против часовой стрелки. Устье Днепра – Белобережье – было важной станцией путешественников для переоборудования кораблей к речному плаванию и удобным местом для присоединения к каравану судов. Белобережье даже упомянуто в договоре Игоря с Византией.

Как только апостол попал в устье Днепра и пожелал посетить Рим, для него уже не оставалось иного выбора, как следовать по водной дороге на север мимо Киевских гор. Так логически подвел автор „Сказания“ (и летописец?) к посещению апостолом Андреем Киевских гор.

Стоит задуматься и над тем, не было ли привлечено описание Пути из Варяг в Греки с целью направить апостола Андрея к Киевским горам и, конечно, попутно осветить географию Киевской Руси?

Почему летописцы, включая Нестора, отрицали посещение апостолом Андреем Руси и ставили под вопрос все „Сказание“?

Ответ все тот же: Русь крестил князь Владимир! Нестор отвергал не только крещение, но и посещение апостолом Киевских гор по той причине, что даже благословение земли в сознании русского человека ассоциируется с крещением людей, живущих на этой земле, а, как известно, апостольское крещение не может исчезнуть!

Как показала историческая действительность, опасения летописца оправдались...

Но тогда возникает вопрос: почему Нестор вообще внес

„Сказание“ в летопись? Ответ давно дал А. А. Шахматов. Он писал: „Нестор мог сознательно повторять то, чему не верил, если только данный рассказ был ходячим, если к нему успели привыкнуть, если, в особенности, он был освящен авторитетом времени и имени почтенного предшественника“.

Еще один ответ дает А. Г. Кузьмин. Он считает включение противоречивых сведений работой нескольких летописцев и ставит под вопрос принадлежность недатированной части „Повести временных лет“ Нестору. Судя по тому, что Путь из Варяг в Греки ко времени Нестора был анахронизмом, возможно условно согласиться с А. Г. Кузьминым о внесении этого Пути и родственного ему „Сказания“ в более раннее время, чем XII век.

При внесении „Сказания“ в „Повесть временных лет“ летописец, вероятно, имел трудности в отношении места и времени включения. Дело в том, что даже недатированная часть „Повести“ имеет твердую хронологическую сетку. Повествование ведется последовательно от Ноя и до первого полянского князя Кия через промежуточные этапы переселения и расселения с берегов Нижнего Дуная.

Где же поместить „Сказание“ об апостоле, жившем в I веке? К сожалению, наука еще не выяснила точно, где находились славяне в I веке п. Р.Х. По наиболее вероятным расчетам, это была территория Дакии, включая Нижний Дунай. Но известно, что на Киевских горах славяне появляются в VI веке. Повидимому, столетием позже формируется племя полян. Логически было бы включить „Сказание“ в соответствующую хронологическую эпоху – по нашим расчетам, на дунайском отрезке их жизни. Но в „Сказании“ мы читаем о Корсуни, Днепре, Киевских горах – объектах, которые приобретут значение только после расселения славян и появления полян на Среднем Днепре. Эти соображения заставили летописца пренебречь хронологией и поместить „Сказание“ в разделе, где речь идет о полянах.

Трудности с местом включения „Сказания“ могли при-

вести и к иной ситуации. Вначале „Сказание“ действительно было помещено в более раннем периоде, но затем передвинуто на его нынешнее место, позади рассказа о Пути из Варяг в Греки. Это сделал один из редакторов, заметивший несоответствие места включения с географией „Сказания“. О том, что „Сказание“ могло стоять впереди описания Пути из Варяг в Греки, свидетельствуют заключительные слова текста Пути: „А Днепр втечеть в Понетское море жерлом еже море словеть Руское по нему же учил святый Онъдрей, брат Петров, якоже реша“.

Но речи об апостоле Андрее в предшествующем летописном тексте нет. Редактор перенес „Сказание“, но не тронул заключительные слова Пути. В приведенных словах имеется намек на то, что до-летописный прототип имел более распространенный вид по сравнению с летописной версией „Сказания“. Кроме текста „Сказания“, использованного летописцем, возможно, были и другие версии, как на то указывал В. Т. Василевский в своем исследовании.

Много усилий в прошлом было потрачено на выяснение тенденций „Сказания“. Различные ученые видели в нем прогреческие, антигреческие, проримские, антиримские, антиновгородские и прокиевские тенденции. Имеются сторонники и комбинации указанных тенденций. Прогреческие тенденции, например, видели в том, что сугубо византийский святой провозглашается основателем русской Церкви. Проримскую тенденцию обнаруживали в том, что „Сказание“ упоминает Рим, но забывает Константинополь. При этом упускают из вида, что во времена апостола Андрея Константинополя еще не было, а Рим фигурирует только как цель поездки апостола. Особое внимание было уделено антиновгородским тенденциям. Считается, что они содержатся в насмешливом рассказе о северных банях. Но и здесь ошибка – в „Сказании“ полностью отсутствует насмешка. Есть простодушное удивление странным обычаям северян. Прав Л. Мюллер, когда пишет, что насмешка, ирония или даже улыбка не могли иметь место в произведении русского человека того вре-

мени, повествующем о таком серьезном предмете как деяния апостола.

Нелишне отметить, что еще перед 2-й мировой войной рассказы о северных банях были распространены в селах и городках Украины. Особенно поражали воображение южан голые люди, высекающие из бани и бросающиеся в сугробы снега или ледянную воду. Никакой насмешки в этих рассказах не было. Сюжет о северных банях мог уходить в глубокую древность...

Кто был автором киевской версии „Сказания“?

Судя по содержанию и строгому следованию русской церковной традиции, „Сказание“ не было фольклорным произведением былинного типа. Его автор был образованный и мыслящий человек своего времени. Поражает тесная связь с Путем из Варяг в Греки. Причины и значение этого факта не поддаются легкой оценке...

„Сказание“ воспринималось с большим доверием и получило значительный исторический резонанс. О путешествии апостола Андрея по Руси говорили в проповедях и в семейном кругу, на что указывает популярность имени „Андрей“. С гордостью внимали киевляне словам об избранности Киевских гор, по которым ступала нога апостола Андрея Первозванного. Многие города на Руси имели храмы, посвященные апостолу. „Сказание“ было использовано Иваном Грозным в полемике с папским легатом Поссевино, для доказательства независимости русской Церкви от греческой. То же утверждали послы Алексея Михайловича. Опасения провидца Нестора полностью оправдались. Кроме Руси и Греции, широкое почитание апостола Андрея известно в Шотландии.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Кирилл Питорин

Еще один русофобский опус...*

Оглушительная оплеуха, какую „схлопотал“ А. Янов в ответ на публикацию своей американской книги „Новая русская правая“ в «Континенте» (!) от Б. Парамонова – блестяще доказавшего ее полную научную несостоятельность – нисколько не смущила автора. Как не озадачила она и его издателей: книга вышла в переводе на итальянский язык, и вот теперь перед нами – ее расширенный и осовремененный русский вариант.

Это сочинение широко рекламируется нью-йоркской русскоязычной газетой «Новое русское слово» под рубрикой „Лучшие книги на русском языке“. Вот что сообщается о ее содержании в издательской аннотации: „В книге прослежена история идеи об избранничестве России и ее мессианской роли в спасении Запада. Рассказы-

---

*А. Янов, „Русская идея и 2000-й год“. Liberty Publishing House, New York, 1988.

вается о поддержке этой идеи самиздатским журналом «Вече» и официальной «Молодой гвардией», подпольным обществом ВСХСОН и некоторыми представителями ЦК, изгнанным Солженицыным и неизгнанным Беловым. Сегодня ее представляет общество „Память“. **Судьба перестройки зависит от того, насколько Горбачев сумеет противостоять русскому национализму“.**

Выделили последнюю фразу в рекламном объявлении газеты мы: именно в ней концентрируется „сверх-задача“ автора – указать на исключительную опасность явления, разоблачению которого Янов посвятил свою „исследовательскую“ деятельность за границей (впрочем, далеко не только он один). В журнальчике своего единомышленника, русофоба Абрама Терца-Синявского, Янов писал несколько лет назад: „Сейчас мы присутствуем при событии не меньшей, быть может, важности, чем рождение гитлеризма – при выходе на арену мировой политики реакционного фундаментализма, облаченного в рясу религиозно-национальной оппозиции“ («Синтаксис», № 6, стр. 109). Убедительным примером такого „реакционного фундаментализма“ и является для него „новая русская правая“ – все те, кто в условиях современного СССР осмеливаются заявлять о своей русскости, говорить от имени русских. В пухлой своей книге Янов описывает проявления „русского национализма“ в двух его вариантах: неофициальном и официальном.

Небезынтересно отметить, что «Новое русское слово» (русофобские тенденции этой еврейской газеты тоже хорошо известны) рекламирует новый опус Янова вместе с порнографическим шедевром американского писателя, который „был запрещен в Америке из-за откровенных описаний сексуальной жизни героев; да и сегодня не всякая русскоязычная газета решится публиковать главы из него“. Такое совмещение в рекламе двух „лучших книг на русском языке“ кажется нам не случайным: опус Янова представляет собой тоже своего рода шедевр – **политической** порнографии, редкого бесстыдства в передергивании фактов, искажения реальной перспективы. Упомянутый

выше рецензент американского издания „Новой русской правой“ Б. Парамонов, раскрыв явную ложь Янова, изъявил готовность „перенести дело хоть в суд“. Он же выразил убеждение, что „ни один уважающий себя русский издатель“ не напечатает этой лжи («Континент» №20, стр. 255). Этой лжи в русской книге Янова мы не находим; но вместо нее появилось множество других, не менее бессовестных.

Кощунственное бесстыдство является собой уже обложка этой книги (“художник В. Бахчанян”), имеющая для автора концептуальное значение (см. стр. 386). Перед нами – имитация иконной доски с фигурой молящегося святого, у которого вместо нимба – обмотанные красной лентой колосья с пятиконечной звездой государственного герба СССР. Это – пугает Янов – символ России, в случае победы к 2000-му году „русской правой“. Если учесть, что книга выпущена в юбилейном Году – Тысячелетия Крещения Руси – кощунственный характер обложки воспринимается, как вполне сознательная выходка.

Напрасно защищала автора книги благожелательно настроенная к нему Дора Штурман, уверявшая читателей израильского журнала «22»: „А. Янов, независимо от его понимания и толкования русской истории, **не русофоб**. Ни насилия над русскими, ни враждебности к ним, ни их уничтожения он не проповедует. Более того (!): он чувствует себя более русским, чем кем бы то ни было другим“ («22», № 12, стр. 133). **Уничтожения русских** А. Янов в своей книге, действительно, не требует (каков, однако, ход мысли у Д. Штурман!). Но вот уничтожить „русскую идею“ – путем ее наглого извращения, он старается весьма активно.

Вообще говоря, по части бесстыдства новейшая русскоязычная публика, кажется, давно переплюнула всех своих предшественников. С тревогой замечаем явное усиление в этой среде элементов кощунства – по отношению к русскому Православию и христианству вообще. Вот еще один свежий пример: „имитации“ иконного сюжета на обложке книги – св. Георгий Победоносец поражает дра-

кона. Только святому придано карикатурное портретное сходство с известным русским писателем, а вся эта (прекрасно изданная известным американским издательством) толстая книга другого будто бы русского писателя, представляет собой такое же вызывающее безвкусное издевательство над идеями и личностью собрата по литературному цеху. С бесцеремонным влезанием - по „праву“ **бывшего** личного знакомства - в чужой дом, квартиру, постель. И здесь кощунственная обложка книги вполне отвечает ее содержанию, где поношение христианских идеалов занимает значительное место.

Нас могут обвинить в мелочной придирчивости, маниакальной подозрительности. Но вот другой пример, подтверждающий обоснованность нашей тревоги. Издательство „Прогресс“ - **не** московское (пока!), иерусалимское - публикует в переводе с иврита на русский язык так называемую „Историю о повешенном, или историю Йешу из Нацрата“: предания о И. Христе и первых христианах, содержащиеся в Талмуде и мидрашах. Переводчик - Пинхас Гиль - отмечает в предисловии: „Еврейский народ всегда - с момента возникновения христианства и по сей день (книга издана в 1985 году - Ред.) с глубочайшим презрением относился к этой религии, рассматривая христианскую догму, как нагромождение глупостей и несурзностей, а христианскую мораль - как лживую и лицемерную... Ни христианская вера, ни образ жизни христиан не привлекали евреев... Никаких высоких идей, великих мыслей, ничего духовного христианство не могло предложить еврейскому народу, с которым Сам Всевышний заключил в Синае нерасторжимый союз“.*

Мы понимаем, разумеется, всю опасность **обобщений** - отталкиваясь от такого рода фактов и цитат. Но именно на обобщениях строит свою „концепцию“ угрожающего миру „русского национализма“ А. Янов. При том, что - по

---

* „История о повешенном, или история Йешу из Нацрата“. Перевод с иврита. П. Гиль. Издательство „Прогресс“, Иерусалим, 5746(1985), стр. 5-6.

выражению рецензента – „привыкнув однажды плевать в лицо русской Церкви, он никак не может от этой привычки освободиться“ («Континент» № 20, стр. 261). Очень опасное это развлечение...

*

А. Янов именует сам себя „профессиональным историком“, а на обложке книги его аттестуют как „ученого замечательной интеллектуальной оригинальности“. Еще раньше, в «Континенте» – до ссоры Янова с главным редактором, которого **теперь** он тоже презрительно записывает в „проповедники“ „русской идеи“ (неизвестно на каком основании) – этого „профессионального историка“ представили публике весьма оригинально. Цитируем: „Янов нагло придумал (придумывание – занятие наглеца) свою циклическую концепцию русской политической истории от Ивана III до... неизвестно кого“ («Континент» № 9, стр. 213-214). Понимать это, разумеется, следовало в шутку, как утонченный комплимент на специфическом жаргоне вчерашних советских „научных работников“, – тем более, что дальше Янова сопоставляли с А. Тойнби и О. Шпенглером, и оказывалось, что ни тот, ни другой и в подметки не годятся этому выходцу из Одессы. Впрочем, „шуточная“ эта аттестация оказывается и самой точной: истоки „интеллектуальной оригинальности“ Янова-историка следует искать именно в его беспримерной, „одесской“ наглости. Но тут она, яновская оригинальность, и кончается.

А далее начинается то, о чем писал в том же «Континенте» (по Янову – „журнале, контролируемом „русской новой правой““!) уже цитированный нами рецензент: „Янов **вырос** в марксизме, прошел... его школу, а другой школы **не знает**. Отсюда все его суждения, все это непомерное уплощение, обездушивание и обездухотворение рисуемой им картины, преобладание... узкополитических, и только политических, критериев, штампы „левости“ и „правости“, „прогрессивности“ и „реакционности“. Марк-

систская спрятанность – воздух, которым дышит...“ («Континент» № 20, стр. 245).

И другая, цитированная нами рецензентка, благожелательная Дора Штурман вынуждена все же отметить у Янова „атавизм советских школьных, вузовских и публицистических словарных рефлексов“ («22», № 12, стр. 134). Говоря проще – нестерпимо-затхлая **советчина** в языке, господство советско-марксистских шаблонов и стереотипов. Когда же Янов пытается заниматься, так сказать, индивидуальным словотворчеством, из-под пера его выползают такие вот перлы – в вышеупомянутой статье «Синтаксиса»: „влез на котурны (?) интеллектуального лидера“; „перед нами картина гомерических интеллектуальных претензий и прискорбного интеллектуального бессилия“. Это – Янов желает „уязвить“ великого Солженицына – и невольно дает собственный „интеллектуальный автопортрет“.

Не будем останавливаться на общей историософской „концепции“ Янова, и не потому, что – с присущей ему „интеллектуальной“ наглостью – он предупреждает о „чрезвычайной сложности“ своей методологии изучения „поведения России на мировой арене“. Говорить о „русской политической системе“, называя ее **автократией**, и вести ее от середины XVI века до наших дней (для него „Никита Хрущев – глава русского правительства в 1958 - 1964 гг.“) – пожалуй, даже для студентов американских университетов это слишком уж элементарно! Его сочинение пестрит выражениями типа: „формы русских политических кризисов“, „стереотипы русского политического поведения“ – но исходным утверждением является следующее: „Никакого 'советского режима', тоталитарного или нет, не существует“ (стр. 335). Что же касается предреволюционной России, он – сочувственно цитируя такого же еврея-эмигранта – говорит о ней, как о „никогда не существовавшей стране жар-птицы, икон и юродивых, благочестивых царей и христолюбивых крестьян...“ (стр. 34). Вместе с тем КПСС для Янова – „исполняет в советс-

ких условиях традиционную роль православной Церкви“ (стр. 88).

В разбираемом опусе Янов выступает не просто историком, но историком идей – **русской идеи** (неизменно забираемой им в презрительные кавычки). Несколько поколений наших великих соотечественников – в том числе славянофилы и К. Леонтьев, Гоголь и Тютчев, Достоевский и Н. Федоров, В. Розанов и о. Павел Флоренский – вынашивали эту идею, жили ею, воплощали в бессмертных творениях; миллионы других русских людей боролись за нее с оружием в руках, защищая **Святую Русь**; десятки тысяч новомучеников российских, страдая за веру православную, не давали этой идее умереть, питали ее своей жертвенной кровью. И вот теперь, когда она начинает воскресать с новой силой, освобождая нас от десятилетий позорного рабства и вселяя надежду на свободное и достойное существование для нашего народа – и эту идею, и ее носителей стремятся представить в каком-то злобно-карикатурном виде, хамски попирая наши святыни, изображая нас какими-то монстрами. Этим и занят Янов в своем откровенно русофобском сочинении.

Вместо обещанного в начале книги „краткого очерка эволюции ‘русской идеи’ за столетие (1830 - 1930)“ перед нами какой-то шизофренический бред, отрывки из обрывков, беспорядочно надерганные отовсюду цитаты, должны доказать **вырождение** этой идеи. По Янову, „русская идея“ – это „теоретическое ядро идеологии ‘русской новой правой’ – возникла примерно в то же время, что и марксизм, т. е. в 1830 - 1850 гг.“ (стр. 40). Причем здесь марксизм? Ведь не для журнала «Молодой коммунист» – где он подвизался в СССР – пишет теперь Янов? Впрочем, потом оказывается, что именно эта „молодая, динамичная, гибкая утопия левого экстремизма“ и есть – „великий (!) соперник ‘русской идеи’“ (стр. 73)...

Когда-то, двадцать лет назад, Янов, „пробил“ в Советском Союзе дискуссию о славянофилах на страницах журнала «Вопросы литературы». Теперь и можно видеть,

почему ему удалось столь необычно смелое для тех лет предприятие: его подход к проблеме, оценки, суждения – были насквозь советскими, партийными. Но такими же остались они и сейчас, нисколько не изменившись в главном: не случайно самовлюбленно ссылается Янов на старые свои статейки, опубликованные в советской периодике. Только если раньше он вынужденно скрывал и маскировал свою русофобию, теперь она вылезает у него буквально из каждой фразы. Теперь он действительно свободен! Ведь это только в СССР – „из-за отсутствия политической свободы“ – единственно „русские националисты“ твердят, что хотят, „не имея соперников“: так утверждали единомышленники Янова, Елена Клепикова и Вл. Соловьев, в нашумевшей своей статье о „Тайной русской партии“ („Midstream“, oct. 1980, p. 16).

Специально изучавший славянофильство, Янов – как это видно из его рассуждений – ничего не понял в этом учении, в этом движении: он схематизирует, вульгаризирует, предельно огрубляет и бесконечно обедняет содержание славянофильской доктрины. Все движение он рассматривает исключительно в рамках политической оппозиции, делая натяжки, допуская передержки и сознательные, и по элементарному непониманию существа дела. Вот характерная для него фраза, убийственная для его „методологии“: „Исходным моментом политического поиска (?) славянофильства была свобода, пусть (!) лишь духовная, а не политическая“ (стр. 50). Набор подобных фраз должен подвести читателя к тому, что **вырождение „русской идеи“** началось уже у ее основателей, зараженных „национализмом“.

Да и вообще – утверждает наш историк идей – „лучшие русские умы“ поддерживали „культ политического идолопоклонства“: обожествляли государство (стр. 54). Ни слова о том, что перечисленные им „умы“ внесли исключительный вклад в становление „русской идеи“: Пушкин, Тютчев, Гоголь, Вяземский, Жуковский... И не „государство“ они „обожествляли“: власть в то время олицетворялась в личности Государя; все они были монархис-

тами по внутреннему убеждению, а монархизм вовсе не являлся формой „политического идолопоклонства“. (Впрочем, это далеко от понимания не только А. Янова, но и критикующего его Б. Паромонова).

Тема монархического миропереживания – столь существенная в русском историческом процессе, начиная особенно с „московского царства“, – вообще отсутствует у липового „историка“ Янова. Вот его уровень: „коммунистический император Иосиф Сталин“! (стр. 69). Возможно, он вообразил, что имитирует К. Леонтьева – предсказывавшего возможность в России возглавления социалистического движения самодержцем – но далеко, ох, как далеко одесскому еврею до оптинского затворника! Специфика русского самодержавия ускользает от Янова, она для него не существует вообще. Он даже не упоминает о Л. Тихомирове, авторе „Монархической государственности“, – знает ли он, что был такой труд?

В угоду своей схеме, Янов представляет славянофилов „борцами за секуляризацию власти“ и делает славянофильству сомнительный комплимент – оно де „выполнило свою историческую задачу“ (?) – со ссылкой на... К. Маркса! (стр. 56).

Это – ранние славянофилы, к которым у Янова еще снисходительно-терпимое отношение, хотя и они уже для него начинают „вырождаться“, будучи излишне близки к „консерваторам“. „Вырождение“ же для этого исследователя „русской идеи“ – это прежде всего и преимущественно: „скатывание“ к шовинизму. А как всем хорошо известно, великорусский шовинизм – синоним антисемитизма. И вот, окончательно уже „выродившиеся“ славянофилы „экспортировали“ в Германию „Протоколы сионских мудрецов“ (стр. 59), так что у германского национал-социализма обнаруживается... русское происхождение. Есть основания говорить о „русских источниках национал-социализма“ (стр. 74).

Такое головокружительное построение предлагает нам „ученый замечательной интеллектуальной оригинальности“ (см. обложку книги)! В то время как в Германии

даже Ф. Ницше стремятся освободить от обвинений в близости к национал-социалистической идеологии (правда, находя немедленно новых виновных – например, философа М. Хайдеггера) – новейший специалист по русским делам „подтягивает“ к национал-социализму русских славянофилов.

Здесь, на „лакмусовой“ теме антисемитизма выдает себя А. Янов с головой, обнаруживая свой „антисемитизм наоборот“: **русофобство, замешанное на марксизме** (мы-то помним, как „классики марксизма“ относились к России и русским; а для **их** учителя – Моисея Гесса – и вообще расовая борьба предшествовала классовой...). Ирония Янова – на грани истерии, когда он, по привычке играя словами, сообщает читателям, что для „выродившихся“ славянофилов „европеизация России... была на самом деле ее евреизацией“ (стр. 70).

Именно здесь Янов не может не обратиться к своим естественным и единственным идеяным союзникам – в борьбе против черносотенных монстров – к „русским“ марксистам. Он цитирует („антиутопический“, как мы сказали бы сейчас) роман С. Шарапова „Через полвека“ – слова о „коренных русских людях, которые наконец почувствовали себя хозяевами земли своей“, – и торжествующе констатирует: „эти люди“ потерпели **“оглушительное поражение“** в 1917 году! Какой триумф в этих словах из расхожего марксистского лексикона. И это – в книге, издательский знак которой изображает статую Свободы в Соединенных Штатах Америки.

Поистине, надо иметь наглость сверхобычную, чтобы в книге издательства, носящего имя **Свободы** (Либерти) черным по белому писать о марксизме, как „**великом сопернике**“ русской идеи! Вот в каких выражениях говорится в этой „несоветской“ книге о беспримерном насилии, совершенном над Россией, о гигантской катастрофе, которую в апокалиптических тонах начинают описывать даже некоторые русские советские писатели в СССР: „Молодая, динамичная, гибкая утопия левого экстремизма, не связанная предрассудками и реакционной

политической базой (это – об императорской России; „предрассудки“, разумеется, религиозные, Православие! – К.П.), обещала России то, чего не могла обещать старая, выдохшаяся, неспособная оторваться от имперской грезы утопия правого экстремизма. ‘Русская идея’ не могла предложить ни землю крестьянам (этому мешала ее помещичья политическая база), ни мира народам (это противоречило ее „патриотизму“ и мечте о Константино-поле), ни национального самоопределения меньшинствам (из-за догмы о ’единой и неделимой’ империи), ни даже однопартийной диктатуры (из-за своей традиционной ненависти к политическим партиям и привязанности к абсолютной монархии). И поэтому, как только лидеры русского марксизма выдвинули эти требования и ненадолго, правда (кроме диктатуры), но и осуществили их, ‘русская идея’ была обречена“ (стр. 73).

Назвать этот пассаж иначе, чем откровенной коммунистической пропагандой, не поворачивается язык! Итак, „русские (!) марксисты“, уверяет Янов, **осуществили** выдвинутые ими „требования“: земля крестьянам, мир народам, национальное самоопределение меньшинствам!

Дальше – больше: Янов превозносит безмерные достоинства современных „русских марксистов“: „В отличие от теоретиков „русской идеи“, русские марксисты найдут в себе силы для жестокой самокритики, для разрушения своего собственного культа политического идолопоклонства, для новой отчаянной попытки реформы в 1960-е гг. (В 80-х их самокритика достигнет беспредельной остроты)“ (стр. 75).

Да ведь такое – хоть сейчас печатай в новом «Огоньке», «Московских новостях» или «Комсомольской правде»! Если „жестокая самокритика“ современных „русских марксистов“ в СССР и дальше будет развиваться в направлении, поддерживаемом названными печатными органами – Янов еще и в Московском университете будет читать лекции по русской истории и учить „политическим наукам“ **коренных русских людей** – которым, боимся, никогда уже не суждено будет почувствовать себя хозяе-

вами земли своей...

Спохватившись, Янов добавляет все же в конце этой густо насыщенной главки: „Мы знаем теперь, что победа коммунистического правительства Ленина – Троцкого (только что он именовал их „русскими марксистами“! – К.П.) действительно была большим несчастием для России...“ Но здесь же, не переводя дыхания, продолжает: „Но меньшим или большим несчастием для нее была бы победа фашистского правительства Маркова 2-го – Пуришевича (?!), мы не знаем“ (стр. 76).

Мы говорим – спохватившись. Ибо есть пророчество некоего автора-антисемита, неоднократно повторяемое Яновым с каким-то садо-мазохистским упоением:

„Сейчас Россия – в полном и буквальном смысле слова: Иудея, где правящим и господствующим народом являются евреи и где русским отведена жалкая и унизительная роль завоеванной нации, утратившей свою национальную независимость... Можно смело сказать, что европейская кабала над русским народом – совершившийся факт, который могут отрицать и не замечать совершенные кре-тины, или негодяи, для которых национальная Россия, ее прошлое и судьба русского народа совершенно безразличны... Месть, жестокость, человеческие жертвоприношения, потоки крови – вот как можно характеризовать приемы управления евреев над русским народом. Никаких надежд на гуманность, сострадание и человеческое милосердие для жертвы европейского деспотизма быть не может, ибо эти чувства недоступны еврейскому народу, все существо которого жаждет крови и разрушения...

Европе уготован тот же путь... Час расплаты за безумную податливость извергам рода человеческого приближается, и обманутые своими собственными вождями народы Европы на собственном опыте убеждаются в уготованном им кошмарном грядущем, в социалистически-большевистском эдеме, под властью европейского Совнаркома, не замедляющего, без сомнения, выявить свою истинную сущность – человеконенавистнического и антихристианского сверхправительства, стремящегося всех

привести к одному знаменателю, обратив в рабов 'избранного народа' и его царя-деспота сионской крови. Катастрофа близка, при дверях...“

Эти цитаты приводятся Яновым, в частности, на страницах 72-й и 76-й его книги. Отдает ли он себе отчет в том, что если эта книга попадет в нынешнюю Россию – будет она нарасхват именно из-за такого рода цитат? А ведь предупреждала благожелательная Дора Штурман зарвавшегося русофоба об „угрожающей опасности“ пользования подобными цитатами и выражениями типа: „Знаменитая триада XX века – борьба против коммунизма, демократии и еврейства“ («22» № 12, стр. 136). Выражение, которое было им употреблено в американской книге „Новая русская правая“ – в связи с анализом деятельности ВСХСОН.

*

В рецензируемом нами сочинении – в отличие от названной книги того же автора 1978-го года – глава о ВСХСОН открывается рассуждением, собственно к ленинградской подпольной группе отношения не имеющим: этакий экскурс в молодые годы сочинителя, когда „словно ожили славянофилы 1830-х годов“, но и когда оказалось – согласно Янову – что „возрождающаяся 'русская идея' отбрасывает мрачную шовинистическую тень“ (стр. 120). Хотя эта самая „тень“, если следовать тексту, к ВСХСОН никакого отношения не имела (Янов говорит о группе Фетисова, арестованной через год после разгрома социал-христиан) – подобный „зачин“ должен настроить читателя на вполне определенное, подозрительно-отрицательное отношение к русским патриотам из Питера.

Тут же – рассуждение о том, будто возрождавшаяся „русская идея“ неизбежно шла к признанию того, что **истоки зла** следует искать на Западе. К ВСХСОН это тоже имеет отношение косвенное, но и сей пассаж пред назначен явно для того, чтобы бросить „мрачную тень“ на патриотическую организацию, прежде всего стремив-

шуюся к разрешению проблем своей собственной страны, на Западе же искавшей – духовной и моральной помощи. Если судить о ВСХСОН по опубликованной Программе, она может скорее удивить явной ориентацией на христианские идеалы, понимаемые в слишком широком, „экуменическом“ смысле. Известно, что в разработке этого программного документа была использована социальная доктрина католической Церкви, – как она изложена в папских энцикликах Иоанна XXIII и Павла VI, в сочинениях Ж. Маритэна, Э. Мунье и других западных авторитетов. Были, разумеется, и русские источники, и в целом Программа, несомненно, следовала отечественной традиции, но, очевидно, сыграл свою роль „бердяевский облазн“ (об этом имеются свидетельства участников).

Называть „этот по-своему замечательный документ“ (определение Янова) „энциклопедическим сводом русского либерального „антиевропеизма“ (стр. 12) по меньшей мере странно. Достаточно просмотреть список книг, какими пользовались при составлении программных документов (он приложен к „посевскому“ изданию Программы ВСХСОН), чтобы убедиться: ни о каком „антиевропеизме“ всхсоновцев и речи быть не могло; **в то время**, по крайней мере. Напротив, была твердая вера в **христианскую Европу**, убеждение в наличии общих христианских корней всех европейских народов, в состав коих естественно включался и русский народ. Отсюда – сознательная ориентация на христианско-демократические партии Западной Европы, попытка создать **нечто подобное** в русском социал-христианском движении (с „отсечением“ духа партийности: значение этого момента **в практике** европейских „христианских демократов“ из России 60-х годов невозможно было увидеть и почувствовать), упование на возможность **совместного** разрешения мировых проблем в христианском духе и в контексте объединяющегося мира.

Именно эта ориентация ВСХСОН, ставшая известной западным друзьям (!) организации еще до провала, привела к тому, что с протестом против готовившейся над ее

членами расправы выступили (в газете «Монд») такие европейские знаменитости, как Р. Арон, Г. Марсель, Ф. Мориак и другие, а в годы заточения И. Огурцова в его защиту неоднократно выступали Пьер Эмманюэль, Оливье Клеман, не говоря уже о целом ряде американских сенаторов.

Так что, при ближайшем рассмотрении **никакого „антиевропеизма“ в программе ВСХСОН не усматривается, как и в его идеальных интенциях**. Эффектная формула Янова высосана из пальца.

Тем не менее, он продолжает развивать эту тему. После чудовищного и оскорбительного для русских патриотов утверждения о „знаменательном сходстве с большевистской доктриной“ (на основе фразы из программного документа – совершенно „бердяевской“, между прочим! – о коммунизме, как „болезненном детище материалистического капитализма“) Янов „интерпретирует“ выдернутые из контекста слова: „в основе русского зла, конечно же, оказывается западное буржуазное начало“ (стр. 128).

Коммунизм – о котором говорится в цитированном отрывке Программы ВСХСОН – для Янова всего лишь „русское зло“: это – исходное убеждение автора, которое с маниакальной настойчивостью и однообразием он повторяет „во всех своих книгах“ (пользуясь его же выражением). Впрочем, потом оказывается, что всех ожидает еще худшее „русское зло“ – „фашизм“; и вообще – в России ничего, кроме „зла“, на протяжении всей ее тысячелетней истории, сей „профессиональный историк“ не видит. И он пытается высмеять уверенность в том, что в основе этого безусловного зла – то есть все же **коммунизма!** – лежит западное буржуазное начало. Право, ему следовало бы полемизировать не с „авторами Программы ВСХСОН“, в которой нет ни слова о „западном буржуазном начале“, – а с теми славянофилами, которых он когда-то изучал, и из которых, видимо, вынес это упрощенное до предела представление. Даже странно как-то: читал человек классиков славянофильства, диссертацию защитил по К. Леонтьеву – и не только не проникся хоть

каким-то уважением к этим замечательным, предельно искренним в своей страсти мыслителям – но извлек из этих чтений нечто прямо противоположное: неприязнь, недоброжелательство, ненависть. Не потому ли и **защитил** диссертацию в СССР?

Еще одна пространная цитата – действительно, самое важное, центральное убеждение русских социал-христиан (и здесь – прямое воздействие даже стиля Бердяева!): о духовной борьбе за личность, о роковом выборе двух путей – к Богу или сатанократия. Оно справедливо определяется как „ядро миросозерцания ‘русской идеи’ на протяжении полутора столетий“ (стр. 129). Но здесь-то Янов и выкладывает свой главный аргумент – торжествующим прокурорским тоном: „В этом самом глубоком своем мировоззренческом смысле ВСХСОН оказывается в русле ‘русской идеи’, а вовсе не диссидентского демократического движения, борющегося за гражданские права и экономические реформы. По сути ВСХСОН был противоположен этому движению, для которого духовное возрождение есть произвольное от борьбы в „экономической и политической сфере“. Демократическое движение борется не с духами (?), а с вполне реальным авторитаризмом, именовавшим себя ‘реальным социализмом’. Поэтому (?), в отличие от ВСХСОНа, не ‘русский путь’ противопоставляло оно советской системе, а права человека и гражданские свободы“ (стр. 129 – 130).

Не первый раз производится здесь произвольное, надуманное рассечение, разделение „русского пути“ и справедливого требования гражданских прав и экономических реформ (будто бы составляющих исключительную прерогативу „демократического движения“), „духовного возрождения“ и „экономической и политической сферы“. Об этом писал Янов уже в 1978 году в американской своей книге, где был еще категоричнее: „Для демократического движения, ‘духовное возрождение’ вытекает из борьбы в ‘экономической и политической сфере’, и его видение мировой ситуации – не в терминах противостояния ‘теократии’ и ‘сатанократии’, как для ВСХСОНа, но в терминах

противостояния между демократией и авторитаризмом. Советскому режиму оно противопоставляет не 'русский путь', но именно 'западный' ".

Что же, Янов выразил свои позиции более чем ясно, и - если бы не эта неистребимая ненависть к „русскому пути“ - пусть бы и оставался со своим возврением. „Западники“ и „славянофилы“ в прошлом веке находили общий язык: и те, и другие были русскими, заботились о благе России. Ныне времена изменились.

Представлять сторонников „русского пути“ абсолютно чуждыми проблематике гражданских прав и экономических реформ в России – не просто неверно, но и вопиюще несправедливо. Вдвойне несправедливо – в отношении ВСХСОН, о котором здесь речь.

Наконец, обличитель „русского пути“ и „русской идеи“, наклеивший на ВСХСОН фальшивую этикетку „антиевропеизма“ и „отделивший“ организацию от „экономической и политической сферы“, обрушился на действительно творческую идею, изложенную в Программе, идею **корпоративного государства**. Логика его безупречна по-видимости: „вдохновил“ положительную часть документа Н. Бердяев; Бердяев был под обаянием „спекуляций Муссолини о корпоративном государстве“ (отсюда - рукой подать до прямого обвинения автора „Нового Средневековья“ в фашизме): значит, ВСХСОН – „фашистская организация“.

Беспочвенность обвинений в „фашизме“ (в упрощенно-демагогическом понимании этой доктрины), казалось бы, очевидна для каждого, кто дал себе труд без предубеждений познакомиться с программными документами социал-христиан. Кроме того, нельзя не согласиться с Д. Поспеловским, когда он обобщает: „Весь опыт русского национализма показывает, что фашизм-нацизм в чистом виде не прививался к нему из-за органического переплетения русских национальных течений с Православием, не допускающим расизма“ («Границы», 1987, № 143, стр. 189).

Что же касается корпорativизма – не один Н. Бердяев воспринимал положительно эту идею в 20 – 30-е годы; не

говоря уже об Эзре Паунде, можно назвать Т. С. Элиота – его книга „Идея христианского государства“ была в библиотеке ВСХСОН. И до сих пор корпоративистские идеи на Западе имеют своих сторонников.

Обвинение в фашизме, однако, базируется не исключительно на предложенной в Программе идее „корпоративного государства“. Янову до зарезу нужно найти доказательства **антисемитизма** членов подпольной организации, – иначе что бы это была за „русская правая“! И, раз уж он обвинил в антисемитизме даже бывшего директора Радио „Свобода“ Дж. Бейли – с **русскими** ему справиться много легче. И вот из архивов все того же Радио извлекается текст радиопередачи о Достоевском – с участием выехавшего на Запад всхсоновца Е. Вагина, где этот последний „неосторожно“ солидаризируется с убеждением писателя в том, что истинно русский человек – непременно православный по вере. И что бы, казалось, в том, – ведь говорят сейчас армяне открыто, что для них „армянин“ и „христианин“ синонимы. Но Е. Вагин представлен Яновым, как „директор идеологического отдела ВСХСОН“ – и так невинная цитата становится основанием для **обвинения** в антисемитизме. А тут и еще материалец: опубликованные в «Гранях» лагерные воспоминания известного провокатора Петрова-Агатова (так его определил „сам“ Терц-Синявский): дескать, по Вагину, „все несчастья в России – от евреев“. И, в довершение всего – байка лагерная, со слов Синявского, о каком-то уже совершенно нацистского образца „члене ВСХСОН“, угрожавшем истреблением евреев, если те добровольно не покинут Россию.

Диагноз Янова: „латентный антисемитизм“ ВСХСОНа. Звучит вполне академично, и почти беспристрастно. Только и здесь не может он удержаться от своего обычного дешевого паясничания: „Что стало бы делать вагиновское правительство со мною и близкими мне по духу, – не православными, а следовательно нерусскими?..“ (стр. 137). Рискнем предположить: скорее всего – ничего не стало бы делать. Просто не заметило бы. Ведь это только в эмиграции мы из мухи делаем слона.

*

К такому раздуванию из муhi слона у самого Янова – особое пристрастие. При том, что чего-то он „в упор“ не замечает, – даже когда речь идет о фактах, которые могли бы только подтвердить его концепцию. Так, почти ничего не говорит он о клубах „Родина“ и ВООПИК – Обществе охраны памятников культуры, с его 12-ю миллионами членов; обходит вопрос о Русской Православной Церкви и „националистическом“ движении в ее среде (о. Дмитрий Дудко), оставляет практически без внимания писателей-„деревенщиков“ (лишь на последних страницах появляются фразы против „недавних потрясающих черносотенных откровений“ В. Белова и В. Астафьева). На эти упущения ему было указано рецензентами американского издания (Дж. Данлоп в „Soviet Studies“, okt. 1978) однако исправлены они не были. „Память“ же наш эксперт по русским делам просто-напросто „просмотрел“, – и несколько ядовитых замечаний в „Постскриптуме к русскому изданию“ дела не меняют.

Именно на фоне этой странной для исследователя „близорукости“ поражает способность Янова строить **из ничего** фундамент для своих головокружительных „интеллектуальных“ построений. Рецензенты высмеяли смеютворные его „документальные“ приложения к американской книге – что не мешает ему хвастливо и лживо твердить о „великом множестве документов“ в ней. На этот раз Янов возводит удивительную конструкцию на основании одного материала, напечатанного в нашем альманахе «Вече». Главка носит название „Урок“ – и повествует о том, как, будто бы, „эмигрантская фракция русского национализма“ „проучила“ западную публику.

„Фракция“ – это и есть независимый русский альманах «Вече», который Вы,уважаемый читатель, в этот момент держите в руке. Янов приводит выдержку из Поздравительного письма Президенту США Правления Русского Национального Объединения в ФРГ (издатель альманаха), и выделяет то место, где содержится призыв к „нахождению союза, понимания и честной дружбы с русским народом“ – „первой и наиболее пострадавшей

жертвой коммунистической диктатуры“ («Вече» № 1, 1981). Заметим сразу же, что эта принципиальная линия альманаха – насколько можно видеть по его публикациям – не изменилась за семь лет его существования. К сожалению, желаемой поддержки в должной степени она, эта линия, не получила...

Однако, Янов пытается убедить своих читателей прямо в обратном, и утверждает – **абсолютную ложь**. Он представляет дело таким образом, что якобы, после этой публикации „новая американская администрация действительно перестроила кадровую структуру радиостанций „Свобода“ и „Голос Америки“, чтобы адаптировать американское радиовещание на СССР к идеям 'русской новой правой'“ (стр. 36), иными словами – послушно пошла на поводу РНО в ФРГ и его печатного органа «Вече»! В результате чего будто бы новый директор радиостанции „Свобода“ Дж. Бейли, „человек, близкий к Солженицыну“ – „привел с собой группу эмигрантских радиокомментаторов, разделяющих националистические взгляды Солженицына“. Для пущей важности Янов ссылается на статью в американской газете, но умалчивает, что авторами таких статеек оказываются не просто его единомышленники, но часто такие же как он новейшие эмигранты-евреи из СССР. Чтобы убедиться, что в представленной картине нет ни грана правды, достаточно посмотреть, **кто** действительно работает „радиокомментаторами“ в русской редакции радиостанции „Свобода“, **что и как** они „комментируют“...

Казалось бы, не полный же кретин этот ненавистник России, должен бы понимать, какие эмоции он возбуждает. Янов явно провоцирует своих русских читателей, вызывая недобрые чувства к нему даже у людей мягких, чуждых экстремизма. Но эту реакцию читателей, обращенную против него – автора клеветнических, вздорных сочинений – Янову, видимо, сильно захочется представить, как „антисемитизм“.

Янов искренне убежден, что каждый русский, потенциально, „латентно“ – антисемит; что антисемитизм и

составляет тайную скрытую силу русского национализма. В сущности, этой – и только этой теме посвящена вся его книга, адресованная русскоязычной публике; об этом же он писал и в своей предыдущей американской книге.

Но уже рецензент „Новой русской правой“ Эндерс Уимбуш „существенной слабостью“ его анализа назвал „излишнее подчеркивание им антисемитизма, как стимула русского национализма“ („Russian Review“ № 1, 1980). Безусловный авторитет в такого рода материалах, Леонард Шапиро, утверждал: „Неверно отождествлять (русский) национализм с антисемитизмом. Русская мысль традиционно характеризуется своеобразной комбинацией националистических и российско-православных взглядов, в которой соединяются подозрительность к парламентской демократии с уважением индивидуальной свободы. Антисемитизм не составляет части этой традиции“.

Между тем вся „концепция“ Янова строится исключительно на форсировании антисемитских мотивов в среде „русского национализма“ – неофициального и вполне официального: и лауреат Нобелевской премии А. Солженицын соседствует в этом „анализе“ с мало кому известным Г. Шимановым, «Вече» Вл. Осипова сближается с комсомольским журналом «Молодая гвардия» – и у всех „монархизм“, „шовинизм“, „фашизм“, цементируемый будто бы врожденным русским антисемитизмом.

„Время ВСХСОНа миновало, – пророчит Янов. – Не соединялись больше в ’патриотическом’ сердце либерализм с национализмом“ (стр. 191). Так он пишет, совершенно забыв, что выше – обвинял ВСХСОН, как „начало диссидентской правой“, во всех смертных грехах, начиная с „латентного антисемитизма“. Вернемся еще раз к этому „началу“.

Выше говорилось уже о странной для университетского профессора невнимательности (непростительной небрежности для историка „русской идеи“): многие факты, необходимые для полноты анализа, он „не замечает“. Вот и относительно ВСХСОН – его **русских** корней. В каком смысле **действительно** можно считать эту русскую нацио-

нальную, и уже поэтому антикоммунистическую организацию – началом „новой русской правой“, которой, судя по всему, суждено сыграть решающую роль в назревающих событиях?

В альманахе «Вече» (на который неоднократно ссылается в своей книге Янов, говоря об „эмигрантской фракции русского национализма“, и который сотрудникница Радио „Свобода“ Ю. Вишневская назвала недавно „крайне националистическим“ эмигрантским журналом – Radio Liberty Research, 134/88) в рубрике „Материалы по истории русского самосознания“ был опубликован любопытный документ **позднего** славянофильства – „Воззвание сторонников соборности и свободного труда в Земле Русской“ («Вече № 9, стр. 70-90). Значение этого документа в том, что он может считаться одним из **русских источников** Программы ВСХСОН – по утверждению публикатора, Е. Вагина (см. стр. 70).

Но важен и другой момент. „Воззвание...“, составленное АФ. Васильевым, весьма углубляет представление о позднем славянофильстве. Янов, напуганный антисемитскими пророчествами романа С. Шарапова, твердит о „вырождении“ славянофильской идеи в начале века. Ничего подобного! Достаточно привести хотя бы вот эти программные утверждения из опубликованного «Вече» документа „Мысль о том, как надлежит устроиться Русской Земле и чему подобает в ней быть“: „**Всюду, всегда и во всем – уважение, внимание и поддержка человеческой и народной личности и труду с их непосредственными нуждами, и противодействие всякому посягательству на их достоинство и свободу**“.

А заключительные строки этого „Воззвания“ прямо ведут к Обращению **сегодняшнего** патриотического объединения „Память“: „**Очнитесть, православные русские люди!** Поспешим к покинутым нами пастырям; станем думать с ними нашу великую думу: как возжечь в русских людях веру; как сплотить распадающееся Отечество; как спасти от духовной темноты и убожества самих себя и своих ближних! Займемся прежде всего теми, кто подле

нас: восстановим в былом его значении православный церковный приход; приютим всех обретающихся в его пределах сирых и убогих, напитаem голодных, найдем дело безработным; и станем все, как один человек, под знаменем нашей святой веры, под водительством нашей соборной Церкви, **на защиту державных прав в Русском государстве Русского Народа, на защиту целости и достоинства Русского Государства, на защиту в нем обще-гражданской свободы и человеческих прав!**“

Оказывается, и **так** можно подходить к проблеме прав: прав русского человека, державных прав русского народа в своем государстве! Сфера экономическая, хозяйственная всесторонне рассмотрена в этом документе – в контексте тогдашней исторической эпохи...

Оказывается, преемственность в развитии **русской идеи** – есть. Действительно, ее можно „протянуть“ от ранних – но особенно „поздних“ славянофилов, через ВСХСОН, осиповские журналы «Вече» и «Земля» к нынешнему «Вече» и к нынешней „Памяти“. В этой идее ничего агрессивно-шовинистического, враждебного к другим народам нет. Напротив: защита своего собственного национального достоинства (что ставится на первое место!) естественно предполагает уважение национального достоинства других; русские патриоты – первые, кто открыто заявляет об уважении к другим и следует этому правилу в жизни.

Если же „поздние славянофилы“ – уже в нашем веке, особенно после первой „русской“ революции, позволяли себе резкие высказывания против евреев-революционеров, – как и сейчас, это было лишь ответной реакцией. Не будем обращаться для иллюстрации к документальным главам монументального солженицынского повествования, но вот что писал один из достойнейших продолжателей славянофильской традиции, Д. А. Хомяков (сын известного богослова): „Основатели новейшего социализма, конечно, были националисты, ибо были евреи; а таковые, говоря против национализма, всегда работают в пользу господства единого ими признаваемого народа –

Израиля". Так чувствовали русские люди уже в 1908 году. (Д. А. Хомяков. „Православие, самодержавие, народность“. Изд. Братства преп. Иова Почаевского, 1982, стр. 171).

И еще одна, заключительная реплика – в этом неизбежном столкновении цитат, каким становится разговор с янову-подобными. Он приводит на стр. 325 своей книги „один из самых поразительных выводов из истории нашего века“ – сделанный „английским ученым“ Норманом Коном: „Существует подземный мир, где патологические фантазии вынашиваются плутами, полуобразованными фанатиками – для невежественных и суеверных. Бывают времена, когда этот подземный мир возникает из глубин и внезапно зачаровывает, пленяет и обволакивает массы обычно здоровых и ответственных людей. И случается, что этот подземный мир становится политической силой и меняет ход истории“.

В существовании „подземных миров“ нам, людям конца XX века, приходится убеждаться на собственном опыте. „Наблюдения Кона, – поясняет Янов, – это наблюдения над Германией 1920-х годов“. Но именно тогда, в 20-е годы, и не только в Германии, сведущими людьми обобщались наблюдения, накопившиеся на протяжении столетий. И вот, некий польский эмигрант, писавший по-французски, сделал такое обобщение – относительно феномена Революции, какой имеет самое непосредственное отношение и к яновской книге: „Всегда имеются сотни тысяч настолько наивных людей, которые просто-душно верят, будто революции являются собой спонтанные движения и могут осуществляться сами по себе. Это кажется пределом абсурда в эпоху, которая апеллирует к „научности“ во всем, и живя в которую надо бы занять, что даже те процессы, которые некогда считались автоматическими – например, разложение трупа, болезнь, страсть, так называемая естественная смерть, – в действительности определяются вполне конкретными и живыми агентами, именуемыми токсинами, бациллами, работающими в этом направлении. То же самое происходит и

в обществе (человечество в пространстве), и в истории (человечество во времени). Бациллы, токсины в образе людей, которые не замечаются поколениями и которые игнорируются (или будто бы игнорируются) историками, – но существование которых не составляет тайны для бактериолога общества и истории, – вызывают лихорадки, разложение, паралич или конвульсии, составляющие феномен Революции". (E. Malynski. „La guerre occulte“, Ed. de Beauchesue, Paris, 1936).

Рекомендуем всем, на кого могут произвести впечатление выкладки Янова, прежде чем с ним полемизировать, – посмотреть в этом свете на историю „русской“ Революции, совершенной будто бы „русскими“ марксистами. И только после этого, по-настоящему серьезно, обратиться к Русской Идее.

НАШИ ВЕСТИ

Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным

Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко

Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов

Подписку направлять по адресу:

NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA

**ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
ЮБИЛЕЙНЫЙ НОТНЫЙ СБОРНИК**

**Песнопения из Службы
Св. Князю Владимиру»**

**ИЗДАНИЕ РУССКОГО ХОРОВОГО ОБЩЕСТВА
Нью Йорк**

Составитель и редактор: В. П. МОРОЗАН

Сборник содержит 26 песнопений: Стихиры на вечерни и утрени, Тропарь, Кондак, Величание, припевы на молебне и прочие песнопения к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Переложения и сочинения Львовского, Яичкова, Шведова, Н.Черепнина и Чайковского.

**Цена: 1 - 2 экз. - по ам. долл. 7.00 шт.
свыше 10 экз. - по 5.00 шт.**

За пересылку следует добавить 2,50 ам. долл (в США)
или 5,00 ам. долл. (заграницу).

Чеки и заказы направлять:

Russian Choral Society Publications
3394 Monarch Lane, Annandale, VA 22003, USA

Интервью Д. Д. Васильева*

...Сейчас, вы видите, что интерес к патриотическому объединению „Память“ очевиден, и не только в нашей стране, но и во всем мире. Когда я говорю в целом мире, то подразумеваю тот факт, что сегодня весь мир ополчился против „Памяти“. /.../ Мы это, естественно, хорошо понимаем, очень хорошо ощущаем и видим, что в настоящее время перестройка, гласность, демократия оседланы темными силами, то есть практически все, что происходит в нашей прессе на сегодняшний день, это пропаганда тех идеологов, которые в начале века несли разрушение, – такие как Емельян Ярославский-Губельман, Троцкий-Бронштейн, Зиновьев-Аксельбаум и многие другие. Пропаганда тех, кто внес свою лепту в уничтожение нашего народа, в уничтожение национальных святынь, кто надругался над нашей Православной Церковью и над вероисповеданиями других народов. Мы видим, как цинично попирались все то, что являлось корневыми и стержневыми устоями нашего народа. Мы видим, какой был геноцид по отношению к нашему народу, как уничтожались лучшие слои интеллигенции и духовенства, как уничтожались лучшие слои народа, а та часть, которая не могла выдержать этого кошмара и бежала в зарубежье, там была вынуждена закончить свою жизнь. И сейчас, когда идет перестройка, мы видим, что поднимаются и

---

* Один из руководителей патриотического объединения „Память“ Д. Д. Васильев дал по телефону из Москвы 24 апреля с. г. интервью, записанное на магнитофонную пленку. Предлагаем вниманию читателей «Вече» это интервью с незначительными сокращениями. Ред.

реабилитируются те люди, которые ненавидели Россию, которые были настроены русофобски – такие как Бухарин, Зиновьев и многие другие. Достаточно почитать бухаринские злые заметки, опубликованные в «Правде» в 1927 году, для того, чтобы понять, как этот человек ненавидел Россию... Или этот русофоб Зиновьев, который тоже ненавидел Россию, – этот просто смеялся и куражился над славянофильской Русью. И этого человека тоже реабилитируют.

Нам понятно, для чего это делается. Это делается для того, чтобы не только повторить погром русской национальной культуры, начатый в 20-е годы, но уже добить ее. Ведь на протяжении десятилетий проводится такой неприкрытый геноцид против истории всей нашей культуры (есть масса свидетельств и доказательств того огромного количества злых деяний, которые на протяжении всего этого времени совершались), что в этом коротком интервью просто нет возможности все перечислить.

Поэтому нужна теоретическая основа для добивания. Для этого нужно поднять из пепла идеологов разрушения, которые, вроде как бы страдальцы и мученики сталинских репрессий, теперь должны восстать и повести дело перестройки, гласности и демократии по тем же направлениям, которые были установлены еще в 20-е годы. Если вспомнить имена этих идеологов уничтожения нашей национальной культуры, которые упоминаются в газете «Правда» со дня ее существования, то мы видим таких деятелей, как Каганович. Почему-то, говоря о репрессиях Сталина, забывают говорить о Кагановиче, который имел решающее значение в партии и правительстве и который осуществлял практически концепцию идеологов разрушения... Мы почему-то забыли о Берии, о Ягоде, которые издевались и измывались над русским народом...

И сейчас, когда мы говорим о патриотическом объединении „Память“, которое поддерживает народ, мы видим против нас в печати грязные клеветнические публикации продажных писак-журналистов, которые выполняют пар-

тийные указания верхних слоев агитпропа (отдела агитации и пропаганды), возглавляемого членом Политбюро Яковлевым. Именно Яковлев дает указания своим сатрапам вроде Виноградова (зав. отделом агитации и пропаганды при МГК КПСС), а тот в свою очередь своим работникам Ландратову, Данкину и т. д., по разрушению деятельности национально-патриотического фронта, то есть деятельности патриотического объединения „Память“.

Поэтому мы постоянно подвергаемся слежке, преследованиям, людей увольняют с работы, подслушиваются телефонные разговоры. Проверяют тех, кто посещает мой дом. Московским аппаратом КГБ вербуются люди, чтобы они становились провокаторами и стукачами. Недавно мне рассказывали о том, что несколько работников московского КГБ, приняв изрядную дозу спиртного, сидели и друг другу похвалялись, как они взяли „Память“ под колпак, сколько агентов они в „Память“ внедрили и что в любой момент они прикроют нас крышкой. Рядом с ними сидели два наших человека и все внимательно слушали, как они изголялись. Но то, что они видят – это надводная часть айсберга, а подводной части им никогда не увидеть, ибо это душа русского человека, которую уничтожить невозможно – никакими карательно-репрессивными мерами, никаким карательно-репрессивным аппаратом. Потому что когда пробуждается самосознание, это остановить уже невозможно, а пробуждение налицо. Поэтому вся эта дезинформация о „Памяти“ только лишний раз ставит их в идиотское положение и показывает, кто является врагом своего народа, своей собственной страны. Но у них ничего не получится по одной простой причине: я честно исполняю свою гражданскую миссию, свой гражданский долг, долг человека и гражданина своего отечества. Я выполняю свой долг верующего, православного человека, который должен занимать не пассивную, а активную позицию в этом мире.

Кстати, Яковлев занял откровенно русофобскую позицию еще в 1972 году, опубликовав в «Литературной

газете» от 15 ноября статью, где он изложил свои русофобские взгляды. Они имеют изначальные корни в тех же самых злых заметках Бухарина. Именно эти бухаринские тенденции мы просматриваем и в статье Яковлева, а также в действиях Виноградовых, Ландратовых, Данкиных, которые распространяют свое влияние на райкомы партии города Москвы, на московский аппарат КГБ и даже на обкомы и райкомы партий других областей, районов и городов.

Но, к великому счастью, народ прозревает, народ понимает ложность этой русофобской позиции. Народ понимает, что его в очередной раз пытаются обмануть, создавая, например, такие провокационные объединения как “П - 2” („Память - 2“) под эгидой Пономарева, Прыгина, Сычова, Сальникова, Кузнецова, братьев Поповых, Михайлина, Жданова и многих других, которые находятся в тесном контакте с аппаратом московского комитета партии и в частных беседах не скрывают того, что их взял за горло московский городской комитет партии, чтобы они срочно создали свой Совет. Вот как выполняются основные постулаты перестройки, гласности и демократии на сегодняшний день.

Поэтому вы видите и становитесь свидетелем того, что игра идет в одни ворота. То есть под прикрытием демократии враг практически пытается облизать нас грязью. Я называю этих людей потому врагами, что они попирают элементарное понятие демократии. Официальные представители агитпропа забывают о том, что у нас все-таки беспартийное большинство. На каком основании используя власть, используя партократические и бюрократические приемы, используя приемы подавления всякого инакомыслия, подавления всякой мысли, они орут во всех газетах, на телевидении и радио о том, что, мол, давайте дискутировать? И во что это вылилось; эта сторона изложила всю гадость, на которую она способна, потому что светлых идеалов нет у этих людей, а есть только грязь на уме. И вот эта грязь выплеснулась на страницы партийной печати, включая газету «Правда»... И получи-

лась „правда“ за 5 копеек. Но правды там не было совершенно. Потому что эта грязь, которая выливается против патриотического объединения „Память“ (а „Памяти“ не дают сказать ни одного слова), говорит о том, что правды, как таковой, боятся. У нас слишком много „правд“ развелось – пионерская „правда“, комсомольская „правда“, московская „правда“, тамбовская „правда“ и много других „правд“. А Правда должна быть одна. Надо вот сократить все эти „правды“, сделать одну Правду, а за счет сокращенных газет организовать газету „Памяти“. И тогда мы смогли бы полемизировать с газетой «Правдой» и многими другими газетами, которые пытаются навязать свое мнение, говоря о том, что они говорят от имени народа, забывая, что они все-таки меньшинство, а не большинство. А когда мы говорим языком народа, нам заявляют, что мы не имеем права говорить от имени народа. И своей дезинформацией на страницах газет, дезинформируя людей, они заставляют людей быть соучастниками преступлений. Люди, лишенные правильной информации, включаются в клеветническую обойму и начинают писать клеветнические письма в адрес этих газет, откликаясь на статьи. Монополию на всю информацию захватила группа людей, которые оседлали понятия перестройки, гласности, демократии.

Мы в своем воззвании совершенно четко объявили себя политической оппозицией всем темным силам в партии и государстве. Если против нас выступают партийные органы, если против нас выступают такие люди, как Яковлев и многие другие, не является ли это ярчайшим подтверждением того, что это и есть темные силы, космополитически настроенные, которые борются против национально-патриотического фронта?

Если они нас называют антисемитами – а мы таковыми не являемся; если они называют нас фашистами – а мы таковыми не являемся, не свидетельствует ли это о попытке темных сил свалить все с „больной головы на здоровую“ и осуждая патриотическое объединение „Память“, навязать свои взгляды населению нашей

страны и таким образом спровоцировать антисемитские погромы и профашистские выступления? И поэтому я думаю, что происходящее в настоящее время с „Памятью“ – это открытый удар по национально-патриотическому фронту с целью американизировать наше общество для того, чтобы задворки разложеческой „культуры“ парализовали наш народ и увили его от насущных требований, которые сегодня волнуют его. А волнуют они его не только в свете морали и нравственности, но и в экономике, политике и во многих других вопросах. Здесь очень четко просматривается в tandemе с партийными органами роль того органа, который, казалось бы, является представителем власти, власти народной – Моссовета, который должен практически поддерживать, который должен зарегистрировать наше объединение. Но Моссовет не только устранился от этого дела, но в лице заведующего отделом культуры Бугаева тоже выливает на нас потоки грязи. Если внимательно проанализировать действия Бугаева, то мы тоже можем найти очень много темных пятен в его биографии. Но мы пока молчим. А тем не менее эти, так называемые „перестройщики“, которые на протяжении 20-ти лет лизали задницу брежневской администрации, которые творили застой, которые сидели на руководящих постах, сегодня учат нас жизни и лепят на нас политические ярлыки. А мы им в свою очередь высказываем вотум недоверия. Всем тем, кто выступает против народного движения, мы выражаем вотум недоверия. Ибо эти люди пытаются навязать нам чужеродные идеи, погасив тем самым истинное, национальное стремление народа к своему возрождению.

Возьмем такой период, как культ личности Сталина. Кто его делал – народ? Народ его не делал. Его делали партийные органы вместе с государственными. А кто принимал участие в осуществлении всех репрессий, которые тогда происходили? Давайте возьмем партийные биографии некоторых деятелей. Отдельные люди занимали уже тогда достаточно высокое положение в партии. Уже

более 20-ти лет Яковлев принимает активное участие в управлении государством, в партийном аппарате. Где же тогда была его партийная совесть? А теперь он нас перестраивает, осуждая культ личности Сталина и многое другое. Или, например, в одной из телепередач выступает председатель советского комитета защиты мира Боровик, и призывает расправиться с руководством „Памяти“, привязав на шею камень и кинув их в реку. Вот этот „миротворец“ тоже 20 лет пел дифирамбы застою, а теперь он самый главный перестройщик. Можно верить таким людям? Я таким людям не верю. Они не верят мне, а я не верю им, так же, как им не верят и многие другие люди.

Поэтому я могу сказать: то, что сейчас происходит – это самый настоящий фарс. И поэтому возникновение „Памяти“ – была реакция на все застойные явления, было свидетельство того, что народ не может больше терпеть глумления над своей культурой и историей, над разрушением памятников отечества, догматического и партократического долдоства, которое в тупик заводит все. Еще Ленин и Маркс говорили о том, что они оставляют после себя не догмы, а плод творческих размышлений. Даже своих идеологов эти люди забывают. Например, когда исключали из партии Николая Скородумова и когда он задал вопрос секретарю парткомиссии МГК КПСС Архиповой (в свое время снятой Ельциным с поста заведующей отделом агитации и пропаганды и назначенной секретарем парткомиссии): „Прежде чем осуждать Васильева, Вы хоть что-нибудь слышали из того, что он говорит?“, Архипова ответила: „Ну вот еще, буду я слушать какого-то Васильева, когда мне Ленина почитать некогда“. Вот так рассуждают партийные деятели, которые своих-то идеологов не знают...

Нам постоянно говорят о том, что мы „Иваны, не помнящие родства“, что мы не умеем хозяйствовать, что землю нашу не возродить. И вот уже едут к нам с Запада специалисты, которые будут нас учить, как сажать репу со свеклой, как сажать огурцы и прочее. Но при этом на-

тоящих патриотов лишают возможности доказать, что в сельском хозяйстве у нас нет никаких проблем. В частности, патриотическое объединение „Память“ неоднократно выступало с предложением взять отстающие в сельском хозяйстве регионы для возделывания земли, чтобы доказать, что в сельском хозяйстве нет никаких проблем. Но по каким-то незримым, тайным телефонным линиям, из кабинетов тех людей, к которым мы обращались, поступали звонки о том, что мы нацисты, фашисты и т. д.

Нам талдычат, что у нас нет врагов. А кто тогда это делает? Мы пытаемся выполнять продовольственную программу и тем самым хотим помочь народу избавиться от нехватки сельскохозяйственных продуктов, а партийные органы дают нам отказ. Всякие шептуны дают рекомендации и советы о том, как от нас избавиться и что нужно сделать для того, чтобы помешать нам осуществить наши цели...

Мы не можем с этим мириться, несмотря на все то, что пытаются нам учинить отдельные представители властей, используя свое служебное положение, в частности, член Политбюро Яковлев. Мы выражаем ему вотум недоверия. Как бы нам ни говорили, что он – душа перестройки, мы видим обратную реакцию, то есть осуществление тех его русофобских взглядов, которые были высказаны в его статье. Например, несмотря на заметное оживление религии в нашей стране (разрешают кое-где открывать храмы, более свободным стало отправление религиозных обрядов), тем не менее есть масса регионов, где не дают открывать храмы – это и в Молдавии, и в Белоруссии, это и в средней полосе. Ко мне приезжают люди из разных мест страны, где власти, несмотря на постановления вышестоящих органов, изголяются и не дают верующим открывать храмы.

Кстати, о средней полосе. Вы посмотрите, до чего доказались. Мы неоднократно поднимали вопрос, на каком основании Среднерусская низменность и Среднерусская возвышенность стали определяться названием „Нечерно-

земье“, которое должно писаться с маленькой буквы и существовать как определение почвеническое, но никак не географическое понятие. Постепенно это вползло в умы и теперь „Нечерноземье“ пишется с большой буквы, что открыто насаждается с высоких партийных трибун. А слово „Россия“ мелькает все реже и реже, все реже и реже упоминаются истинные русские названия. Интересно, где же такие люди – „нечерноземцы“ по национальным признакам – проживают у нас. Что это за регион такой у нас „нечерноземный“ появился? То есть, отнимают вначале название, потом будут отнимать язык, а потом – за колючую проволоку. Но мы этого не допустим по одной простой причине – это наша родина и умирать нам придется именно здесь, у могил наших матерей, у могил наших предков...

Обращаясь к вам, то есть к тем, кто будет слушать меня или читать эти строки, я хочу сказать только одно: сердца всех добрых и порядочных людей, вне зависимости от их национальной принадлежности, должны биться в одном ритме, в ритме очищения нашей планеты от нечиисти. Если мы противопоставим единство наших сердец, единство разума, уверенность и крепкую веру, то никакой враг, никакой сатана не сможет с нами справиться. Ибо мы в своем энергетическом порыве будем творить добро, а это есть Бог. Это и есть то, что является Божественным Промыслом в сегодняшней нашей жизни.

Вот что я хотел сказать вам сегодня. Если есть какие-то вопросы, я готов на них ответить.

– Дмитрий Дмитриевич, как Вы относитесь к Емельянову?

– К Емельянову я отношусь, честно говоря, отрицательно. Вторая часть книги, где он осуждает христианство, откровенно враждебна и вносит раскол в наши ряды. Более того, многие аспекты книги исторически легко поддаются опровержению. А я считаю, что при написании подобного рода книг должна соблюдаться абсолютная точность, построенная на железных документах, чтобы противник и враг не мог за это ухватиться и на

этом построить свое обвинение.

— Что Вы можете сказать о Ельцине?

— Что можно сказать? Человек он прямой, честный. Мы с ним встречались и он прямо, честно и по-деловому разговаривал с нами. Но вот, как только человек стал говорить правду, его тут же изгнали с его поста. Странно, почему же не предали суду Гришина и Промыслова, почему не предали суду всю партократическую машину, которая на протяжении 20-ти лет грабила, уничтожала, убивала. Почему члена Политбюро Кунаева лишь „на пенсию“ проводили... Существует еще огромное количество людей, которые при всем при этом были, которые потворствовали и обо всем знали. А если они ничего не знали и руководили государством, то, простите, что же это за руководители такие? Почему их-то не привлекают к ответственности? А как только голос правды поднял Ельцин, его тут же выкинули. И кто выкинул? Тот же гришинский аппарат МГК КПСС, который лизал Гришину задницу и с утра до вечера пел ему дифирамбы. Потом все эти люди начали петь дифирамбы Ельцину. И все они вдруг на Ельцина набросились, все стали осуждать его. Это говорит о том, что все эти люди не имеют своего мнения, все они управляются одним стеком, одной плетью. А это уже не народная власть – это власть партократической единицы, которая, утверждая свои политические амбиции, пытается навязать то или иное мнение. А мы таких мнений слышали уже не одно, отсюда и жертв огромное количество на протяжении всей истории.

Если сегодняшний промежуток времени проходит без физического уничтожения, то это лишь до тех пор, пока партократическая единица не захватит власть окончательно в свои руки, чтобы потом устроить очередной геноцид и чистку нашему народу. Но это уже не удастся. Все как один встанут на защиту своих идеалов, своего отечества, ибо терять уже нечего. Так что сейчас идет игра с огнем. Я предупреждал партийный аппарат неоднократно. Они мер никаких не принимают, издеваются, ведут совместную работу с провокаторами всех мастей по

созданию псевдопатриотических организаций. А нам отказывают в регистрации и во всех формах деятельности. Правда, несколько дней назад мы провели в Донском монастыре субботник. Были там и „искусствоведы“ в штатском. В отглаженных костюмах они ходили между крестами, изображая из себя туристов. А надо было бы не следить, а взять лом с лопатой и работать вместе с нами.

Так что там, где народ – борьба с народом очень тяжела. И сразу же на поверхность выливается все, – вся ложь, вся нечистоплотность, все ханжество, все лицемерие. Поэтому когда мне говорят, какое право я имею судить члена Политбюро, я в свою очередь отвечаю: какое право имеют члены Политбюро насаждать чужеродную народу политику? Я опять возвращаюсь к члену Политбюро Яковлеву. Сейчас, посовещавшись с активистами патриотического объединения „Память“, мы решили на Яковleva подать в суд. Если наше заявление за оскорбление, которое он нам нанес, суд не примет, мы будем через международные инстанции (и вы должны нам будете в этом помочь) судиться с членом Политбюро Яковлевым. В швейцарской газете „Иллюстри“ он обозвал нас „антисемитами“. Мы никакого отношения к этому не имеем, а поэтому это клевета, статья 130 УК РСФСР.

Кстати, недавно мы были в Манеже, где открылась очередная выставка проектов памятника погибшим. Честно говоря, там выставлены кошмарные проекты. Но есть и хорошие, например предложение восстановить Храм Христа Спасителя и всю среду, которая была вокруг храма. Но в основном эта выставка производит совершенно жуткое впечатление... Поклонная гора у нас срыта, но борьба продолжается, потому что все сферы влияния и в искусстве, и в архитектуре тоже заняты непонятно кем.

Говорят, что у нас в стране антисемитизм, но при этом забывают сказать, что в столице советского государства Москве существуют проспект еврея Карла Маркса, площадь еврея Янкеля Свердлова и многие другие улицы, которые названы именами евреев. Кстати, творческие союзы в большинстве своем состоят из людей европейской

национальности. Зачем же говорить без конца о том, что есть какой-то антисемитизм? Здесь скорее всего русофобия, русофobia ярко выраженная. Мы видим, как сейчас стараются отнять у нас национальные признаки, заставить нас всех быть „советскими“, без корней, без истоков. Но я сначала русский, а уж потом – советский. Вот такие происходят вещи, против которых также приходится драться и бороться. И мы делаем все возможное, чтобы слова Правды и Истины пробились. Скажу, что наши филиалы находятся в 30 городах, большое количество их и в Москве.

В заключение хочу сказать: все, что разделяло нас в прошлом, мы должны сейчас отметить и искать пути сближения. Мы должны объединиться против самого страшного врага – сионизма и масонства, которые опутали сетью весь земной шар. Что это за безобразие такое? Во всем мире существует только один вопрос – еврейский. Почему? Что, у нас других вопросов не существует? Не существует опасности мировой войны, не существует опасности химического оружия, ни экологических проблем и многое другое? Все радиостанции, и «Немецкая волна» и многие другие, все воят только на эту тему. И почти никто не говорит о положении русских. О других национальностях еще где-то и как-то упомянут, а о проблеме русского народа не говорят. Нас только обвиняют, что мы „русифицировали“ всех, хотя уж сколько пострадал русский народ – трудно себе представить. Если мы составим обвинительное заключение на всех, кто прямо или косвенно повинен в преступлениях против русского народа, я думаю, не хватит и нескольких томов. Но ведь не злопамятны. Если вспоминаем прошлое, то это только для того, чтобы не повторять ошибок в будущем.

- Большое спасибо, Дмитрий Дмитриевич.
- Спасибо вам. Не забывайте родину...

Издание „Памятников русской духовной музыки“

По всему миру русские православные церкви привлекают внимание посетителей своими позолоченными куполами и лучезарными иконами. Но побывавшие на церковном богослужении безусловно уносят с собой, также, и незабываемые звуки церковного пения, исполняемого во славу Божию исключительно человеческими голосами, без всякого инструментального сопровождения.

Отмечаемое ныне 1000-летие Крещения Руси является одновременно и 1000-летием русского церковного искусства, как изобразительного, так и вокального. В связи с юбилеем подготовлены проекты, направленные на восстановление и сохранение этого достояния. Церкви реставрируются, как памятники церковного зодчества, осуществляется реставрация старинных икон.

Но совсем иначе обстоит дело с церковной музыкой – от древних распевов, слышанных св. князем Владимиром, вплоть до великолепных гармоний Рахманинова. Многим известно, что колossalному наследию русской духовной музыки, разбросанному по всему свету в обветшальных копиях и скрытому в малоизвестных архивах, грозит опасность полного забвения! Сочинение, издание и изучение духовной музыки не поощряется в Советском Союзе; исполняется эта музыка, за редкими исключениями, только в церквах. А для исполнения используются потрепанные, зачастую рукописные, голосовые партии; только у регента-дирижера имеются полные партитуры, чаще всего, редчайшие и основательно потрепанные дореволюционные издания. Этого вряд ли достаточно для удовлетворения даже повседневных нужд церковного обихода, не

говоря уже о сохранении и изучении этой музыки в более крупном плане.

Чтобы обеспечить сохранность этого великого музыкального наследия на следующее тысячелетие, Русское Хоровое Общество, наметило грандиозный план: собрать, отредактировать и заново переиздать, в сорока томах, полное собрание духовно-музыкальных произведений десяти крупнейших композиторов конца XIX века – Чайковского, Рахманинова, Кастальского, Гречанинова, Чеснокова и др., – а также, избранные произведения других эпох, от древнейших времен до эмиграции XX-го века, включительно.

Работа над „Памятниками“ уже началась: собрано более 1.200 произведений в оригинальных печатных изданиях, и положено начало сложному процессу редактирования – стандартизирование и модернизация нотной графики (напр., перевод из старинных цефаутных ключей на современные), транскрипция и переводы текстов (для облегчения пользования нерусскими певцами и учеными), и составление сопровождающих научно-критических статей. Первый том. „Историческая хрестоматия русской духовной музыки“, уже отредактирован и готовится к выпуску ко Дню св. Владимира 1988 года.

Нотоиздательство – весьма дорогостоящее предприятие: нотный набор (гравировка) каждой страницы стоит не менее 25 долларов, печатание и переплет, еще больше. Для того, чтобы издать 500 экземпляров „Хрестоматии“ к намеченному сроку, Хоровому Обществу необходимо собрать около 25.000 долларов. Поданы запросы в различные фонды и научные организации, но, в конечном итоге, успех проекта зависит от финансовой помощи со стороны отдельных заинтересованных лиц и организаций, а главным образом – от русской общественности.

Различные юбилейные торжества, связанные с 1000-летием Крещения Руси, пройдут через год, осуществление же настоящего проекта сохранит достояние русской духовной музыки для употребления в церквях, научно-исследовательских заведениях и концертных выступле-

ниях, как в России, так и на Западе, для многих будущих поколений!

За добавочной информацией о проекте и условиях подписки на серию изданий можно обращаться к главному редактору „Памятников“, д-ру Владимиру Морозану, по адресу:

3394 Monarch Lane, Annandale, VA 22003, USA

Пожертвования, которые (в США) можно списывать с подоходного налога, просьба направлять в Издательский Фонд Русского Хорового Общества:

Russian Choral Society Publications Fund,
188 Prospect Avenue, Sea Cliff, NY 11579, USA

От Редакции:

По недосмотру типографии в «Вече» № 29 выпала концовка статьи **Вл. Осипова** „Немного справедливости“. Предлагаем вниманию читателей выпавшую концовку статьи, начиная с последнего предложения на стр. 171 «Вече» № 29:

...Юрий Бадзьо томится в якутской ссылке за рукопись „100 лет украинской речи“, Дмитрий Мазур, отбывший 6 лет в лагере, тянет лямку ссыльного за что? За дюжину „антисоветских реплик“, вроде, „почему у колхозников небольшие пенсии?“, в бурятской ссылке ему сломали руку, раздробили нос и поклялись убить. Власти „нейтральны“, прокурор советует „помириться“ со шпаной, Мазур бежит из ссылки, опасаясь быть зарезанным, его ловят и добавляют год лагеря за побег. Это все факты наших дней, новой эпохи. Номенклатура атакует перестройку, не переводя дыхания, или это чересчур ничтожные факты? Или все проблемы не стоят одной? Откуда эта дискриминация всего остального, этот целена-

правленный перекос внимания? Если мы считаем себя гуманистами, то честно ли **так** соизмерять пропорции? Честно ли в одной проблеме топить остальные? Честно ли все сложности задач большой страны свести к одной-единственной – задаче выезда из нее части еврейства?

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный национальный журнал

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посыпать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

НАМ ПИШУТ

В редакцию журнала «Вече».

М. Назаров в № 29 «Вече», в своем письме в редакцию, назвал меня „очень сердитым автором“.

М. Назаров не прав. В обычном своем уклончивом стиле он применил эвфемизм, смягчающую характеристику. Я не сердитый, я **ЗЛЫЙ**.

Оправдание своей злости я нахожу в том, что мы, русские националисты, находимся в состоянии перманентной войны, а на войне как на войне, врагам не улыбаются и не расшаркиваются перед ними.

Морально же я считаю себя **обязанным быть злым** перед лицом всех бед, которые свалились на нашу родину и перед лицом бед, которые ей готовят те, кому Россия немила.

Конкретно же о том, что писал М. Назаров, хочу отметить, что я не обвинял Сахарова в том, что он создал из себя идола, а писал, что из него создали идола. Может быть, что Сахаров человек скромный. Но скромность бывает двоякой: не создавать самому из себя идола или же не допускать, чтобы из тебя сделали идола. Вот этого второго вида скромности мы не видели.

Говорят: „Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты“. Сахаров нашел себе друга и единомышленника в Горбачеве. Нигде у Сахарова я не видел критики марксизма-ленинизма, и нигде не видел намека на какую-либо другую идеиную установку. Да и призывы Западу конвергировать со „зрелым социализмом“ говорят сами за себя. Сахаров не враг советской власти, а советская власть марксистско-ленинская, а во многом еще сталинская, о чем даже пишут в советской прессе.

М. Назаров защищает газету «Русская мысль», изображает ее бедной страдалицей, подверженной огню критики, потому что она единственная в Европе. Как раз эта единственность (бедная Европа!) обязывает «Русскую мысль» быть газетой широкого профиля. Мы же видим, что газета стала рупором тех, кому не мила национальная Россия, рупором русофобов, рупором тех, которых больше волнует судьба поляков, евреев, татар, чем судьба русского народа. И, самое страшное, рупором **ЛЖИ** о России, русском народе, рупором той же **ЛЖИ И ДЕЗИНФОРМАЦИИ** о русском национально-религиозном возрождении.

Несколько удивил меня перечень недостатков газеты «Русская мысль», приведенный М. Назаровым. В общем, он повторяет то, что я написал. Только все написано в уклончиво-эвфемистическом стиле – как бы не обидеть.

Тут у меня возник первый вопрос: видел ли эти недостатки М. Назаров ранее, до того, как прочел мою статью? Если да, то почему молчал, вопрос не такой уж малозначимый, особенно если учесть, что специальные копии на тонкой бумаге этой газеты перебрасываются в Россию. Тут мне пришла мысль, что злость моя принесла хоть небольшую пользу – заставила М. Назарова высказать свое мнение о газете.

Но дальнейшие рассуждения М. Назарова о критике и о праве каждого на свою позицию, о демократии и т. п. для меня абсолютно неприемлемы.

Прежде всего, об аргументированности критики. Моя критика основывалась на конкретном материале, публикуемом в газете. Спорить тут об аргументированности или неаргументированности нет места – тем более, что мне не ясно, что считает М. Назаров аргументированным, а что нет. Замечание его о посещаемости церквей во Франции – мельчение, „ловля блох“. Посещение церквей и вообще уровень религиозности во Франции – как и на всем Западе – неуклонно снижается, вполне закономерно и мое замечание, что не французы и вообще не человеку с Запада критиковать посещаемость церквей в России, где она неуклонно повышается. Что же касается Афганистана, то для меня каждый погибший там прежде всего русский парень, погибший за интересы, чуждые России. Для меня это боль, как бы ни казалась желательна его гибель в общем аспекте сдерживания советской агрессии. Вот этой боли за русского паренька, понимания горя его родителей, его семьи, его друзей я не видел на страницах «Русской мысли». Только кровожадный – именно кровожадный – подсчет голов.

М. Назаров вообще не понял смысла моей статьи. Я не полемизировал с «РМ» и не стремился к тому, чтобы моя критика была принята во внимание теми, к кому она обращена. Я только хотел показать русскому читателю истинный смысл и подоплеку того, что публикует газета. То, что я писал, можно высказать кратко: „Держи русофоба, дезинформатора и клеветника“. Я старался показать, что то, что пишет «Русская мысль», направлено на отвлечение русских людей от основных задач русского национального возрождения, на подавление веры в возможность и успех такого возрождения, на клевету на русский народ.

В связи с этим для меня выеденного яйца не стоят рассуждения М. Назарова о „праве на позицию“. Да, каждый имеет право на позицию, но правдивую и честную. Демократия не есть вседозволенность. А то позиция М. Назарова напоминает мне слова Сэма Уэллера из „Пиквикского клуба“ Диккенса: „Этот джентльмен бил свою жену кочергой, но это простительная слабость для джентльмена“ (если я напутал авторство и неточно процитировал, то прошу прощения у читателей). Перефразируя: „Эта демократическая газета дезинформирует и клевещет, но это простительная слабость для демократа“. Есть позиция честная и дружественная, есть же лживая и враждебная. По отношению к враждебной и лживой позиции я позволю себе быть враждебным и злым. К чему призываю и М. Назарова.

А то он доверчиво черпает из «Русской мысли» „общирную информацию об оппозиции в стране“. Как бы эта информация не завела М. Назарова, человека бесспорно любящего Россию, в тениста русофобии и дезинформации. Я тоже читаю «Русскую мысль», правда, не столь регулярно и не с той же целью. Я в ней нахожу информацию о том, что больше всего тревожит сейчас русофобов, определяю „болевые точки“, которые они считают необходимым штурмовать – и, таким образом, меняя знак с минуса на плюс, определяю, в каких областях русский народ достиг наибольших успехов в деле восстановления своего национального самосознания, своей духовной сути, своей исторической гордости.

В завершение своего письма хочу напомнить М. Назарову, что вопрос, следует ли принимать мои статьи всерьез, будут решать все читатели, а не

он один. Он может не принимать их всерьез, это его право, но выставлять отметки за всех ему не дано. И что в дискуссии следует точно цитировать, не вырывать из контекста. Я писал о конкретном номере газеты, что в нем все темы, связанные с национально-религиозным возрождением, покрыты завесой молчания, а не вообще о газете. „Полемика должна быть честной“, – так, кажется, был заголовок одной статьи М. Назарова.

М. Назаров укоряет меня за то, что я „перехожу на личности“. А не кажется ли ему, что высказывания о сердитости, о принятии статей всерьез, о том, что он „знает меня, как порядочного человека“ – переход на личности? В частности, последнее. Каждый автор пользуется презумпцией порядочности, и порядочность его не обсуждается, пока нет доказательств в обратном.

Я тоже сожалею, что наши мнения с М. Назаровым не сходятся. Согласимся хоть на том, что мы с ним согласны во многом, и разойдемся с миром. На этом и порешим. Аминь.

P. S. В руках у меня последний номер «Русской мысли» от 6 мая 1988 года. Решил проверить: не ошибся ли я. Увы, не ошибся. То же самое – ни одного доброго слова о России, о русском народе, ни одного положительного, конструктивного предложения на будущее. Снова о России, о ее судьбе рассуждают люди, которым ненавистна **любая** Россия... Увы, должен сказать М. Назарову, что не отрекаюсь ни от своей оценки газеты, ни от методов и слов, какими эта оценка мною высказывается.

О. Бирюков.

В редакцию альманаха «Вече»

ПОМОЩЬ В. САМАРИНУ ЗА НАМИ

Апелляционный Суд США отказался пересмотреть дело Владимира Соколова - Самарина, несмотря на явно „сумбурное и противоречивое“ его решение, по мнению адвокатов Самарина.

Вместо исправления своей прежней судебной ошибки, этот суд упрямо остановился на ней, чем и вплел новые „лавры“ в свой венок позора, в котором, помимо множества других, красуются „лавры“ дела по расследованию обстоятельств убийства президента страны, „лавры“ за непривлечение к ответственности сенатора, подозреваемого в том, что он утопил свою секретаршу и недавние „лавры“ за выдачу израильскому суду человека, оклеветанного сомнительной „документацией“, изготовленной специалистами органов советской госбезопасности.

Мы всё еще придерживаемся старых русских взглядов на суд, каковым он должен быть. Но наше представление о суде „скором, правом и равном для всех“ никак не подходит к судам западного мира. Наши русские судьи были независимы в принятии своих решений, а судьи Запада часто принимают решения под давлением извне, действуя в духе политических

партий, к которым принадлежат. Их национальная принадлежность, симпатии и антипатии зачастую превалируют над справедливостью.

Нам надо наконец осознать, что уже в феврале 1917-го года Россия, перестала существовать как независимое государство. Долгие столетия западный мир пытался свалить нас и подмять под себя. Это осуществлялось с отречением от Российского престола нашего императора. Мы все тогда, утратив наше подданство царю, стали рабами наших извечных врагов. „Интернационал“, тогда покоривший Россию, представлял собой букет из таких „цветочков“ как наши „добрейшие союзники“, генеральный штаб кайзера Вильгельма и банкиры из Нью-Йорка.

Не стану перечислять нашествий врагов на Русь. Неудачи привели их к мысли, что в открытом поле нас не одолеть. И был введен „Троянский конь“ нашего поражения – „передовые идеи“. Ими сокрушена была наша основная сила, наше единство. Оно особенно проявило себя в Отечественной войне 1812 года. Но в 1917 году вместо единства воцарился духовный разлад.

Этот разлад в ходе революционных событий привел к пленению русского народа большевиками, за властью которых скрывается власть векового нашего врага и власть эта достигает всех нас, где бы мы не находились. Например, советское руководство считает нас всех гражданами СССР, а наши хлопоты в иностранном мире по этому вопросу остаются безуспешными. Почему?

Через свою агентуру, службу информации, высшее чиновничество всех стран, „народных“ представителей западных государств эта власть безнаказанно клевещет на русский народ, выхватывает, даже за пределами границ СССР, русских людей из среды их зарубежного проживания и творит над ними свое судилище, не обременяя себя необходимостью доказательства их вины.

Дело Самарина проверит в будущем свободный и справедливый русский Суд. Но уже и сейчас для непредубежденных людей ясна невиновность его. Мы уверены, что если не физически, то морально нынешние его судьи сами усядутся на скамью подсудимых.

Судьба семьи Владимира Самарина, как и его самого непосредственно касается всех нас и мы должны, мы призваны помочь ему в обретении страны пребывания, оказывать ему постоянную материальную поддержку.

Ю. Вахтель, США.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68
Flushing St.
N. Y. 11379
Tel. (718) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

**P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.**

Tel. (03) 337-6880

**Просьба оформлять подписку на «Вече
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство,
по указанному выше адресу.**

**Стоимость подписки на 1 год (4 номера)
42.00 австралийских доллара.**

Цена одного номера - 12.40 австрал. доллара.

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера	15 нм
подписка на 4 номера	50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера	9 ам. долл.
подписка на 4 номера	30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече” №№ 1, 2 и 3 в Европе —
24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече” — в Европе 24 нм, в
США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече”, начиная с № .....

Фамилия, имя .....

Адрес .....

.....
.....
.....

Оплату произвожу почтовым переводом
приложенным чеком

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в трояком значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...
- 3) в смысле органа политической власти..."

Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
литография И. А. Ефрана,
1892

„Вече (от „вешать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971

Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ

Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2